Г. В. ВЕРНАДСКИЙ

НАЧЕРТАНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

— Часть первая

Евразийское Книгоиздательство

1927

Г. В. ВЕРНАДСКИЙ

НАЧЕРТАНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Часть первая

С приложением

«Геополитических заметок по русской истории»

П. Н. Савицкого

Евразийское Книгоиздательство

1927

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ОПЫТ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ

(V—XX вв.)

Copyright by Eurasia Verlag 1927.

Право перевода на иностранные языки сохранено

за автором.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книжка не представляет собою полного обзора русской истории, но, как обозначено и в заглавии ее, — лишь краткое начертание.

В этом первом выпуске „Начертания" намечена только основная рамка внешних событий русской истории. Явления внутреннего развития русского народа и государства должны послужить предметом особой характеристики, составив вторую часть предлагаемого обзора.

Книжка предназначена в первую очередь для читателей мало знакомых с фактами русской истории; автор однако старался, насколько возможно, внести в свое изложение итоги новейшей научной работы и размышлений над русской историей как других исследователей, так и своих собственных.

События русской истории и политика отдельных ее деятелей рассматриваются на географическом фоне. С этой точки зрения большое значение в настоящем очерке должны были бы иметь географические карты, и их следовало приложить в изобилии; к сожалению, по техническим условиям издательства, пришлось ограничиться лишь тремя малого размера схемами.

В конце книги помещены краткие библиографические указания. Это не есть сколько-нибудь исчерпывающая библиография. Назначение этих указаний — направить работу читателя, который пожелает ближе ознакомиться с тем или иным вопросом, затронутым в настоящей книжке.

Типография „Политика" Прага.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Русский народ и его место в истории.

Творец русской истории — русский народ. Развитие русского народа в последовательной поступи времен и есть собственный предмет русской истории.

Русский народ рос и развивался не в безвоздушном пространстве, а в определенной среде и на определенном месте.

Если посмотреть на этнографическую карту расселения русского племени к началу XX века, мы увидим, что к этому времени рамки расселения русского племени почти совпадают с границами русского государства — Российской Империи. Лишь незначительные части русского племени оставались вне этих границ — напр. Галиция, Угорская Русь, Буковина в составе прежней Австро-Венгрии, ныне в составе Польши, Румынии и Чехословакии.

Большая часть русского племени после падения Российской Империи осталась в рамках Союза Советских Республик, но значительные группы отошли после войн 1914—1920 гг. — к Польше, Румынии, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии.

Не случайна связь народа с государством, которое этот народ образует, и с пространством, которое он себе усвояет, с его месторазвитием.

Исторический процесс стихиен: в основе своей он приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, не зависящими от пожеланий и вкусов отдельных людей (да и сами эти пожелания и вкусы входят в общую икономию исторического процесса).

Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению.

Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду.

Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает.

Русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказывавшееся им историческое давление было способно освоить это место.

Итак, основные элементы русской истории:

а) Степень давления русской народности на окружающую среду,

б) Степень сопротивления, которая была противопоставлена окружающей средой.

Нужно, следовательно, принимать во внимание не только внутреннее развитие самой русской народности, но также и внешнюю историческую среду (географическую, этническую, хозяйственную и пр.), где происходило развитие этой народности.

Географические рамки развития русской народности чрезвычайно широки. Эти рамки гораздо шире того, что называется „Европейской Россией". Понятие „Европейской России" есть искусственно созданное в XVIII—XIX вв. в европейской и русской исторической и географической науке понятие.

Понятие „Европейской России" ни в один исторический момент не соответствовало действительному распространению русского племени.

„Россия" в смысле территории русского племени никогда не совпадала с рамками „Европейской России".

Наше историческое сознание свыклось с мыслью, что территория „Европейской России" как бы самой природой (равнина в естественных границах) предназначена была для образования единого государства. Мысль эта однако в корне ошибочна уже потому, что „Европейская Россия" естественных границ к востоку не имеет: географический характер „Европейской" и сопредельной „Азиатской" России один и тот же. По сю и по ту сторону Камня („Уральского хребта") те же горизонтальные почвенно-ботанические зоны: тундра, лес, степь.[1]

Урал „благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, не только не раз'единяет, а наоборот, теснейшим образом связывает" Доуральскую и Зауральскую Россию.

Нет „естественных границ" между „европейской" и „азиатской" Россией. Следовательно нет двух России, „европейской" и „азиатской". Есть только одна Россия „евразийская" или Россия — Евразия.

Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу.

---

[1]) См. о них ниже § 2.

§ 2. Евразия, как географическая основа развития русского народа.

Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, но именно Срединный Материк, как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии.[1]

Географически этот мир может быть определен, как система великих низменностей-равнин (беломорско-кавказской, западно-сибирской и туркестанской).

В почвенно-ботаническом отношении можно разделить всё пространство Евразии на длинные полосы не в направлении градусов долготы (как несуществующая граница между Европой и Азией), а в направлении градусов широты.

Главнейшие из этих полос („зон") суть следующие:

а) Безлесная тундра, тянущаяся вдоль побережья Ледовитого океана. Узкая на западе (Кольский п.), эта полоса расширяется к востоку.

б) Лесная зона (оставляю в стороне менее существенные подразделения лесной зоны на различные области хвойных и лиственных пород). Южная ее граница — от южных Карпат по линии приблизительно городов Киев, Казань, Тюмень, а оттуда — к Алтаю и вдоль северных границ монгольских степей и пустынь.

в) Степная зона (с черноземными и каштановыми почвами), к югу от границы лесов. (Между лесной и степной зоной различают еще обыкновенно „предстепье" — дубовое в доуральской России, березовое в Сибири.) Леса в небольшом количестве лишь по долинам рек и балкам (степным оврагам).

г) Зона совершенно безлесных пустынь (арало-каспийских и монгольских). Подобно северной полосе тундры, эта полоса пустынь шире на востоке и сходит на нет к Западу.

Область тундры имеет небольшое значение для русской истории, как и для истории Евразии вообще.

Область пустынь играет большую роль в истории Евразии, в значительной мере обуславливая собою направление дви-

---

[1]) Соответственно с этим, „Западная Европа" всюду ниже называется просто „Европою", а „южная" и „юго-восточная" Азия (Аравия, Персия, Индия, Китай) — просто Азиею. — Весь Старый Свет — совокупность Европы, Евразии, Азии и северной Африки (Египет и пр.) — покрывается понятием Икумены (Oecumene-икумени-Вселенная византийцев).

жений кочевых племен Евразии. Однако для истории русского народа область евразийских пустынь непосредственной роли почти не играет до XVIII века и собственно имеет значение лишь для истории XIX века.

Зато географической основой русской истории является соотношение лесной и степной полосы, борьба леса и степи.

В настоящее время между этими двумя зонами нет резкой границы с точки зрения хозяйства, особенно в России доуральской.

Одинаково, и в лесной и в степной зоне преобладающее значение имеет земледелие (по крайней мере в южной части лесной зоны).

В прежние времена лесная и степная зона наоборот резко разделялись в отношении хозяйственном. Лесная зона была первоначально областью охотников, степная — скотоводов.

Лесные племена, занимавшиеся охотой, должны были играть меньшую роль в истории Евразии уже благодаря своей меньшей численности (так как занятие охотой требует большей площади на каждого жителя, чем занятие скотоводством).

Таким образом первоначально скотоводческое хозяйство играло первенствующую роль в общей экономике Евразии.

Кочевые народы монголо-турецкого и отчасти иранского корня, занимавшиеся преимущественно скотоводством, и являлись поэтому главными деятелями Евразии до образования русского государства.

Земледелие в хозяйственной истории Евразии вдвигалось клином между лесом и степью. (Совершенно особо стояла южная окраина Евразии — Хорезмская область — один из древнейших на земле центров культуры хлебных злаков.)

Русский народ выступает в истории Евразии преимущественным носителем земледельческой культуры. Не надо забывать однако, что хозяйственно освоить территорию Евразии русский народ мог лишь потому, что на ряду с земледелием, он всегда занимался посредничеством между лесными промыслами и степным скотоводством.

Русский народ — не только народ-пахарь, он также лесопромышленник и скотовод, и народ посредник между разными хозяйственно-природными областями, народ-торговец.

Именно вследствие этой торговой роли русского народа, в его исторической жизни такое значение имели торговые пути

и прежде всего — естественные пути, об'единяющие лес и степь — т. е. великие реки с их притоками, Волга, Днепр, а впоследствии также Обь с Иртышем, Енисей, Лена, Амур и др.

Географические особенности Евразии во многом предопределили ход исторического развития русского народа.

§ 3. Евразия, как месторазвитие.

Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде.

Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образуют различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории.

Таким образом может быть установлена система сменяющихся типов месторазвитий. В русской истории можно наблюдать различные типы бо́льших и меньших месторазвитий. Цельным месторазвитием являлась каспийско-черноморская степь, далее речные области — об'единения леса и степи (Днепровско-Киевская, Волжско-Болгарская). Бо́льшим месторазвитием является вся Евразия, как цельный географический мир.

Именно в рамках этого мира могли образовываться такие крупные социальные единицы, как скифская, гуннская или монгольская империя, а позже Империя Российская.

В процессе образования Российской Империи русское племя не только воспользовалось географическими предпосылками евразийского месторазвития, но в значительной степени создало себе для будущего Евразию, как единое целое, приспособив к себе географические, хозяйственные и этнические условия Евразии.

История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию — Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа.

Сама природа Евразии в наше время есть природа в значительной мере переработанная русским народом в своих хозяйственных нуждах.

Природа Евразии в XIII в. и природа ее в наше время — два разнствующих друг от друга лика.

Под влиянием человека исчезает тайга, превращаясь в лес и пашню; почти исчезли леса средней полосы, девственная степь русского юга почти вся распахана.

Природа северной России до XIV—XVI в. в. и природа южных степей того же времени — два совершенно различные хозяйственные мира, требующие совершенно различных приемов хозяйственной эксплоатации.

В наши дни — в основе единообразны хозяйственные лики севера и юга России (земледельческая стихия).[1]

Во многом это единообразие хозяйственного лика новой России достигнуто ценой истощения природных богатств (неразумная вырубка леса, истребление пушных зверей в лесах, рыбы в реках и речках и т. д.).

Но не в разрушении только, а также и в творчестве сказалась об'единяющая деятельность русского народа. По всему пространству Евразии установлены новые виды промыслов и торговли, используются недра земли, раскинулась широкая сеть железных и других дорог.

Производительные силы России-Евразии изучены и использованы далеко еще не в полной мере,[2] но частично все же использованы и изучены.

В итоге создана новая цельная и единая в хозяйственном и культурном смысле страна света — Евразия.

Русский народ не только применился к своему месторазвитию, но в большой степени и сам создал это свое месторазвитие.

Значительно изменился в процессе исторического развития лик Евразии также со стороны этнической.

Евразия представляет собою в настоящее время, с точки зрения этнической, сожительство разных народностей — русской,

---

[1]) Различия между условиями земледельческого хозяйства в лесной зоне и условиями земледельческой деятельности в степи уясняются только при более детальном рассмотрении. Все же различия эти до сих пор сохраняют значение, и потому также и в современности существенно разделение земледельческих областей на лесную и степную зону.

[2]) Тем больше возможностей открыто для будущего.

монгольской, турецкой, финской, манчжурской и многих других, играющих меньшую роль.

Основными этническими элементами Евразии в настоящее время, являются элемент Русский, с одной стороны, и монголо-турецкий с другой. Преобладающее значение принадлежит первому, уже в силу простого количественного соотношения этих элементов.

Число людей Русского племени Евразии достигает вероятно в настоящее время 140 миллионов, число людей турецко-монгольского племени в пределах Евразии вряд ли доходит до 25 миллионов.[1]

Нынешнее соотношение народностей не есть однако неизменное для всех периодов русской истории. В средние века русской истории соотношение было другое.

Для XIII в. мы можем считать приблизительно количество людей турецко-монгольского племени в пределах Евразии около 7 миллионов,[2] число же людей русского племени едва ли превосходило 10 миллионов. В более ранние времена положение было опять иное. Важную роль в этнической жизни Евразии вообще, а Евразии западной в частности, играли народы иранского корня, известные под классическими именами скифов и сарматов.

Наоборот, русское племя до VI в. совсем не проявляло себя в жизни Евразии, по крайней мере, не проявляло себя как определенное и самостоятельное целое.

В течение всего исторического развития русского народа мы не видим сколько-нибудь строгой этнической его замкнутости. Русский народ обладает удивительной способностью впитывать в себя чуждые этнические элементы и их усваивать.

Поэтому с чисто расовой точки зрения русская народность IX и та же народность XX века существенно отличаются друг от друга. Славянская этническая основа русского народа, в которую введено было значительное количество иранской (скифской), а позже — немного варяжской крови, была затем в течение долгого исторического процесса дополнена этническими элементами монголо-турецкими и финскими (а также конечно и другими, имевшими однако меньшее значение).

---

[1]) В том числе собственно монголов до 3 миллионов.

[2]) В том числе собственно монголов менее 1 миллиона.

В течение длинного ряда веков русский народ стремился освоить себе все пространство Евразии.

От Карпатско-Черноморского (крайнего западного) угла Евразии русский народ стихийно стремился на восток, против солнца. В середине XVII в. поток русской колонизации дошел до Тихого Океана, а в середине XIX в. — до Тянь-Шаня. В этом движении русский народ обнаружил удивительную настойчивость, упорство и твердость.[1]

Глубока основа побуждений, вызывавших непрерывное поступательное движение русского племени на восток. Это не „империализм" и не следствие мелкого политического честолюбия отдельных русских государственных деятелей. Это — неустранимая внутренняя логика „месторазвития".[2]

История русского народа с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом. История России должна быть рассматриваема в свете истории Евразии, и только под этим углом зрения может быть должным образом понято все своеобразие русского исторического процесса. Но вместе с тем русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть в сущности история Евразии.[3]

До последней четверти XIX в. (а в особенности в XVIII в.) история России совершенно не охватывает собой историю Евразии.

Охватить историю Евразии — есть задача нынешнего дня русской исторической науки. Задачу эту нужно ставить и нужно решить именно в виду тесной связи (а ныне и полного совпадения) русского и евразийского исторического развития.

---

[1]) Не менее замечательна и та стойкость, с которой отстаивал русский народ от X в. до XX-го свою западную границу — Карпаты — от яростного порой натиска западных соседей.

[2]) Давая подобную характеристику общих черт исторического русского колонизационного процесса, нельзя, конечно, отрицать проявления в отдельных фактах и легкомысленного авантюризма. По большей части, однако, этот авантюризм проявлялся лишь в тех случаях, когда русские деятели отступали от программы самодовления Евразии (некоторые войны XVIII—XIX вв., „руссификаторская" деятельность в Варшаве, „империализм" на Дальнем Востоке начала XX в.).

[3]) В монгольский период история Руси есть лишь часть истории Евразии.

Евразия есть с конца XIX в. область действия русского исторического процесса, русское историческое месторазвитие. Русская историческая наука должна овладеть историей этого месторазвития также и в более ранних эпохах (в течение которых Россия еще не охватывала целиком географической Евразии) — для того, чтобы правильно понять развертывание русского исторического процесса.[1]

§ 5. Создание Евразийского Государства.

Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон — с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-руссов. Славяно-руссы осилили в этой исторической борьбе.

Весь длинный процесс этой борьбы может быть разделен на различные фазы.

Исходная для нас фаза — скифский период. Около V в. до Р. Х. скифское государство об'единяет Западную Евразию. Скифы держат степи северного Черноморья, но захватывают и лесную полосу, во всяком случае речные выходы из леса в степь.

Скифское государство отчасти унаследовано, отчасти разбито сарматами. В дальнейшем часть скифского государства собрана готами. Готов сменяет новое государственное образование обще-евразийского масштаба — гуннская империя IV—V вв. После распадения гунской державы на территории ее образуются державы Аварская (от Адриатического моря до Днепра), Хазарская (Днепр — Аральское море), „западных турок" (к востоку от Аральского моря).[2]

В дальнейшем, на нижнем Дунае возникает болгарское царство, от Дуная до Каспийского моря — мимолетная славяно-русская империя Святослава, на средней Волге и Каме — царство камских болгар.

Следующая ступень — распадение лесно-степной (киево-чер-

---

[1]) Настоящий обзор есть обзор только русской истории с просеками в глушь истории Евразии. Автор настоящего обзора не отказывается, однако, от задачи дать в ближайшее время и обзор истории Евразии.

[2]) „Ту-кю" китайских источников. „Западными" эти турки являются с точки зрения общего географического размещения монголо-турецких племен.

номорской) империи Святослава. Киевское княжество удерживает лесную полосу и отчасти течение Днепра, но утрачивает степи и Приазовье. Печенеги, потом половцы захватывают степь.

Дальнейшая ступень — распадение и киевского княжества на отдельные земли-княжения.

Схема начальных фаз развития Евразийского государства.

лес . . . . . Скифское государство . . . . . степь

Сарматы

Готы

лес . . . . . Гуннская империя . . . . . степь

Аварская держава | Хазарская держава | Зап. турки (ту-кю) | Вост. турки
Дунайские болгары | Камские болгары

лес . . . . . Империя Святослава . . . . . степь

Киевское княжество | Печенеги
Распадение русских земель | Половцы

Следующая фаза представляет собою новый круговой процесс — воссоздания всеевразийской державы.

В первой трети XIII в. монгольская империя Чингис-хана и его преемников охватывает собой все пространство Евразии (заливая и соседние земли).

Монгольская империя распадается уже к XIV в. на несколько крупных составных частей (Золотая Орда, Джагатай, Иль-Ханы [Персия], Срединное царство [Китай]).

Попытка собрать первые три части — империя Тимура (конец XIV — нач. XV вв.) с центром в Самарканде.

К середине XV в. обозначилось полное распадение тимуровской системы держав. На месте Золотой Орды восстают Литва, Русь, Казанское и Крымское царства. На восток от

Волги спорят между собой кочевнические государства киргиз-кайсаков, узбеков, ойратов.

С конца XVI в. начинается быстрое продвижение русских на северовосток (Сибирь), а с XVIII в. — на средний восток. К последней четверти XIX в. Российская Империя охватывает почти всю Евразию (кроме напр. собственно Монголии и т. наз. Китайского Туркестана).

Союз Советских Республик, потеряв много коренных русских земель на западе бывшей Российской Империи, удержал русские владения на востоке и даже отчасти продвинул евразийское государственное об'единение к востоку (после внешней, и внутренняя Монголия включена в систему единой евразийской державы).

Схема последующих фаз развития Евразийского государства.

Распадение русских земель | Половцы | Хорезм | Кара-Китай | Кераиты | Монголы

Монгольская империя

Система государств, выделившихся из Монгольской империи

Русь ← Золотая Орда — Джагатай — Срединное царство (Китай)

Империя Тимура → Иль-Ханы (Персия)

Распадение Золотой Орды

Литва | Русь | Казанское царство | Киргизы | Ойраты-Монголы

Московское царство | Узбеки

Крымское царство

Российская империя

Союз Советских Республик

На основании сказанного, помимо двух начерченных схем, может быть изображена также периодическая ритмичность государство-образующего процесса:

Схема периодической ритмичности государство-образующего процесса.

I
- *а) Единая государственность. (Скифская держава.)*
- б) Система государств. (Сарматы, Готы.)

II
- *а) Единая государственность. (Гуннская империя.)*
- б) Система государств. (Авары, Хазары, Камские болгары, Русь, Печенеги, Половцы.)

III
- *а) Единая государственность. (Монгольская империя.)*
- б) Система государств — первая ступень распадения Монгольской державы. (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай.)
- в) Система государств — вторая ступень распадения Монгольской державы. (Литва, Русь, Казань, Киргизы, Узбеки, Ойраты-Монголы.)

IV
- *Единая государственность. (Российская Империя — Союз Советских Республик...?)*

С точки зрения прямолинейности схемы у многих читателей может возникнуть соблазнительная мысль — не должен ли вслед за периодом государственного единства Евразии вновь последовать период распада государственности. Здесь однако нужно вспомнить то, что выше сказано было о создании русским народом целостного месторазвития. Предпосылки исторического развития изменились, т. к. ныне Евразия представляет собою такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела. Поэтому теперь на лицо такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше быть не могло.[1]

[1]) Разумеется, государственные формы, для предупреждения распада государства, должны иметь достаточную гибкость в соответствии не только

§ 6. Монголы и Византия в русской истории.

Создание евразийского государства есть историческое достижение русского народа. Достижение это оказалось возможным благодаря совокупности внутренних и внешних условий.

Русский народ получил два богатых исторических наследства — монгольское и византийское. Монгольское наследство — евразийское государство. Византийское наследство — православная государственность.

Оба начала тесно слились между собой в историческом развитии русского народа. Но распутывая нити этого развития, необходимо помнить о присутствии обоих начал и замечать влияние того и другого. Отчасти, соотношение между влиянием монгольским и византийским в русской истории есть соотношение между порядком факта и порядком идеи.

Монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти евразийского государства.

Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы строем идей.

§ 7. Внутренний строй евразийского государства.

Государства, охватывавшие собой сколько нибудь значительные пространства Евразии, имеют общие черты внутреннего политического строя. Освоение больших пространств — притом пространств степных или лесо-степных — требует крепкой государственной организации, сильной и жесткой правительственной власти. Только исключительно крепкая государственность в течение веков могла держаться в Евразии на сколько нибудь значительном ее пространстве.

На почве Евразии выростала, правда, государственность также и иного типа. Во многих княжествах древней Руси утвердилась вечевая форма правления. Как только вечевое государство разросталось, вече оказывалось неспособным приноровиться к новым условиям.

В таких случаях или из этого государства выделялись самостоятельные вечевые единицы (Псков, Вятка из Новгорода), или вече оставалось на верхушке государства, а для низов

с общими целями, но также и местными нуждами. Российская или всеевразийская государственность необходимо должна держаться форм сочетания единства и множества (особых форм федерации).

государства входили в силу иные, более строгие формы подчинения и властвования (Север — колониальная империя того же Новгорода).

Своеобразным аналогом вече были позднейшие формы казачьего круга. Но казачий круг держался в ограниченных пространственных рамках, и попытки распространения власти круга в обще-русском масштабе оканчивались неудачей (смутное время, разиновщина).[1]

Устойчивая евразийская форма государства и власти — форма военной империи. Таковы были державы скифская, гуннская, монгольская, таково московское царство и всероссийская империя.

Крепка и жизненна евразийская держава оказывалась однако только тогда, когда правящая верхушка не отрывалась от народной массы, и внутренние подпочвенные воды питали власть.

С внутренней стороны для этого требовалось прежде всего наличие единого и целостного миросозерцания. Таким целостным мировоззрением было проникнуто монгольское общество,[2] таким мировоззрением было проникнуто и московское общество XIV—XVII в. в.[3]

С внешней стороны, той же цели служила достаточно гибкая социально-государственная организация.[4]

Организация евразийского государства — в соответствии с пространственными его размерами — тесно связана с военной организацией.

Организация армии обращается в глубокую социальную проблему; изменение форм военной организации часто совпадает с социальными сдвигами (опричнина, дворянство, военные поселения, военный коммунизм).

---

[1]) Удачей окончилась лишь последняя — советская — фаза вечевого и казачьего уклада власти в России. Но здесь аналогия лишь по форме, а не по существу. По существу же в Союзе Советских Республик вечевая форма — лишь фасад государственной организации. Низы обязаны строгим подчинением своим руководителям („компартия"). Способность подчинения подготовлена двухсотлетней дисциплиной императорской власти.

[2]) Монгольский эпос одинаково захватывает и увлекает верхи и низы монгольского общества.

[3]) Православная государственность.

[4]) Большое значение имели самые формы совещаний правительственной власти с исполнительными деятелями (при чем эти последние связаны были с местными мирами). Таковы монгольский курултай и московский земский собор.

§ 8. Евразийское самосознание.

Освоение народом исторического своего месторазвития вполне прочно лишь тогда, когда оно осознано народом.

Историческое самосознание народа есть в значительной степени осознание исторической и органической цельности своего месторазвития.

Осознание народом своего месторазвития ведет всегда к установлению целостного и органического миросозерцания. Историческое миросозерцание русского народа (или его руководящих верхов) далеко не всегда связано было с осознанием своего месторазвития.

Гениально понята была эта связь в X в. первым русским каганом — Святославом Игоревичем. Второй каган — сын первого, Владимир, сумел в намеченные геополитические рамки[1] влить мощное идейное содержание — миросозерцание Восточного Православия. Однако вскоре вслед за тем наступает перерыв в историческом евразийском самосознании русского народа (княжеско-вечевая эпоха). Начиная с XIII в., под монгольским игом, в русском народе складывается глубокое осознание своих исторических задач, а позже московская государственность приносит их частичное разрешение. От Александра Невского до царя Алексея Михайловича — время целостного миросозерцания; власть глубоко ощущает свои исторические задачи. Это есть время сознания органической связи России с Востоком и в этом смысле — эпоха евразийского миросозерцания.

Вторая половина XVII в. подготовляет решительный идейный перелом.

Правительственный аппарат, военная и бюрократическая техника совершенствуются (Петровские реформы).

Этот улучшенный технический аппарат власти разрешает задачи, не решенные Москвой: к концу XIX в. Государство Российское охватывает почти всю Евразию.

Но параллельно с этим идет процесс духовно-нравственного разложения — утрата прежней веры и потеря правящим кругом исторического евразийского чутья.

В результате об'единена плоть Евразии, но утрачено сознание евразийской миссии России. Разбита целостность миросозерцания.

---

[1]) Хотя и принужден был значительно сузить эти рамки.

Легко смешиваясь с окружающими племенами, легко усвояя себе новые земельные пространства, русский народ всегда сохранял однако своеобразие своей внутренней духовной жизни.

Рамки этой духовной жизни долгое время были религиозно-церковными рамками. Решающим событием было здесь принятие православия от Византии в IX веке. С тех пор до XVIII века по крайней мере, а в значительной степени и до наших дней православная церковь остается главным распорядителем духовной жизни русского народа.

Однако само религиозно-церковное сознание русского народа не было однообразным в течение всего этого ряда веков. Значительна разница между церковным мировоззрением эпохи Киевской Руси и более строгим миросозерцанием Руси Московской.

Исторической чертой русского православия являлось его обособление не только от магометанства и буддизма, но и от латинства. Эта черта приводила к тому, что русский человек в течение многих веков чувствовал себя одинаково далеко и от мусульманина и от латинянина, следственно, не видел между тем и другим почти никакой разницы (что с другой стороны позволяло русскому человеку не более нетерпимо относиться к Востоку, чем к Западу).

Внутренняя духовно-религиозная цельность русского народа потерпела тяжкий удар в середине XVII века — раскол старообрядства.

Давши трещину, религиозное сознание русского народа тем менее могло устоять против напора западных идей, подтачивавших духовную сердцевину русского народа, начиная с XVIII века в виде протестантизма и протестантских сект, деятельности иезуитов, масонов, а позже и прямой пропаганды атеизма.

Кризис духовно-религиозной жизни русского народа достиг высшего напряжения в XX-ом веке. Всякий кризис может закончиться или смертью, или возрождением.

§ 10. Деление русской истории на периоды.

Намеченными предпосылками русского исторического развития об'ясняется предлагаемое далее деление на периоды всего процесса русской истории. Всякое деление исторического про-

цесса конечно лишь условно и схематично. Приблизительную ценность однако же деление на периоды всегда имеет, если только основанием деления являются не случайные, а основные факты исторического процесса.

Предлагаемое далее разделение на периоды русского исторического процесса кладет в основу факты как материального, так и духовного развития русского народа.

В основу деления кладется соотношение между лесом и степью, значение которого было уже выше выяснено (§ 2). Понятия „степи" и „леса" употребляются здесь уже не в почвенно-ботаническом их значении, а в совокупности их природного и историческо-культурного значения.

На заре русской истории, приблизительно до конца X в. мы видим попытки об'единения степи и леса для использования выгод обмена их природными богатствами. Попытки эти начинаются задолго до самостоятельного исторического выявления русского народа, притом идут с разных сторон, то из лесного севера, то со степного юга (государственные образования скифское, готское, гуннское); попытки продолжаются уже при обособлении славяно-русской народности, сперва со стороны хазар, затем со стороны варяго-русских князей. Последним широким опытом в этом направлении должен быть признан опыт князя Святослава Игоревича, стремившегося об'единить в своих руках течение Днепра (Киев), нижней Волги (Итиль) и нижнего Дуная (Переяславец). Год смерти Святослава (972) и может быть условно принят за конец первого периода русской истории.

В отношении религиозном период этот характеризуется язычеством славяно-руссов, но в конце периода уже начинается обращение их в православие.

С конца X до середины XIII века связь между лесом и степью разорвана. Идет отчаянная борьба между русскими князьями и печенегами (затем половцами). Русский народ сбивается к лесу, удерживается в пристепьи, но не в самой степи.[1] Период этот может быть назван борьбою между лесом и степью.[2]

---

[1]) Некоторое время сохраняются элементы, напоминающие положение первого периода — в форме существования Тмутороканского княжества на степных побережиях Азовского и Черного морей.

[2]) Борьба эта принимала в различные десятилетия различные формы. Порою намечались также возможности и согласного действования половцев и части русских князей (нередки бывали брачные союзы между рус-

Хронологические рамки его условно могут быть обозначены так: от 972 г. до 1238 г. (Батыева нашествия).

В отношении церковно-религиозном первые два с половиною века после крещения Руси являются временем сравнительно меньшей (чем впоследствии) напряженности религиозного миросозерцания; связь между церковной и государственной организацией не принимает сколько-нибудь твердых форм. Русская церковь находится почти в полной зависимости от Византии.

Монгольское завоевание кладет предел раздорам степи и леса; оно несет с собой победу степи над лесом. Русские княжества надолго освобождаются от борьбы со степью. Подчинением Великому Монгольскому хану (затем и „царю Ордынскому", т. е. хану Золотой Орды) достигается формальное об'единение русских княжеств; когда падает власть Орды, Москва оказывается в силах принять эту власть на свои плечи; Орда распадается (выделяет царства Казанское и Крымское).

В эту же эпоху происходит отделение западной Руси от восточной; западная Русь попадает в состав Литвы и Польши.

Хронологические грани III-го периода: от 1238 г. до 1452 г. (1452 г.—это год основания зависимого от Москвы Касимовского татарского царства: Москва становилась отныне собирательным центром в том мире, который возник в результате распадения золотоордынской державы). Фактически Иван III является уже с самого начала независимым государем („царем"); возникновение Казанского и Крымского татарских царств происходит около той же средины XV в.

В отношении церковно-религиозном русская церковь фактически начинает освобождаться от византийской зависимости, вследствие ослабления Византии и силы монгольского хана, давшего русской церкви свое покровительство. Церковно-религиозное миросозерцание русского народа принимает строгий и даже суровый характер. Политическое отделение Западной Руси сказывается в попытках учреждения особой митрополии западно-русской.

В истории русской церкви гранью является год Флорентийской унии (1439), когда византийская оффициальная церковь временно подчинилась папе, русская же осталась самостоя-

---

скими князьями и половцами). Возможности эти не успели принять однако сколько-нибудь устойчивого характера.

тельной (митрополит с 1448 г. становится собором русских епископов).

Падение Византийской империи (взятие Константинополя турками в 1453 г.) имело еще бóльшее значение для русского церковно-национального сознания: Русское государство сделалось единственным и преимущественным православным царством. С тех пор особенно строго старается оно блюсти интересы православия.

IV-ый период (условно 1452—1696): Наступление русского севера на монголо-турецкий юг и восток; обозначается решительная п о б е д а л е с а н а д с т е п ь ю: происходит завоевание Казани, Астрахани, Сибири и, после многовекового перерыва, овладение вновь устьями Дона (взятие Азова Петром Великим, 1696 г.).

С точки зрения церковно-религиозной: разделение русской церкви на две митрополии, расцвет русского церковно-национального сознания и патриаршество в Московском царстве; оборона православия от латинства в Западной Руси. Раскол старообрядства: признаки начавшегося потрясения самих устоев русской жизни.

V-ый период (условно 1696—1917): Распространение Российского государства почти до естественных пределов Евразии: о б ' е д и н е н и е л е с а и с т е п и в отношении хозяйственно-колонизационном. Попытка овладения значительной территорией в Северной Америке (1732—1867).

В отношении духовного развития: кризис единого религиозного сознания русского народа; церковная организация в плену внешних форм светского государства; при этом носители государственной власти в течение большей части XVIII-го и некоторой части XIX-го века равнодушны (а подчас прямо враждебны) к православной церкви.

Весь императорский период: мощное развитие внешних форм культуры при глубоком и тяжком потрясении духа.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЕСА И СТЕПИ (до 972 г.)

ГЛАВА I.

ЗАПАДНАЯ ЕВРАЗИЯ ДО РАСПАДЕНИЯ ГУННСКОГО ЦАРСТВА (ДО КОНЦА V В.)

§ 11. Роль кочевых народов в истории.

Роль степных кочевников в истории часто изображается, как только отрицательная, точно так же как считается низким культурный уровень этих кочевников. С такою оценкою согласиться нельзя. Культурный уровень кочевников не есть величина постоянная. Величина эта меняется и с временем и с пространством. Иногда соседние кочевые племена или части племен находятся на различном культурном уровне. В начале XX в. большая часть монгольских племен находилась на более низком уровне политического и художественного развития, чем это было в XIII в.

Роль кочевых народов в культурной истории Евразии и всего Старого Света (т. е. в сущности, до XVIII в., в истории мировой) была очень значительна. Кочевые народы тесно связаны были с оседлыми соседями. Продукты кочевой и оседлой культуры взаимно дополняли друг друга. С одной стороны мог быть избыток коней, скота, кож, шерсти; с другой — шелка, тканей, ремесленных изделий и т. д. Богатые скотоводы, а тем более вожди кочевых племен были падки на предметы художественной промышленности, драгоценные одежды, золотую и серебряную посуду и пр. Торговлей и грабежом они собирали в своих юртах часто огромные богатства. Нередко кочевые вожди обеспечивали себя также мастерами, ремесленниками, выделывавшими утварь, оружие, конскую сбрую и т. д. Вместе с ордой передвигались в таких случаях целые походные мастерские.

Империя кочевых народов связана была обыкновенно не только с одним соседним народом оседлой культуры. Степная

империя, достигавшая сколько-нибудь широких размеров, держала связь с различными часто отдаленными друг от друга оседлыми народами. В древнее время можно считать вообще три главные области оседлой земледельческой культуры: 1) на юго-восток от области степей — Китай; 2) в южном углу — Хорезм; 3) на юго-запад — средиземноморская область. Все эти различные области земледельческой культуры были первоначально слабо связаны друг с другом, и каждая жила сравнительно обособленной жизнью. Способствовал развитию сношений между ними тот подвижной людской элемент, который находился между Китаем и Хорезмом, между Каспием и Черноморьем, т. е. именно кочевники.

Степь и пустыня в этом отношении могут быть сопоставлены с морем — они имели такое же соединительное значение для отрезанных друг от друга частей „твердой культуры" (земледельческо-приморской). Так же, как и на морях, в степи бывали свои бури — периоды опустошительных набегов и передвижений степных кочевников.

Перед началом нашей эры такую роль соединительного элемента между Черноморьем, Кавказом и Хорезмом играли скифы, между Китаем и Хорезмом-Ираном — турки и гунны (хунну китайских источников). В IV—V веках по Р. Х. гунны пытались одни сыграть эту соединительную роль (царство Аттилы).

В еще более грандиозных размерах эта попытка была повторена монголами в XIII в. Империя Чингис-хана и его преемников тянулась от Тихого Океана до Адриатического моря.

§ 12. Скифы и сарматы.

Смены кочевнических племен на всей территории Евразии и различные попытки образований кочевнических государств имеют конечно глубочайшее значение для истории России и русского народа.

Так как развитие собственно русского государственного образования начинается с крайнего западного угла Евразии (район Дунай — Киев — Черное и Азовское море), то в первую очередь для русской истории имеет значение история кочевых народов в западной Евразии, т. е. в северном Черноморье. В этом смысле историческая подпочва русского государства создана была скифами. Скифы, принадлежавшие по своим пле-

менным и языковым признакам к иранским народностям, по своему образу жизни и привычкам могут быть вполне приравнены к кочевым народам монголо-турецкого корня. Войны — любимое занятие скифов, конь — неразлучный товарищ и друг человека. Весьма возможно, что в составе скифов находились и монголо-турецкие орды.

Скифы появились в северном Черноморье около VII-го века до Рождества Христова. Занимая Евразийские степи, скифы граничили с турками, занимавшими Монголию. Скифы и турки вместе держали соединительную связь между Китаем и греческим Черноморьем.

Северное побережье Черного моря с VII-го в. до Р. Х. усеяно было греческими колониями (Ольвия — в устье Буга, Херсонис близ нынешнего Севастополя, Пантикапей — нынешняя Керчь и мн. др). Эти колонии вели оживленную торговлю со скифами. Греческие художники и ремесленники приготовляли изделия домашнего обихода скифских царей и богатых скифов вообще.[1]

Греческие писатели оставили нам много интересных сведений о жизни и обычаях скифов. Так сохранилось описание Скифии, составленное знаменитым греческим историком V века до Р. Хр., „отцом истории" Иродотом.[2] По словам Иродота, Скифия простиралась далеко на север от Черного моря; в области скифов находилось устье р. Истра (Дуная), а дальше к северу — течение реки Тираса (Днестра), Борисфена (Днепра) и Танаиса (Дона).

Соображая все данныя о скифах и их торговле с греческим югом и монголо-китайским востоком, можно думать, что скифам (временами, по крайней мере) удавалось об'единить под своей властью не только степь, но и часть лесной зоны. На границе леса и степи по рекам для торгового обмена с давних времен должны были возникать культурные поселения (археологические данныя свидетельствуют напр. о глубокой древности городского поселения на месте позднейшего Киева).

С IV столетия до Р. Х. скифов начинают вытеснять другие

---

[1] Много таких художественных греко-скифских изделий найдено было при раскопках в южной России; часть находок хранится в Эрмитаже.

[2] „Отцом истории" Иродот (Геродот) может считаться по отношению лишь к эллинской литературе и науке. У восточных народов исторические сочинения составлялись и в более раннее время (напр. китайские исторические хроники).

иранские народы, сарматы. В конце II в. до Р. Х. сарматы уже занимали все северное Черноморье. Из сарматских племен около времени Р. Х. большую роль играли аланы (часть их — предки нынешних осетин).[1]

§ 13. Готы и Гунны.

Иранская власть над южно-русскими степями сменяется властью германского племени готов, которое во II—III веках по Р. Х. спустилось в Черноморье с севера, с течения Вислы, вероятно по Днестру, Бугу и Днепру. Овладев западным углом Евразийских степей, готы очень скоро переняли весь уклад жизни кочевых народов, всю их материальную культуру, и сделались сами народом конных воинов. К середине IV века относится образование сильной военной державы готов под главенством Германариха.

К концу IV в. по Р. Х. готская держава была сломлена новыми пришельцами из глубины Евразии — гуннами. Гунны представляли собой вероятно такую же сложную монголо-турецкую орду, как позднее в XIII в. монголо-татары. Во всяком случае командовала этой ордой монгольская военная аристократия — как это опять-таки было и в XIII веке.

Особое могущество западно-евразийской державы гуннов относится к середине V в. Это государство Аттилы, подчинившего себе и большую часть Европы.[2] Главная ставка Аттилы в последние годы его жизни была в Паннонии. Степи Паннонии (позднейшей Угрии) представляли собой как бы западный передовой пост Евразийских степей. Вместе с тем степи эти доставляли удобства центрального положения в восточной Европе и набегов на Средиземное побережье, на Рим и на Византию. Поэтому Паннония являлась излюбленной целью кочевых степняков также и впоследствии (авары в VI—VIII в. в., мадьяры в конце IX в.). Империя Аттилы тянулась на громадные пространства с запада на восток. Гуннская империя распалась вскоре после смерти Аттилы и тем освободила места для очередного образования других соединенных империй.

---

[1]) Многие курганы и клады южной России и северного Кавказа могут считаться аланскими.

[2]) Битва на Каталаунских полях 450 г., которая вошла в историю как победа римлян и готов над гуннскими силами, вовсе не имела такого значения. Исход битвы был нерешителен. Битва вовсе не подорвала сил

§ 14. Финны.

В то время, как в южно-русских причерноморских степях сменяли друг друга кочевые народы иранского и монголо-турецкого племени, область леса, как до Урала, так и за Уралом занята была различными финскими племенами (чудью). Финские племена занимали часть побережья Балтийского моря, приокский край (мурома, мордва, черемисы), Поволжье верхнее (весь) и среднее (меря), Прикамский край (пермь). В среднем Поволжье и южном Прикамье был стык между племенами финскими и турецко-монгольскими; здесь образовались смешанные финно-турецкие и финно-монгольские племена (башкиры, мадьяры).

Финны занимались главным образом охотой и рыболовством. Рыба была главною их пищею, пушнина (меха) шла на одежду и на торговый обмен с соседями. Однако некоторые финские племена занимались повидимому и добычей металлов (меди). В разных местах, на Урале и в Алтае, сохранились остатки разработок руды („чудские копи").

Разрозненные лесами, сообщаясь лишь по рекам, финские племена не могли образовать сильных военных союзов. Именно поэтому впоследствии финны не могли оказать резкого отпора славянской колонизации, когда поток ее направился на север (см. ниже § 19). Славянская колонизация внедрялась в области, занятые финнами, большей частью мирным путем. Финские племена частью отступали на север перед славянами, частью смешивались с ними и постепенно ославянивались (налагая на славянский тип свою печать).

§ 15. Славяне.

Вплоть до распадения гуннской державы у нас нет определенных сведений о славянах. Можно думать, что славянские племена были в составе гуннской империи, как позже они вошли в состав империи аварской. Несомненно, в этом случае славяне должны были составлять целые отряды в гуннских войсках (как позже в аварских). Но они не выступали как самостоятельная сила, и потому не были замечены римлянами и византийцами.

Аттилы, и уже в 453 г. Аттила мог предпринять свое нашествие на Италию, при чем никакой военной силы римляне ему противопоставить не смогли.

Славянской прародиной считается местность от Карпатских гор до Днепра на восток, точнее — течение р. Припети. Исконная ли была эта прародина, или предки славян жили раньше в другом месте — решить бесповоротно этот вопрос при данном состоянии науки конечно нельзя. Вполне возможны предположения о приходе славян с востока. Во всяком случае возможно, на основании языковых данных, установить наличие давнего общения славян с монголо-турецкими народами. Помимо народов монголо-турецкого языка, на славян оказали влияние также народы германского языка. К давней поре можно отнести и влияние греческой культуры. Культурный уровень славян уже в первобытную эпоху их жизни должен был быть довольно высок. Занятием отдельных славянских племен несомненно было земледелие (общи отдельным славянским языкам слова жито, рожь, лен, орати [пахать], ратай и т. п.) Вероятно, часть славян искони занималась и скотоводством.

ГЛАВА II.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ АВАРСКОЙ И ХАЗАРСКОЙ ИМПЕРИЙ (VI—IX вв.).

§ 16. Восточные (или русские) славяне.

После распадения гуннской державы отдельные народы, входившие в ее состав, начинают выступать в качестве самостоятельных величин. В числе этих народов были и славяне. С VI века византийские историки начинают упоминать о славянах и их соплеменниках — антах. Славяне беспокоили византийскую империю с севера, из-за Дуная. Нельзя с полной уверенностью сказать, появились ли славяне на Дунае только в VI веке, или и раньше были на Дунае их поселения, но раньше славяне здесь не выказывали себя, как определенное целое. Во всяком случае известный византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский уделяет славянам и антам значительное внимание. По словам Прокопия, славяне и анты живут за Дунаем, при чем страна их простирается далеко на северо-восток.

Как можно судить по сопоставлению различных историко-литературных известий и данных языкового характера, ко вре-

мени Прокопия первоначально единая славянская народность начала уже распадаться на составные части.

Исследование отдельных славянских языков привело ученых к выводу, что вся масса славянства должна была сначала распасться на две основные группы: группу западных славян (чехи, поляки) и группу славян южных и восточных. Известия Прокопия относятся непосредственным образом именно к этой второй группе славянских народов (т. е. славян южных и восточных), напиравшей с севера на Дунай в половине VI века.

§ 17. Авары.

В половине VI века произошли серьезные перемены в политическом строе монголо-турецких народов Евразии. Возникло сильное турецкое государство, центр которого находился в Фергане и Семиречье. Турки эти (западные ту-кю, как их называли китайцы) опрокинули власть монголо-турецкого племени аваров (жуан-жуанов). Часть жуан-жуанов была уничтожена турками, одна орда бежала на восток и подчинилась Китаю, другая орда в массе своей не монгольского, а турецкого происхождения, почему ее называли не аварскою, а лже-аварскою, бежала на запад. Это и были собственно „обры" славянских летописей или „авары" византийских. Авары двигались очень быстро, как это было свойственно вообще степным кочевникам. В 562 г. они заняли Добруджу, в 568 г. овладели Паннонией.

Среди других кочевых племен авары выделялись своим хищническим, грабительским характером. По всей вероятности, с ними не было ни ремесленников, ни мастерских — всё богатство утвари и одежды авары добывали только грабежом.

Авары не вытесняли славянского населения из занимаемых ими областей, а подчиняли славян своей власти. Славяне разных колен сделались данниками или союзниками авар. Когда авары отправлялись в поход против какого-нибудь народа, они сами держались в лагерѣ, а в открытое поле отправляли сражаться славян. Если славяне терпели поражение, они отступали к лагерю, если же славяне побеждали, то авары выходили из лагеря, чтобы захватить добычу. В 626 г. славяне приняли участие в большом походе авар против византийского императора Ираклия.[1]

[1] Поход для авар был крайне неудачный. Они потерпели полное поражение под стенами Константинополя.

Авары подчинили себе западную часть восточных славян, а также славян южных и западных. В начале VII в. Аварская держава простиралась от Черного моря до Адриатического, и от Франкского королевства до Византийской империи. Уже в середине VII века значительная часть западных славян выбилась из-под аварской власти (чехи и моравы во главе с князем Само), часть южных славян подпала власти другой кочевой орды — болгар (пришедших на Балканы в VII в.) В самом конце VIII и начале IX века аварское ханство было совершено разрушено походами франкского императора Карла Великого.[1] Разгром аварского ханства Карлом произвел громадное впечатление на славян, подвластных аварской державе. Об этом впечатлении можно судить по тому, что имя Карла сделалось у западных и южных славян нарицательным именем государя (краль = король).[2]

Уцелевшая от разгрома часть авар бросилась через Карпаты на северо-восток в верховья Вислы и западного Буга. Напор авар сдвинул сидевшие там ляшские, а отчасти и восточные славянские племена (ляшские племена радимичей и вятичей перешли за Днепр к востоку, см. ниже § 19, — восточнославянское племя дулебов перешло вероятно на верховье Западной Двины, но в дальнейшем не сохранилось, как отдельное племя, по крайней мере не сохранило своего имени). Разгром аварской державы, по всей вероятности, окончательно порвал связи между восточными, западными и южными славянами.

§ 18. Хазары.

Часть восточных славян попала под зависимость другой турецкой орды, хазар. Приблизительной границей между сферой влияния авар и хазар был Днепр.

Хазарская держава возникла позже аварской приблизительно на столетье. Выше было сказано, что появление авар на побережьи Черного моря вызвано было возникновением государства западных турок; с распадением этого государства связано установление хазарского ханства. В середине VII в. государство западных турок было разгромлено с двух сто-

[1]) В 805 г. аварский хан крестился и изъявил покорность Карлу.

[2]) Подобно тому, как у восточных славян (русских) титул государя был первоначально заимствован с востока: „каган" или „хакан". См. ниже гл. III § 24.

рон — китайскими и арабскими войсками. Турки были посредниками между Китаем и Черноморьем. С исчезновением этих посредников оставалось пустое место в системе торговых путей между средним Востоком и северным побережьем Черного моря. Пустое место отчасти и было занято образованием хазарской державы. Хазары играли т. о. отчасти ту же роль посредников между Китаем и Византией, что и западные турки. Только центр тяжести турецкого государства VI-VII в. в. находился по ту сторону Каспийского и Аральского морей — в Фергане и Семиречье, а центр тяжести Хазарского ханства VII-IX в. в. — по эту сторону Каспийского моря (главный город Итиль приблизительно на месте Астрахани).

Хазарская держава простиралась от Каспийского моря и нижнего течения Волги до Оки, среднего течения Днепра и Черного моря. Особенно расширилась на северо-запад хазарская держава после распадения аварского ханства, т. е. в начале IX в., когда хазарами были подчинены радимичи и вятичи, и наложена дань на полян.

Во главе хазарской державы стояло двое владык: каган и пех (бек). Каган пользовался высшим религиозно-государственным авторитетом, пех — действительной властью (начальствовал войсками, управлением и т. д.). Быт хазар составлял интересное смешение оседлого и кочевого состояний. Хазары играли роль торговых посредников не только между Черноморьем и Востоком, но также между арабским югом и лесным славянским севером. Важным промежуточным звеном в торговле хазар с севером были еще камские болгары (главный город их, Великие Болгары или Болгар, находился на Волге немного ниже впадения Камы). Большой торговый путь вел с верховьев Волги до Болгар и ниже по Волге до Каспийского моря, а там по Каспийскому побережью в Закавказье, находившееся с VII века уже под властью арабов. Помимо торговли, хазары занимались рыболовством, виноградарством и земледелием.

Благодаря оживленным торговым сношениям с разными государствами и народами хазары испытывали на себе различные культурные влияния. От арабов шел к хазарам ислам, от греков — христианство. Хазарский каган не принял ни того ни другого, вероятно по соображениям политического характера — боясь, что вера принесет с собой и политическое подчинение Арабам либо Византии. Хазарские каганы выбрали

нейтральную третью веру — иудейство, которое ничем не угрожало им в смысле политическом. Обращение кагана в иудейство (в VIII в. по Р. Х.) представляло собой очень важный факт в истории культуры.

§ 19. Расселение восточных славян.

Вероятно на Дунае назрело разделение между южными и восточными славянами. Южным славянам удалось в конце концов прорваться в пределы Византийской империи. К VII - VIII векам они залили весь Балканский полуостров, достигли Адриатического моря и проникли до самой южной оконечности Греции (славяне горной цепи Тайгет в Пелопоннисе играли роль еще во франко-византийской истории XIII в.). Восточные славяне с Дуная отхлынули на север. Пути их проследить можно, конечно, лишь предположительно. Край, непосредственно примыкающий к устью Дуная с севера, вероятно составлял территорию восточных славян еще до расщепления южно-восточной ветви славян на южную и восточную, т. е. во всяком случае еще до VI века. Это, примерно, вытянутый к северо-западу четырехугольник между Карпатами, гирлами Дуная, берегом Черного моря и Южным Бугом. В этом четырехугольнике часть восточных славян осталась и тогда, когда другая часть пошла дальше (остались тиверцы и уличи).

С верховьев Прута, Днестра и Южного Буга расселение славян пошло на север и северо-восток. Ими были заняты верховья Западного Буга и верховья южных притоков Припети (дулебы, бужане, волыняне). С верховьев Южного Буга по реке Роси движение восточных славян подошло к Днепру (поляне) и затем пошло вверх по Днепру. О том, что расселение славян шло вверх по Днепру, можно судить хотя бы по имени Десны. Десною, т. е. правою рекою, назван был один из главных притоков Днепра с левой стороны (по течению). Таким образом славянами занято было среднее течение Днепра и его притоков (по Припети — древляне и дреговичи, по Сейму и Десне — северяне). В IX веке поток славянской колонизации, шедший с низу Днепра, встретился с потоком, шедшим с запада. Вероятно уходя под напором авар, спасавшихся от франкского разгрома (см. выше § 17), славянские племена с верховьев Вислы переходили на верховья Днепра, Оки и Западной Двины (радимичи по Сожу, вятичи по Оке,

полочане по Западной Двине). Трудно сказать, когда и откуда пришли кривичи и славяне ильменские (верховье Днепра — Ловать — Волхов).

Расселению восточных славян вверх по Днепру соответствовало (или даже предшествовало) расселение их по северному побережью Черного и Азовского морей. Славянские племена могут быть отмечены в особенности на Дону. Арабский историк Ибн-Хордадбек прямо называет Дон „славянскою рекою". Другой арабский писатель Масуди (X в.) говорит, что берега Танаиса (Дона) „обитаемы многочисленным народом славянским". Аль-Балалури (писавший в 60-х г. X в.) писал о том, что дядя арабского халифа „сделал набег на землю славян, живших в земле хазар".

На протяжении двух с половиною веков (от конца VI до начала IX) восточные славяне заняли таким образом обширную территорию от северо-западного угла Черного моря до Ладожского озера, а по северному побережью Черного моря — с перерывами — до Дона и Кубани. Славяне не с'умели однако при этом добиться своего собственного государственного образования. Как было сказано (§§ 17 и 18), они вошли в состав государств, образованных кочевыми народами турецкого племени (авар и хазар). Но если не было единства государственного, было единство племенное. Сознание этого племенного единства разных восточно-славянских племен было живо присуще еще русскому летописцу XI в. Восточные славяне, делясь на различные племена, составляли один народ — народ русский.[1]

ГЛАВА III.

ВАРЯГО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО IX—X В. В.

§ 20. Варяги.

Русский летописец середины XI в. так рисует политическое положение восточных славян в середине IX в.: варяги, приходя из-за моря, брали дань на чуди (финнах), словенах и кривичах; а

[1]) Разветвление русского народа на три отдельные отрасли — „великороссов", „малороссов" (украинцев) и „белороссов" — относится к значительно позднейшему времени. До XIII века сколько-нибудь резкого разветвления не было. Деление восточных славян на различные племена не соответствовало позднейшему разделению на три ветви.

хазары брали дань на полянах, северянах и вятичах. Варяги — скандинавы, норманны. В IX в. норманны из Скандинавии устремились через море на все прибрежные земли, добираясь и до южной Европы. Смелые воины, разбойники и купцы, вооруженные длинными прямыми мечами, норманны всюду приводили в трепет местное население. В самом начале IX в. норманны проникли и в земли восточных славян, которые звали их варягами. Варяги подчинили себе сперва северную часть восточных славян, не попавших в сферу аварского или хазарского влияния. Немного позже 800 г. варяги вошли в соприкосновение с хазарами. Через посредство хазар, варяги повели усиленную торговлю с арабским Востоком. На острове Готланде археологами найдено такое количество арабских монет, какого не было обнаружено ни в одной стране Европы и Азии. Через несколько десятилетий после нахождения пути к хазарам варягами открыт был днепровский путь, ведший к Византии — „путь из варяг в греки." В начале IX в. варяги проникли из Финского залива через Ладожское озеро на озеро Ильмень. К югу от последнего возникло значительное поселение варягов — вероятно там, где стоит город Старая Русса. В скором времени варяги пробрались в Черное море. В 839 г. к франкскому императору Людовику Благочестивому прибыло посольство от греческого императора Феофила; при греческом посольстве находилось несколько людей из народа Русь; эти люди „родом шведы" пробрались к Феофилу от царя по названию Хакан для заключения дружбы, но не могли вернуться домой тем же путем, так как путь этот находился в руках варварских и весьма жестоких народов.

Не позже 842 г. значительные отряды варяго-руссов появились на Черном море (о набеге их на г. Амастриду рассказывается в житии св. Георгия Амастридского).[1] Через какие нибудь два десятка лет после того Варяги-Русь совершили морской поход на Царьград — из Киева по Днепру через Черное море. 18 июня 860 г. русы в первый раз появились под стенами Византии. Поход окончился почетным для нападавших миром.

Царьградский поход 860 г. должен был окончательно способствовать созданию варяго-русского государства. Оно укре-

[1]) Амастрида — город на южном берегу Черного моря, приблизительно на половине расстояния между Синопом и Константинополем.

пилось именно по днепровскому торговому пути „из варяг в греки" — на использовании выгод от этого пути. Центром нового государства был поэтому город Киев. После образования варяжского княжества Киевская земля всюду в летописях называется „русской землей." В нашей исторической науке до сих пор еще идут споры о происхождении имени „Русь". По многим данным имя это пришло к нам вместе с варягами (Русью могло называться или отдельное племя варягов, или вообще вооруженные их дружины).[1] Как бы то ни было, русью долго назывались именно варяжские дружины Киевского государства. В договоре русских с греками 911 г. говорится: „Мы от рода русского: Карлы, Инегельд, Фарлаф..." следуют другие имена, имеющие почти столь же явно выраженный скандинавский, а не славянский характер.

Очень скоро однако варяги ославянились; варяжская дружина (вряд ли особенно многочисленная) быстро растворялась в славянской массе и только в княжеском доме еще теплилось сознание своего кровного родства с скандинавскими владетельными домами. Как бы ни судить о происхождении имени Русь, ясно, что уже в IX—X веках имя это стало прилагаться к Киевскому княжеству (впоследствии — ко всей народности восточных славян).

§ 21. Олег.

Летописная повесть о начале Руси, составленная в Киеве во второй половине XI века, считает годом основания русского государства 862-ой год, территорией этого первоначального государства считает Новгород и северные русские города, первым князем называет Рюрика. Пока сообщения летописной повести не подтверждены известиями других источников, их нельзя считать незыблемо достоверными. Какие то события на севере Руси должны были подать повод летописному рассказу, но произошли ли эти события в указанный летописью 862 г. или в более раннее время — этого нельзя решить с полной достоверностью. Возможно, что события, о которых вспоминает летописная повесть, относятся к первой половине IX в. — именно к поселению Руси к югу от озера Ильменя. Но вполне

[1]) В науке высказываются и другие предположения, напр. о том, что Русью называлась земля полян еще до прихода варягов; или — что имя Русь дано нам греками.

вероятно предположить и другое — именно, что указание 862 г. могло соответствовать действительному ходу событий. После перехода первой варяжской волны на юг в Киев и Царьград, можно представить себе попытку свержения варяжской власти со стороны Новгородских славян — и затем призыв ими из-за моря новой ватаги варяжских воинов для того, чтобы отбиться от прежних господ — варягов, осевших в Киеве. Именно к такому предположению — о борьбе между варяго-славянским севером и варяжским югом ведут нас сказания летописи о походе с новгородского севера на Киев варяжского вождя Ольга[1] во второй половине IX в.

Захват Киева Ольгом представляет собою окончательно утверждение Киевского Государства. Недаром предание вкладывает Ольгу в уста предсказание о том, что Киев будет матерью городов русских. Киев был старинным культурным центром и долгое время — оплотом хазарской власти на Днепре. Утвердившись в Киеве, Олег являлся как бы преемником хазар для окрестного населения. Стержнем русского государства при Ольге был Днепровский путь из варяг в греки. После захвата Киева Олег держал в своих руках вход в этот путь с Ладожского озера (Ладога) и выход по этому пути из лесной области в степную (Киев). Ольгу нужно было еще обеспечить фланги Днепровского пути. Этим вызваны были его походы на древлян (правый берег среднего течения Днепра); северян и радимичей (левый берег среднего и верхнего течения Днепра). Уже покорение Киева привело варягов к прямому соприкосновению с хазарами. Походами на северян и радимичей Олег вступал в дальнейшую борьбу с хазарской властью.

Устройство Киевского государства и укрепление Днепровского пути заняло весь конец IX века. В начале X века Олег вышел Днепровским путем в Черное море. В 907 году он подошел к Царьграду с большим войском „на конях и на кораблях".

Греки должны были откупиться от Руси большими подарками и заключить с Русью выгодный для последней договор. Текст подтверждения этого договора в 911 г. хранился в Киеве еще в XI веке и был внесен в летопись, так что дошел и до нашего времени.

[1]) У нас укоренилось неправильное склонение имени Олег (Олег, Олега, Олегу и т. п.). В древней Руси говорили: Ольга, Ольгови; сын Ольга — Ольгович.

Русско-варяжское государство основалось по течению Днепра, при чем центр этого государства (г. Киев) был там, где Днепр выходил из полосы леса в полосу степи и при впадении последнего (считая вниз по течению) большого днепровского притока — Десны. Параллельно с варяго-русским государством на Днепре, по течению Волги образовалось Болгарское царство, при чем в свою очередь и его центр (г. Великие Болгары) расположен был при переходе лесной полосы в степную и немного ниже последнего крупного волжского притока — Камы.[1]

Болгары представляли собою остаток гуннской орды. В VII в. болгары раскололись: часть их ушла на Дунай (где возникло болгаро-славянское царство), часть заняла среднее Поволжье и нижнее Прикамье (образовав болгаро-финское царство). Усилилось государство камско-волжских болгар вероятно в IX в. в связи с усилением торговли между Балтийским и Каспийским морями. Болгары стали играть роль посредников между варягами и хазарами. Возможно, что именно усиление болгарского царства явилось толчком к уходу мадьяр из Прикамья; часть мадьяр обосновалась на Северном Кавказе, часть пошла на запад и прорвалась в Паннонию на средний Дунай (кон. IX в.), где мадьяры образовали особое королевство (Угрию или Венгрию).

Болгары (так же, как и хазары) занимались и торговлей и земледелием и скотоводством. Они вели полукочевой, полуоседлый образ жизни: на лето выселялись в степь и жили в кибитках; зимою жили в городах. Торговые сношения с арабами (по Волге и Каспийскому морю) дали возможность проникновения мусульманства в Болгарию. В 922 г. при царе Алмасе болгаре обращены были в мусульманство арабскими миссионерами. Мусульманство распространялось очень быстро среди верхов болгарского общества, захватывая и соседние финские племена. В своих верхах, Болгария быстро сделалась мусульманской страной.[2]

---

[1]) Собственно, наоборот, Волга должна рассматриваться, как приток Камы. — Варяго-русское государство в Киеве и государство Камско-волжских болгар, в геополитическом отношении, играли т. о. совершенно одинаковую роль в историческом процессе, развертывавшемся в нынешней Доуральской России.

[2]) В низах долгое время держалось язычество.

§ 23. Игорь и Ольга.

Преемником Ольга в Киеве (умер ок. 912 г.) был Игорь. Заключением договора с греками Олег обеспечил положение Руси по отношению к Византии. Русь могла теперь обратить внимание на восток. В 913 г. Русью был предпринят большой набег на западное и южное побережье Каспийского моря. Целью набега видимо был простой захват возможно большего количества добычи. Русскими на время захвачен был Апшеронский полуостров, куда ими свозилась эта добыча. Вслед за этим Игорю пришлось иметь дело с печенегами — народом турецкого племени.[1] Печенеги давно уже пытались прорваться с Востока в пределы хазарского каганата. Еще в первой половине IX века византийские инженеры по просьбе хазар построили для этих последних крепость Саркел (Белую Вежу) на Дону (там, где Дон ближе всего подходит к Волге). Под 915 г. летопись отмечает: „придоша печенеги первое на Рускую землю." Игорю удалось заключить мирный договор с печенегами (прорвалась вероятно лишь небольшая часть всей орды); печенеги прошли дальше на Дунай. Позже они явились союзниками Игоря в его набегах на Византию.

Первый набег Игоря на Византийские владения (ок. 941 г.) направлен был на Малую Азию. Русь понесла в морском бою с греками тяжкое поражение, не выдержав знаменитого „греческого огня." Неудача не прекратила военно-разбойничьей деятельности Игоря, но только направила ее в другую сторону. В 943—44 годах Русь опять совершила большой набег на Каспийское побережье и Закавказье. Русские захватили большой и богатый город Берд'а и видимо собирались прочно там утвердиться, т. к. после занятия города пытались поддержать в нем порядок. Однако восстание жителей привело к полному разгрому города. После восточного похода, Игорь опять направил силы руссов на юг — на Византию, при чем сам лично руководил походом. Греки были принуждены заключить с ним договор (945 г.), похожий на договор Ольга.

Растратив силы на дальние походы, Игорь ослабил однако дисциплину внутри своего государства. Только что вернувшись с греческого похода, он отправился на сбор усиленной дани с древлян, и был убит ими. После смерти князя Игоря остался малолетний сын Святослав; правление приняла вдова

[1] Вероятно с примесью иранцев.

Игоря, княгиня Ольга. Правление Ольги продолжалось около 20 лет. Нет никаких известий о том, чтобы в это время Русь предпринимала набеги на восток. Внимание Ольги отвлечено было в сторону Византии. Однако и против Византии Ольга не предпринимала враждебных действий. Ольга испытала на себе глубокое влияние византийской культуры. Она крестилась и лично затем отправилась в Царьград (957).

Благодаря крещению, Ольга входила в круг византийского придворного общества. Она была принята во дворце византийского царя. В „Придворном Уставе" царя Константина Багрянородного сохранилось довольно подробное описание приема Ольги в большом византийском дворце. Ольге усвоен был в Византии титул „архонтиссы", т. е. „начальницы" русов. По понятиям византийского этикета Ольге устроен был прием не перворазрядный, но все же торжественный.

Не будучи завоевательницей, Ольга была хорошей правительницей; Ольга постоянно об'езжала свои владения и соблюдала в них строгий порядок. (О наказании Ольгою убивших ее мужа древлян сложилось целое сказание, записанное в летописи). Время правления Ольги — время собирания сил молодого русского государства. Это была, так сказать, „передышка." Летописец сохранил светлую память о княгине Ольге, называя ее „мудрейшею всех человек."

§ 24. Святослав.

„Передышкою" правления Ольги воспользовался сын ее Святослав, деятель необычайной энергии и подвижности, одна из самых ярких фигур русской истории. Святослав начал править еще при жизни матери. Его не интересовало однако внутреннее управление государством, которым Ольга заведывала до своей смерти. Святослав почти не сидел в Киеве и все короткое время своей самостоятельной власти (около 8 лет, с 964 по 972) провел в далеких походах. Несмотря на все настояния матери Святослав не захотел креститься и остался язычником. „Как мне одному переменить веру?" говорил он. „Дружина начнет смеяться надо мною." Святослав любил суровую походную жизнь. По словам летописи, Святослав был храбр и легок, как барс; во время военных походов он не возил за собою обоза; мясо в походах не варил в котлах, но изрезав тонко конину, зверину или говядину, пек ее на углях; шатра

также не возил, а подстилал под себя конский потник, под голову клал седло. Когда шел войной против кого, делал это не крадучись, а открыто, заранее посылал сказать „иду на вы."

Святослав подобно Ольгу и Игорю начал свою деятельность борьбою с хазарами. Сначала он прошел на Оку и покорил своей власти вятичей (хазарских данников). Потом он бросился непосредственно на хазар и совершенно разграбил Хазарское царство (ок. 965 г.) Главные города хазар: Саркел (Белая Вежа) на Дону и Итиль на Волге были взяты русскими. Поход Святослава на хазар имел совершенно другие цели, чем набеги Игоря. Те, были простым грабежом. Святослав же имел намерение прочно обосноваться на нижней Волге. Опрокинув Хазарское царство, Святослав несомненно расчитывал на развалинах его утвердить свою собственную власть. Если бы Святослав остался на Волге, он сделался бы естественным преемником хазар; тогда в дальнейшем русский князь мог бы принять не христианство, а иудейство или мусульманство.[1]

Однако, когда Святослав получил приглашение византийского императора помочь ему в борьбе с дунайскими болгарами, Святослав оставил Итиль и бросился на Болгарию; надо думать, что на Волге им была оставлена какая-то охрана. Поход Святослава на дунайских болгар (967) окончился блестящим успехом; Святослав захватил город Переяславец на Дунае и в нем утвердился. „Хочу жить в Переяславце Дунайском: там середина моей земли, там собираются всякие блага: от греков золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров — серебро и кони, из Руси — меха, воск, мед и рабы."

Захватом Дунайских Болгар Святослав осуществлял широкого размаха политический план: он становился преемником кочевых императоров, использовавших обмен между странами и народами „твердой культуры". Географически, империя Святослава достигала в этот момент бóльшего протяжения, чем империя авар (потому что в руках Святослава был не только нижний Дунай, но и нижняя Волга) или империя хазар (обратно: не только Волга, но и Дунай). Империя Святослава по своему протяжению может быть сравнимаема только с гуннской империей IV—V вв. Только к стихии кочевнического степного го-

[1]) Не книжною выдумкою летописца, а вполне реальным фактом были попытки обратить сына Святослава, Владимира, в иудейство или мусульманство. См. об этом ниже в след. главе.

сударства. Святослав прибавил еще стихию лесного государства (Киев—Новгород).

Можно думать, что разгромив хазар, Святослав принял и титул их государя — каган. По крайней мере преемники Святослава этот титул носили, и в середине XI века митрополит Иларион величал этим титулом как Владимира Святого, так и Ярослава Мудрого.[1]

Империя Святослава дала трещину на востоке. Как после первого похода Игоря на хазар, так и теперь, после уничтожения хазарского владычества, на юге России подняли голову печенеги. Пользуясь отсутствием самого Святослава и главной русской рати, печенеги напали на Киев и осадили его (968). Святославу пришлось спешно возвращаться с Дуная, чтобы спасать свою мать Ольгу и киевлян. Святослав прогнал печенегов от Киева, но сам долго в Киеве усидеть не мог. После смерти Ольги (969), Святослав посадил по городам своих сыновей (Ярополка в Киеве, Ольга в Древлянской земле, Владимира в Новгороде), а сам вернулся на Дунай. И на этот раз однако ему не удалось долго сидеть на Дунае. Греки не могли равнодушно смотреть на то, что на Дунае один противник (болгары) сменился другим (русы). Император Иоанн Цимисхий, один на самых блестящих полководцев в истории Византии, лично пошел походом на Святослава, одолел его и запер в крепости Доростоле (Силистрии). Святослав должен был заключить мир на условии удаления из Болгарии (971). Так рушились его дунайские планы. На обратном пути русское войско было застигнуто печенегами в Днепровских порогах и рассеяно. Сам Святослав был убит, и из его черепа печенежский князь Куря сделал себе чашу для питья.

---

[1] Иларион называл Владимира и Ярослава каганами не в риторическом или переносном, а в буквальном и деловом значении термина.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

БОРЬБА ЛЕСА И СТЕПИ
(972—1238)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 25. Пространство, занимаемое русским народом с конца X века по время монгольского нашествия.

К концу X века русский народ занимает (правда, не сплошь) обширное пространство от Финского залива и Ладожского озера с севера, до нижнего Дуная, Черного, Азовского, а отчасти и Каспийского морей — и от верховьев Тисы и Мароша (с запада) приблизительно до среднего течения Оки и Дона (на востоке). Но с конца X по середину XIII века пространство, занятое русским народом, не остается неизменным. Перемены заключаются, главным образом, в постепенной потере южной степной полосы и потере связи с южными морями. Степные кочевые народы все больше вклиниваются между южными морями и территорией, занятою русским народом. Юго-западный фланг русского народа остается опертым о Карпаты, но фронт и восточный фланг не выдерживают и быстро отходят к северу.

В середине XIII века южный фронт русского народа идет примерно по линии от Карпато-Дунайского угла (Молдавии) на нижнее течение Оки (в 1212 г. поставлен Нижний-Новгород), и далее к северо-востоку на Вятскую землю. Потери приморско-степной полосы русским народом ясно видны на примере Тмуторокани. Еще в XI веке Тмуторокань (у Керченского пролива) является сильным русским центром. По Азовскому морю, а затем нижнему Дону и Донцу (а отчасти прямо по Дону и его правым притокам) Тмуторокань тесно связана с Чернигово-Северской землей (княжество Мстислава, Ярославова брата, об'единяло Чернигов и Тмуторокань). Уже в XII веке Тмуторокань перестает совершенно упоминаться в наших летописях, а для того, чтобы „испить шеломом Дона" требовались героические усилия, к тому же часто кончавшиеся катастрофой (поход кн. Игоря 1185 г.).

Что касается Карпато-Дунайского — юго-западного — угла территории нашей народности, то отсюда русский народ не был выбит в рассматриваемый период, несмотря на отчаянный натиск, который ему приходилось здесь выдерживать с одной стороны от угров (мадьяр), с другой от печенегов и половцев. Русское население Молдавии однако только отчасти охватывалось рамками русских княжений (Буковина входила в Галицкую область, верховья Прута и Днестра — в состав Болховской земли). Русские поселения были еще в XII веке на нижнем Дунае, входя в состав Византийской Империи, а затем Болгарского царства.

К северу от Карпат западный угол территории русской народности подвергался также сильному натиску угров и ляхов. Однако натиск этот русский народ в указанное время выдержал, и ему удалось даже слегка продвинуть свои позиции на запад (по Сану и Вепрю).

Далее к северу, границы русских земель до XIII века подвергались менее ожесточенному напору. Здесь в общем сохранялась прежняя линия от среднего течения Немана до Чудского озера и по р. Нарове до Финского залива. В XI веке занята была часть земли к западу от Чудского озера (Ярославом поставлен г. Юрьев).

На севере и северо-востоке русский народ двигался вперед и занимал все новые и новые области в финской этнической среде. Новгородцы дошли до Белого моря, Студеного моря (Ледовитого океана) и Югорских гор (Урала). Не меньшее значение имело продвижение русской колонизации к востоку от Суздаля. С XI века бесповоротно занят был угол между нижним течением р. Оки и средней Волгою (от Мологи до Оки).

§ 26. Церковная и государственная организация русских земель.

В отношении церковно-религиозном русский народ с конца X века получил единую организацию. В 989 г., при кн. Владимире Русь всенародно крестилась (см. ниже § 29) почти одновременно в Киеве и Новгороде. В городах язычество исчезало вообще довольно быстро; в сельских местностях и лесных углах язычество, наоборот, держалось упорно. В народных верованиях языческие понятия и предания сказывались еще очень долго. Организация русской церкви в первые пятьдесят лет после кре-

шения Руси плохо известна нам.[1] Митрополичья кафедра была не в Киеве, а в Переяславле. Окончательную организацию русская церковь получила лишь с 1037 г.[2] Русская церковь представляла собою митрополичий округ Цареградского вселенского патриархата. Митрополит поставлялся Царьградом и, как правило, был грек (было лишь два исключения — митрополит Иларион в XI и митрополит Климент в XII в.). Епископы были частью греки, но большей частью русские (при Ярославе насчитывалось 10 епископий, впоследствии число их возросло).

В политическом отношении Русь была объединена лишь при Владимире (980—1015) и при Ярославе [во вторую половину княжения Ярослава (1034—1054)]. После смерти Ярослава Русь распалась на ряд отдельных княжений и областей. Из этих областей первоначально имели большое значение южные области — Киевская, Черниговская и Переяславская. Во главе каждой области стоял князь, но он не был единоличным правителем. Вокруг него был совет старших его дружинников — княжеская дума. Большое значение имели и города, жители которых обсуждали на вече важнейшие общественные дела. В некоторых княжествах были целые группы населения, имеющие особый голос при решении политических вопросов в княжеском совете. Так, киевские князья в главных своих военных решениях должны были считаться с голосом Черных Клобуков — поселенных в Киевской Руси турецких отрядов, вытесненных из степи половцами. Население русских княжеств делилось на различные группы свободных людей (бояре, горожане, смерды - крестьяне) и несвободных (холопов). Промежуточное положение людей полусвободных занимали закупы (заложившие себя люди, употреблявшиеся в работу, главным образом, сельскую). Между отдельными группами населения не было резких перегородок, человек легко переходил из одного состояния в другое.

§ 27. Сожители и соседи Русского народа.

Русский народ не сплошь заселял свою землю. Почти в каждом княжестве наряду с славяно-русскими людьми жили инородцы, на северо-западе — литовцы и латыши, на северо-востоке —

[1]) Возможно, что русская церковь одно время зависела не от Константинопольского, а от Охридского (Болгарского) патриархата.

[2]) В этом же году Охридская архиепископия потеряла свою автокефалию (за двадцать лет перед тем пало Болгарское царство под ударами Византийского императора Василия II Болгаробойцы).

финны, на юге — народы турецкого корня; в Киевском княжестве поселены были т. наз. Черные Клобуки (торки, берендеи), в Черниговском — половцы. Почти в каждом южно-русском княжестве были „свои поганые" в отличие от „диких" половцев.[1] В крупных городах постоянно жили торговые иноземцы — в Новгороде шведы и немцы, в Киеве угры, ляхи и евреи.

Обзор внешних соседей, с которыми имел дело русский народ, начнем с юго-западного угла, т. е. с Молдавии. К Молдавской земле почти вплотную подходила с юга, из-за Дуная, земля Болгар. Первое Болгарское царство рушилось под напором византийских армий в первой четверти XI века. После этого византийское царство на полтора столетия оказалось в близком соседстве с русскими землями[2]. В конце XII века из Византийской провинции Болгария вновь превратилась в независимое государство. Близкое соседство с Византийским и Болгарским царством имело громадное культурное значение для русского народа. От Византии мы получили церковь и веру, от Болгарии письмена и письменность. Не надо впрочем преувеличивать болгарского посредничества. Многое в древне-русской письменности заимствовано было непосредственно от Византии (многие книги переведены с греческого на славянский язык прямо на Руси).

Дальше на восток, со стороны черноморских степей, с Русью граничили кочевники, печенеги, затем (со второй половины XI в.) половцы. С ними все время шла напряженная борьба; причем русские князья, как было уже указано, пытались бороться против одних турецких племен (половцев) при помощи других (Черных Клобуков). В своей борьбе с половцами русские князья не были единодушны. Многие князья, во время своих усобиц с другими князьями нанимали в помощь себе „диких" половцев (особенно в этом отношении известны Черниговские князья Святославичи). Русские князья пытались загородиться от степи устройством пограничных рубежей (ров и вал с крепостцами). Укреплять такие рубежи начал еще Владимир Святой в X веке (при нем укрепленная граница была на два дня пути от Киева).

Остатки Хазарского царства сохранялись до XI в. на Таври-

[1]) Ср. с этим вассальные татарские княжества Московского периода (Касимов и др.).

[2]) Отделяли Византию от Руси кочевья печенегов (позже половцев) в Валахии.

ческом полуострове. Русский князь (Мстислав) оказал в 1022 г. помощь греческому царю Василию Болгаробойце при нанесении решительного удара против хазар. По Волге к северу, при слиянии Камы и Волги, держалось до самого монгольского нашествия мусульманское государство камских болгар. Русские князья часто воевали с ними, но борьба не носила особенно ожесточенного характера ни с той ни с другой стороны. Частью в подчинении у болгар, частью у русских находились различные финские и финно-турецкие племена северо-восточной окраины русской равнины: черемисы, мордва, вотяки и др.

На запад Русь граничила с уграми (мадьярами) и ляхами (поляками). Угры были сродни другим племенам западной Евразии. Как было уже выше отмечено (см. § 22), угры заняли среднее Подунавье менее столетия спустя после распадения аварской державы. Первое время после образования подунайской угорской державы, казалось, что держава эта тесно связана будет с славяно-евразийским миром. В XI в. в состав Угорского королевства вошли словаки, а в XIII в. — хорваты (королевство т. о. доходило до Адриатического моря). Однако церковная организация подчиняла мадьяр Риму и связывала их в культурном отношении с Европою. Впрочем, ярко выраженную роль латинской державы Угрия начала играть лишь с середины XIII в. Наоборот, Польша гораздо раньше, чуть не на заре своей политической истории стала твердым оплотом воинствующего латинства. Как Польша, так и Угрия играли большую роль в русской политике особенно западнорусских княжеств (Волынского и Галицкого); угры несколько раз пытались даже совсем захватить Галич в свои руки.

От Польши к северу, от Вислы до Варяжского (Балтийского) моря и Финского залива шли земли, заселенные племенами литовцев, ливи, латышей, эстов. До XIII в. эти племена не были об'единены и не представляли собою сколько-нибудь серьезной опасности для русского народа.

ГЛАВА IV.

ВЛАДИМИР И ЯРОСЛАВ.

§ 28. Владимир Святой.

Со смертью Святослава рушился весь его грандиозный план об'единения леса и степи, черноморской и каспийской торговли. Русским князьям пришлось сосредоточить почти все свое внимание на внутреннем сплочении своего государства и на защите его от степи. Степные кочевники, выступавшие раньше как сила, об'единяющая лес и степь (хазары), теперь надолго сделались силою, враждебной для леса (печенеги, затем половцы). Ни лес, ни степь в течение долгого времени не могли вполне одолеть один другого. Силы Киевского государства и степных кочевников юга России были приблизительно одинаковы. Поэтому и борьба их была так длительна и в общем безплодна.

После смерти Святослава начались усобицы между его сыновьями. Победа осталась на стороне Владимира Святославича (980). Во Владимире было уже много славянской крови: мать его — ключница Малуша из г. Любеча; дядя его — Добрыня (друг Ильи Муромца по былинам). Владимиру досталось государство, ослабленное смутою; много хлопот было ему с собственной его варяжской дружиной. Варяги считали себя завоевателями Киева и требовали дань — с каждого жителя по две гривны. С трудом Владимиру удалось спровадить главную массу их в Царьград.

В 981 г. у Владимира произошло столкновение с ляхами. Началась борьба с латинским западом, которая тянулась потом в продолжение всего хода русской истории.[1] Поход Владимира на ляхов увенчался успехом. Результатом похода было занятие Червенских городов, т. е. Волыни и Галицкой Руси.

Обезопасив себя с северо-запада, Владимир обратился на северо-восток. В 984 г. Владимир усмирил восставших против его власти радимичей. В следующем году ходил на камских Болгар. В этот поход русская рать двигалась в ладьях (вниз по Оке и Волге); берегом шли конные Торки — союзники Киевских князей вероятно со времени Святослава. Владимир

[1]) Формально, латинская церковь еще не отпала от вселенской, разделение церквей пришло значительно позже (1054); но фактически разделение уже намечалось — особенно со времени спора между патриархом Фотием и папою Николаем I (867).

победил болгарское войско, но этим удовольствовался и заключил с болгарами мир. В летописи сохранился рассказ, что воевода Добрыня советовал Владимиру оставить болгар в покое; Добрыня, увидев, что пленные болгары в сапогах, сказал Владимиру: „они не будут нашими данниками, пойдем лучше искать лапотников". Это летописное предание отражает собою целую программу: отказ от подчинения богатых соседей и перенесение внимания на бедные народы северной Руси.

Только после устройства северных своих отношений Владимир мог уделить внимание югу. В 987 г. Владимир был втянут в орбиту византийской политики (как за двадцать лет перед тем Святослав). Византийское правительство искало помощи Владимира, чтобы справиться с восстанием части своих войск во главе с стратигом (генералом) Вардою-Фокою. По договору. Владимиру была обещана рука греческой царевны Анны, но сам Владимир должен был принять христианство. Владимир исполнил свои военные обязательства; мятеж Варды-Фоки был подавлен, и сам Варда-Фока убит при подавлении. После победы в Царьграде не были однако расположены исполнять данные Владимиру обещания. Тогда Владимир начал войну с греками. Удар его был направлен не на самый Константинополь, а на византийский город в Крыму — Корсунь (Херсонис). Поход Владимира кончился успешно. После долгой осады Владимир взял Корсунь (988). После этого греки принуждены были исполнить свои обещания. Владимир, крестившись, получил в супружество греческую царевну.

Вернувшись в Киев, Владимир крестил Киевлян в Днепре и Почайне. Тогда же крещен был и Новгород, где однако язычество было крепче, и пришлось применить силу. На месте языческих капищ ставились христианские церкви.

Владимир отказался в дальнейшем от каких бы то ни было широких планов по отношению к Византии, Черноморью и Востоку. Ему пришлось вести тяжелую борьбу с печенегами — охранять свое государство от степи. В 992 г. печенеги подступили к самому Киеву, через пять лет они осаждали Белгород (на р. Ирпени, недалеко от Киева). Для защиты от печенегов Владимир должен был строить целую систему укреплений, насыпать валы, рубить города.[1]

---

[1]) Прообраз позднейших (XVI, XVII, XVIII вв.) московских и императорских „черт" и „линий", возводившихся для обороны от степи.

Владимир оставил по себе светлую память в сознании русского народа. Здесь имела значение не только его равноапостольская деятельность по распространению христианства, но весь его облик — приветливого к дружине и простым людям князя, умеющего, когда надо, карать и воевать, но в добрые минуты готового всех без разбору миловать и звать на пир в свои сени. С ласковым эпитетом „Красное Солнышко" вошло имя князя Владимира в русские былины.

Принятие христианства Владимиром было, конечно, делом не одного только политического расчета, но и серьезного внутреннего душевного перелома. Перелом этот изображен летописью, противополагающей нравственную распущенность Владимира до крещения и чистую жизнь его после крещения.

§ 29. Крещение Руси.

Принятие Владимиром христианства было событием решающим в истории русской культуры. Владимир побужден был к принятию православной веры различными причинами, как политического, так внутренне-психологического характера. Древняя русская летопись сохранила рассказ о том, что крещению Владимира предшествовали длительные колебания. По рассказу летописи, в 986 г. Владимира посетили религиозные миссии от различных церквей и вероисповеданий: волжские болгары — с проповедью мусульманства, немцы — от римского папы, хазары — с проповедью иудейства, и наконец греческий философ — православия. Нарисованная летописью картина не является отвлеченной риторической фигурою. Наоборот, она точно отражает действительность. Все эти различные религии были верованиями соседей (а отчасти и обитателей) Киевской Руси, и влияние их неизбежно должно было сказаться при установлении тесных торговых и иных сношений.

Принятие той или иной веры неизбежно определяло собою дальнейшую культурно-политическую жизнь Руси. Принятие мусульманства всецело вводило бы Русь в круг арабской культуры, т. е. культуры азиатско-египетской. Принятие христианства из Рима, от „немцев", сделало бы Русь страною латинско-европейской культуры. Наоборот, принятие как иудейства, так и православия обеспечивало Руси культурную самостоятельность между Европой и Азией.

Политические доводы могли быть приведены одинаково

в пользу как иудейства, так и православия. За иудейство могли быть приведены те же доводы, которые побудили хазарского кагана обратиться в иудейство (см. выше § 18) — т. е. стремление сохранить свою церковно-политическую независимость от сильнейших церквей и государств восточного Средиземноморья. За православие могли быть приведены доводы другого рода — поставлены на первый план не невыгоды, а выгоды культурного сближения с Византией, к которой притягивали и торговые отношения.

Помимо каких бы то ни было политических расчетов, вопрос о вере, конечно, должен был быть решен внутренними психологическими движениями. Ведь и возник вопрос о новой вере вследствие внутренней психологической недостаточности старой веры — русско-славянского язычества. К тому же среди русско-славянского общества Киевской Руси того времени уже было довольно много православных, принявших веру от Византии. Еще патриарх Фотий (IX в.) говорил о том, что руссы (очевидно, только часть руссов) „променяли еллинское[1] и нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру христианскую... И до такой степени разгорелось у них желание и ревность веры, что они приняли епископа и пастыря." Из договора Игоря с греками (945) видно, что среди Руси были как крещенные, так и не крещенные. Одни клялись (соблюдать договор) честным крестом, другие оружием. Вдова Игоря, Ольга, как мы видели, крестилась (957), но не делала крещения обязательным для всей Руси. При Святославе наступил некоторый рецидив язычества. То же было, вероятно, в начале княжения Владимира (в 983 г. толпа киевлян убила двух православных варягов, отца и сына, за то, что отец не хотел дать сына на принесение в жертву языческим богам). Согласно летописному рассказу, выслушав представителей различных религиозных миссий, Владимир явно склонился в сторону греческого философа, но перед окончательным решением вопроса отправил своих послов в окрестные страны, чтобы они посмотрели „кто как служит Богу." Рассказ послов и склонил окончательно Владимира к решению принять крещение по православному обряду. Русские послы, рассказывая о том, как они были на богослужении в св. Софии в Царьграде, говорили, что они не знали, где были — на земле или на небе...

[1] Т. е. языческое. Еще в Евангелии, еллин означает язычника.

Владимир заботился о том, чтобы церковь на Руси была вполне обеспечена материально и чтобы прочно установлено было правовое положение церкви в русском обществе и государстве (грамота Владимира о даровании десятины церкви пресв. Богородицы в Киеве ок. 996 г. и устав о церковных судах — ок. 1010 г.).

§ 30. Ярослав Мудрый.

После смерти Владимира Святого, так же, как после смерти Святослава, начались усобицы между оставшимися сыновьями. Власть в Киеве захвачена была сперва старшим сыном (или племянником) Владимира, Святополком.[1] Чтобы обезопасить себя от братьев, Святополк прибег к убийству. По его приказанию убиты были Борис и Глеб, причтенные русской церковью к лику святых.[2] Святополк не мог однако так легко отделаться от самого опасного для себя из братьев — новгородского князя Ярослава. Между Святополком и Ярославом началась борьба. Ярослав опирался при этом на варягов, новые отряды которых были им наняты из-за моря. Святополк заключил союз с польским королем Болеславом Храбрым.[3] Ярослав остался верен восточному, греко-болгарскому православию. Святополк обратился к западному латинству. Распря между братьями получала таким образом гораздо бóльшее значение, чем только семейной усобицы. Победа Святополка подчинила бы Русь польско-латинскому влиянию.

После долгой борьбы, шедшей с переменным успехом, Ярослав одержал верх над братом (на р. Альте в 1019 г.). Святополк погиб во время бегства. Не только его братоубийство, но и чувствовавшаяся в его действиях национально-религиозная измена, доставили ему прозвище Окаянного.

Вскоре после победы над одним братом и окончательного овладения Киевом, Ярославу пришлось вести трудную борьбу

---

[1]) Святополк рожден был еще до принятия Владимиром христианства и мог считаться как бы незаконным или, во всяком случае, неполноправным сыном Владимира. К тому же Святополк происходил от кровосмесительного брака Владимира со вдовою брата его Ярополка, которая была уже „непраздна".

[2]) Борис и Глеб — первые русские святые. Почитание их было очень велико в древней Руси, особенно в XII-XIII в. в. Икона их была и в св. Софии Цареградской.

[3]) Святополк был женат на дочери Болеслава.

с другим братом — Мстиславом. Мстислав представлял собою любопытную фигуру в истории древней Руси. В меньшем масштабе он пытался повторять Черноморскую державу своего деда Святослава. При этом однако он исходил не с севера, а с юга. Уголком Черноморья он владел — он княжил в Тмуторокани. Именно оттуда он начал добиваться севера. В этом отношении политика Мстислава восстанавливает традиции хазарского ханства — к обладанию Черноморьем присоединить лесную окраину среднего Днепра. Мстислав начал с обеспечения своего тыла, — победил касогов на Кубани (1022). Вслед за тем он устремился на север и в 1024 г. захватил Чернигов. Последовавшая двухлетняя война между Ярославом и Мстиславом была неуспешна для перваго. Ярослав был разбит (у Листвена, в том же 1024 г.) и принужден был согласиться на раздел русского государства. Днепр был положен границею между княжениями братьев (1026 г.).

Неудача на юге направила энергию Ярослава на север. Началась его борьба с финскими племенами, поход на Чудь (построение гор. Юрьева в Ливонской земле 1030 г.). В 1034 г. Мстислав умер, и Ярослав остался хозяином обоих половин Русской земли. В том же году Ярослав совершенно разгромил печенегов, вновь подступивших к Киеву. С этого времени печенеги уже не решались подходить к Киеву.

§ 31. Внутренняя деятельность Ярослава.

Во многих отраслях своей внутренней политики Ярослав шел по стопам своего отца, но с'умел пойти дальше и внести свое собственное, новое.

Большое значение имеет записанный при Ярославе сборник юридических норм, которыми должны были руководствоваться княжеские судьи. Сборник этот в древности еще назван был Русской Правдой. Первоначально подобную Правду Ярослав дал новгородцам в награду за их помощь ему в борьбе со Святополком. Позже, Правда получила применение и в Киеве. Ярославова Правда стремилась ввести в известные рамки господствовавший еще в то время обычай кровной мести за убийство. Правда установила круг родичей, имевших право мстить за убитого; в случае отсутствия у убитого родичей, убийца подвергался денежному штрафу в пользу княжеской казны. Для определения круга действия суда церковных властей и иму-

щественных прав церкви Ярослав дал церкви особый Устав в дополнение к церковному Уставу Владимира.

Подражая византийским царям, Ярослав желал сделать из Киева царственный город, подобный Константинополю. Ярослав украсил Киев великолепными постройками (Храм св. Софии, построенный греческими мастерами; Золотые Ворота и др.). При храме св. Софии в Киеве Ярослав велел устроить большое собрание книг, открытое всем любителям книжной мудрости. Ярославом устраивались школы и поощрялось вообще дело народного просвещения. В Киеве при самом Ярославе или его ближайших приемниках были переведены с греческого хроника Георгия Амартола (всемирная история) и Кормчая Книга (Номоканон — собрание правил и законов по церковному устройству). При Ярославе же появился такой замечательный деятель русской церкви и просвещения, как митрополит Иларион, первый митрополит из русских (1051). Крупным памятником его глубокой мысли и риторского искусства осталось сказанное им „Слово в законе и благодати"— „похвала кагану Владимиру." Иларион и до поставления в митрополиты был известен своей благочестивой жизнью. Будучи еще пресвитером, он ископал себе пещерку на горе близ Киева для духовных подвигов; можно поэтому именно его считать основателем Киево-Печерского монастыря, который расцвел пышным цветом уже при сыновьях Ярослава. Менее столетия после крещения Руси, русская церковь смогла уже выставить таких подвижников, как преп. Антоний и Феодосий Печерские.

ГЛАВА V.

ОТ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА ДО НАШЕСТВИЯ МОНГОЛОВ. (1054—1238).

§ 32. Сыновья и внуки Ярослава.

После Ярослава (1054) Русь распалась на ряд отдельных княжений. Согласно „ряду Ярослава", старший сын его Изяслав получил Киев и Новгород, второй сын Святослав — Чернигов, Рязань и Тмуторокань, третий сын Всеволод — Переяславль, Ростов, Суздаль и Белоозеро; Вячеслав Ярославич получил Смоленск, Игорь — Владимир Волынский. В Полоцке правил особый князь Всеслав Брячеславич.

Киевский княжой стол считался особенно почетным и выгодным. Каждый из князей стремился, хотя бы в порядке известной очереди, сесть на этот стол. В действительности, очереди не соблюдалось; отношения между князьями складывались в силу сложной цепи фактических взаимоотношений между самими князьями и землями, где они княжили.

Первое время после смерти Ярослава в основе всей политики русских князей было соглашение трех старших Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Они распределяли княжеские столы между другими братьями. Внимание князей прежде всего было обращено на степь, где появился новый противник — половцы. Половцы — родственный печенегам народ турецкого племени, теснивший печенегов с востока и занявший затем их место в южно-русских степях. Еще в 1055 г. половцы входили в переяславскую область. Всеволоду Ярославичу удалось тогда легко заключить мир с ними. В 1061 г. половцы появились вторично и на этот раз уже не ушли назад. В 1068 г. они нанесли Ярославичам страшное поражение на р. Альте. Переяславль был потерян, князь Всеволод бежал в Киев вместе со старшим братом Изяславом. Святослав ушел в свой Чернигов и сумел отразить нападение половцев на свой стольный город. Вследствие мятежа в Киеве, Изяслав должен был бежать в Польшу, где король Болеслав (приходившийся по матери двоюродным братом Изяславу) принял его дружественно. Весною 1069 г. Болеслав с Изяславом пошли на Киев. 2 мая Болеслав и Изяслав в'ехали в Киев. Болеслав однако вскоре должен был уехать вследствие враждебности киевлян к ляхам. Изяслав не мог долго усидеть в Киеве. Его погубил раздор с братом Святославом Черниговским. Еще в 1072 г. в новую церковь в Вышгороде перенесены были мощи свв. Бориса и Глеба; наряду с духовным торжеством это была политическая демонстрация единения старших Ярославичей. Но уже на следующий год вспыхнула распря между Изяславом и Святославом. Святослав захватил Киев, а Изяслав вторично бежал в Польшу. На этот раз король Болеслав его не принял, а „указал ему путь от себя." Изяслав пробрался к римско-германскому императору Генриху IV. Генрих отправил посольство в Киев к Святославу с требованием вернуть Киев Изяславу (в противном случае Генрих угрожал немецкой интервенцией в пользу Изяслава). Посольство однако не испугало Святослава, и вернулось к Генриху под впечатлением

силы киевского князя и его богатства. Генрих решил предоставить Изяслава собственной его участи. Не получив помощи от императора, Изяслав обратился к римскому папе Григорию VII, обещая признать духовную и светскую власть папы над Русской землей. Папа отправил грамоту в Киев с требованием — подчиниться Изяславу (1075). Папская грамота не произвела, однако, никакого действия. Изяслав смог вернуться в Киев лишь после смерти Святослава (который умер в самом конце 1076).

Через год после своего возвращения в Киев Изяслав был убит в сражении с половцами, которых привел бежавший в Тмуторокань племянник его Олег Святославич. Изяславу наследовал в Киеве третий Ярославич — Всеволод. Как в княжение Всеволода, так и в последующее княжение Святополка Изяславича (1093—1113), шла тяжелая, изнурительная борьба с половцами. Русским не удавалось достигнуть в этой борьбе сколько нибудь прочных результатов. Главной причиной неудачи были постоянные раздоры между отдельными русскими князьями. Сознание причин неуспеха приводило к мысли об обще-княжеском соглашении. Мысль эту особенно настойчиво проводил сын Всеволода, Владимир Мономах. В 1097 г. собрался „снем" (сейм) князей в г. Любече. Было решено прекратить раздоры из-за городов: „каждый да держит отчину свою". Однако потребовалось еще два княжеских совещания (снема), чтобы князья могли сговориться и направить свои силы против половцев. В 1103 г. русские князья во главе с Святополком Изяславичем и Владимиром Всеволодичем (Мономахом) совершили наступательный поход в Половецкие степи, разгромили половецкие войска, шли еще 4 дня к востоку от Хортицы (Днепровских порогов).[1]

После смерти Святополка Изяславича (1113 г.) в Киев, по порядку старшинства сыновей Ярослава, должен был быть призван на великое княжение Святославич. Расчет междукняжеских отношений был однако спутан народным волнением в г. Киеве, происшедшим после смерти Святополка. Волнение имело социальную подкладку, направлено было против ростовщиков и сопровождалось еврейским погромом. Вече Киевлян постановило призвать на великокняжеский стол Влади-

[1]) Успешный поход на половцев происходил также в 1111 г.; русские дошли в этом году до Дона и Сала.

мира Мономаха. Княжение Владимира Мономаха (1113—1125) представляет собою время почти полного замирения междукняжеских усобиц.

Обеспечив Русь от внутренних смут и от половецких нападений, Владимир сделал попытку вмешаться в дела Византийской империи. Сестра[1] Владимира выдана была за „царевича Леона" — вероятно, сына императора Романа Диогена. Леону удалось захватить несколько городов на Дунае. Когда затем Леон был убит агентами царствовавшего тогда в Византии императора Алексея Комнина, Владимир послал на Дунай войска для защиты прав своей сестры. Греки удержали Доростол, но принуждены были сдать русским некоторые другие города.[2]

§ 33. Днепровская Русь в XII—XIII вв.

Со второй четверти XII в. Киев начал быстро терять свое общерусское значение. Одновременно с этим, подымалось значение окраинных земель тогдашней Руси (на севере — Новгорода, на северо-востоке — Суздальско-Владимирского княжества, на западе — Галицко-Волынского княжества). Киев продолжал все же и в это время играть роль церковно-религиозного центра (митрополичья кафедра „всея Руси" продолжала пребывать в Киеве). Попытки поколебать эту роль Киева в XII в. и первой трети XIII в. не имели успеха. В течение XII в. Киев продолжал также иметь значение одного из главных культурно-хозяйственных центров Руси. Киев по-прежнему держал торговую связь с Византией. Возросла торговля Киева с Западом (при чем Киев отчасти имел транзитное значение — играя роль посредника между Византией и немецкими городами). Торговые интересы руководили отчасти и сложной политикой различных княжеских линий, которые вели между собою отчаянную борьбу из-за Киева. Сперва враждовали Мономашичи и Ольговичи, а затем междукняжеская борьба осложнилась еще борьбою между двумя линиями в среде самих Мономашичей: Юрьевичи (Юрий Долгорукий и его сыновья) спорили с Мстиславичами (потомки старшего Мономахова сына — Мстислава). Какой бы линии ни были князья, захватившие Киев, они должны были держаться той политики, которая дикто-

[1]) Быть может, дочь.

[2]) Города эти ненадолго удержались в русской власти, и были вскоре возвращены Византии.

валась прежде всего географическим положением Киева и торговыми его связями. Характерные черты этой политики — стремление поддержать связь с Византией и борьба со степью. В отношении первой задачи особенно энергичны были Мстиславичи: Ростислав (Смоленский) и племянник его Мстислав Изяславич; в отношении второй задачи — борьбы со степью — большое значение имела деятельность кн. Святослава Всеволодича (из дома Ольговичей), княжившего в Киеве с 1180 по 1195 г.[1]

Междукняжеские распри привели в конечном счете к подрыву хозяйственного роста самого Киева. Во второй половине XII в. и в начале XIII в. Киев два раза был страшно разграблен (в 1169 г. войсками суздальско-владимирского князя Андрея Боголюбского, а в 1203 г. князем Рюриком Ростиславичем). После этих двух ударов Киев уже не мог оправиться. Помимо внутренних осложнений, упадок Киева к XIII в. об'яснялся также и международными событиями. Киев был ключем Днепровского пути из Руси в Константинополь. Взятие Константинополя крестоносцами 4-го крестового похода (1204 г.) совершенно разрушило ту культурно-историческую основу, на которой держался Киев.

§ 34. Господин Великий Новгород.

Начиная со второй четверти XII в. Новгород понемногу выбивается из под зависимости от Киевского или какого либо из иногородних русских князей. Князья различных линий и областей стремились наложить свою руку на Новгород. Всю вторую половину XII в. и начало XIII в. то Киевские, то Черниговские князья, то — в особенности — Суздальские пытались овладеть Новгородом. Новгородцы отчаянно защищались от одних князей с помощью других. В Новгороде постепенно складывался совершенно особенный политический быт. Новгород не стал наследственной отчиной князей. При постоянной смене, князья были лишь дополнительным элементом власти в Новгороде. Основным элементом являлось вече. Новгород был народоправством.

---

[1]) Удачный поход киевского князя 1184 г. подвинул князей Северской земли в следующем 1185 г. предпринять поход вглубь половецких степей „испить шеломом Дона". Этот поход кончился катастрофой (поход был воспет в „Слове о полку Игореве")

Черты особенного политического уклада новгородской жизни проявились с полной определенностью лишь в конце XIII—XIV вв. Но наметились эти черты уже в XII в. При князе состояли выборные посадник и тысяцкий; без этих высших должностных лиц князь ничего не мог предпринимать. Постепенно выработался порядок, согласно которому князь, при вступлении в должность, обязан был целовать крест Господину Великому Новгороду. Новгородское вече имело свою постоянную канцелярию — вечевую избу. Фактически делами управлял совет боярской и купеческой аристократии („Совет Господ"). Новгород распадался на концы: всего считалось три конца на Софийской стороне и два конца на Торговой стороне (стороны считались от Волхова). Концы делились на сотни, а сотни на улицы. Сообразно этим делениям становился народ и на вече. Для решений требовалось единогласие. Если единогласие не достигалось, одна сторона шла на другую (местом побоища был обыкновенно мост через Волхов).

Весь неустойчивый политический порядок Новгорода смирялся и направлялся властью архиепископа. Архиепископ-владыка, имел в Новгороде значение чрезвычайное. Во время недоразумений между Цареградским патриархом и русским митрополитом Климентом (поставленным на Руси вопреки воле Царьграда), новгородский владыка Нифонт не подчинился митрополиту Клименту, а стал непосредственно зависим от Царьграда, фактически же стал автокефален. В дальнейшем новгородский владыка не удержал автокефалию, но с 1165 г. официально получил титул архиепископа. После смерти архиеп. Нифонта (1156) следующий архиепископ (Аркадий) был избран новгородцами на вече (такой порядок обыкновенно соблюдался и в дальнейшем). Владыка был первенствующим лицом в Новгороде, полномочным носителем власти (напр. при сношениях с иностранцами). Новгородское народоправство было освящено Церковью и находилось под покровом церкви.[1] Новгород был — дом св. Софии.

Новгород вырос на торговле, являясь посредником между шведскими и немецкими купцами с одной стороны, Русью, Севером и Востоком — с другой. В Новгороде выработался свой

[1]) Эта сторона новгородской жизни проявляется особенно ярко именно в XII—XIII вв. (Чудо с Иконой Божией Матери при нападении суздальцев 25 февр. 1170.)

тип богатыря — богатырь во купечестве, увлеченный дальними путешествиями и заморскими плаваниями (Садко). Новгород был по тому времени большой колониальной державой. Колонии его примыкали непосредственно к основной новгородской области (которая простиралась от Пскова до Белаозера). Весь север до Белого и Студеного Моря (Ледовитого океана), до Камня (Уральского хребта), а быть может и за Камень — представлял собою колониальную область для Новгорода. Финские племена русского севера — Самоеды, Пермь, Печора, Югра — платили новгородцам дань ценными мехами.

Могущественный и богатый Новгород имел одно весьма уязвимое место: на земле его не произрастало довольно хлеба, чтобы прокормить громадное (по тому времени) население.[1] Отсюда тесная экономическая зависимость Новгорода от Смоленского или Суздальского княжества.[2]

§ 35. Владимиро-Суздальское княжество.

В половине XII в. быстро поднялось значение Ростово-Суздальского края. Уже с конца XI в. в этот край шёл (с разных сторон) поток русской колонизации. Русское племя постепенно усваивало себе финский элемент первоначального населения края. Для установления прочного порядка в крае много сделал сын Владимира Мономаха Юрий (Долгорукий). Юрий усиленно строил новые города (Юрьев-Польской, Дмитров; при Юрии же в первый раз упоминается в летописях Москва). Весь этот край имел также большое значение для русской торговли благодаря своему географическому положению (нижнее течение Оки, нижнее течение Верхней Волги). Ростово-Суздальский край лежал на Верхне-Волжском пути из Новгорода и Смоленска в Болгары. Быть может именно из Суздальской земли и волжским путем прорвалась ок. 1175 г. русская вольница на Каспийское море. Этот поход окончился неудачно:

---

[1]) В конце XIII и начале XIV в. население Новгорода по некоторым (вероятно преувеличенным) сведениям доходило до 400.000 чел.

[2]) Последнее время новгородской самостоятельности (XIV—XV вв.) Новгород, кроме того, потрясали внутренние социальные смуты — усобицы между „меньшими" и „вящими" людьми. — В середине XIV в. новгородский пригород Псков отделился от своей митрополии в качестве самостоятельного государства. Псков играл важную роль в обороне Русских пределов от нападений врагов с запада, особенно — рыцарей Ливонского ордена (см. ниже § 37).

ширваншах (т. е. правитель Ширванской области — приблизительно Бакинская губ.) разбил русский флот, состоявший из 70 кораблей.

Кн. Юрий Долгорукий, устроивший свой ростово-суздальский удел, все же тянулся в Киев (куда и ушел действительно перед смертью). Сын его Андрей (Боголюбский) не поехал княжить в Киев после взятия Киева (1169 г.), а остался во Владимире. В Киеве на княжеский стол был посажен им младший брат Глеб. Это об'ясняется тем, что Андрей сросся со своим Владимиро-Суздальским княжеством и привык к его порядкам. Как бы то ни было, Андрей — первый из князей, игравших первенствующую роль в русской земле и оставивших Киев в пренебрежении. Зато Андрей стремился всячески возвысить Владимир на Клязьме и украсить его святынями (Успенский собор во Владимире, 1158—60 г.г.); икона Божьей матери Владимирская перенесена Андреем из Киева в 1155 г.[1]

Подчинив себе Киев, Андрей хотел подчинить и Новгород; однако суздальские войска, дойдя до Новгорода, потерпели поражение 25 февр. 1170 г. (чудо с иконою Знамения Божьей Матери). В следующем году голод заставил новгородцев отправить посольство к Андрею просить мира.[2]

Андрей Боголюбский был далеко незаурядной политической фигурой. Упрямый и властный, он настойчиво стремился к господству над всеми русскими землями из своего Владимира. Андрей возвысил этот новый город над старыми (Ростовом и Суздалем), т. к. хотел быть свободен от старых обычаев, от влияния вечевых порядков. Андрей не любил старой отцовской дружины, возвышая младших, „отроков" по выражению летописца. Так Андрей, ломая традиции, думал сделаться самовластцем Суздальской земли, а затем уже вводить свои новые порядки по всей Руси. К другим князьям относился он как к своим „подручникам" (чем вызывал страшное их возмущение). Андрей погиб от заговора, составившегося после того, как он казнил одного из своих „передних мужей" Кучковича. „Отроки", которым доверял Андрей, оказались не на высоте положения и предали своего господина. В 1175 г. Андрей был убит заговорщиками.

---

[1]) В Киев икона перенесена из Царьграда в 1131 г. (написание иконы предание приписывало евангелисту Луке).

[2]) Как сказано выше, в Новгороде не хватало хлеба, и хлеб шел „снизу" — из Суздальской земли.

Убийство Андрея Боголюбского сопровождалось грабежами и беспорядками. В Суздальской земле произошла распря между младшими городами (Владимир и Переяславль Залесский) и старшими (Ростов и Суздаль). Борьба кончилась победой младших городов. Власть над всей суздальской землей получил князь Всеволод Юрьевич (1177—1212). Как и брат его Андрей, Всеволод стремился всячески возвысить свой стольный город Владимир. При Всеволоде выстроен во Владимире знаменитый Димитриевский Собор (конец XII в.). Всеволод Юрьевич (по прозванию Большое Гнездо — прозван был так за свое многочисленное потомство) представлял собою также, как и Андрей, крупную политическую фигуру. Не обладая воинскими талантами и не стремясь к воинским делам, Всеволод сумел своей политической настойчивостью и дипломатической ловкостью (не даром он в молодости провел несколько лет в Византии) создать себе властное положение среди русских князей. Лишь одного Романа Галицкого (см. след. §) можно противопоставить Всеволоду по степени и силе власти. Всеволод однако и над Романом одержал дипломатическую победу, заставив признать права свои на Киев.

§ 36. Галицко-Волынская земля.

Чрезвычайно усилилось во второй половине XII в. Галицкое княжество. Расположенное на крайней юго-западной оконечности русских земель, Галицкое княжество было в тесных сношениях с Польшей и Угрией; вместе с тем, владея верховьями рр. Прута и Серета, Галицкий князь всегда имел сравнительно легкий доступ к Дунаю и Черному морю и мог поддерживать постоянные сношения с Византией (и Болгарским царством — по восстановлении этого последнего). Полунезависимы от Галича были русские поселения по нижнему течению и нижним притокам Дуная, где образовались вольные общины, похожие на будущие казачьи общины (берладники от г. Берлади). Из Галицких князей в XII в. особенно выдвинулся Ярослав Осмомысл (княживший с 1152 г.). Этого Ярослава воспело „Слово о полку Игореве" („Высоко сидишь на своем златокованном столе" — обращается „Слово" к Ярославу — „подперши горы угорские своими железными полками, заступив путь королю [Угорскому] и затворив ворота Дунаю"). Ярослав широко понимал задачи внешней политики Галицкого княжества, искусно лавируя между Угрией и Византией.

Ярослав Осмомысл умер в 1187 г. После его смерти в Галиче начались внутренние неурядицы, которые успокоились только в самом конце XII в., когда Галич был захвачен Волынским князем Романом (правнуком Мономахова сына Мстислава). Соединив в своих руках галицкое и волынское княжества, Роман оказался одним из самых сильных русских князей. Роман отличался властным характером и вел беспощадную борьбу с притязаниями волынского и галицкого боярства (известны его слова: „не передавивши пчел, меду не есть"). По традиции (как Мономашич) Роман поддерживал дружеские связи с Византией. В 1201 г. он ходил походом на половцев, чтобы помочь византийскому императору Алексею III Комнину. Роман попытался прибрать к своим рукам и Киевское княжество, но в конце концов должен был отказаться от Киева в пользу Всеволода Суздальского (см. § 35). Вслед за тем внимание Романа было отвлечено на запад. Он начал воевать с поляками. Римский папа Иннокентий отправил к Роману посла, чтобы убедить его признать свою верховную власть. Когда римский посол упомянул о мече Петрове, находящемся в распоряжении папы, Роман обнажил свой меч и спросил посла: „Такой ли у папы? Пока ношу этот при бедре, не имею нужды в ином". В самом начале войны с поляками Роман был убит в случайной стычке (1205).

§ 37. Междукняжеские отношения и внешние опасности первой трети XIII века.

После смерти Романа Мстиславича наступило тяжелое время для всей западной Руси — время внутренних смут и внешних опасностей. К прежним неприятелям — мадьярам и полякам — прибавились новые — литовцы, немцы и шведы.

Немцы появились в устье Западной Двины еще в середине XII века, но первоначально их появление носило мирный характер. Это были купцы и миссионеры. Обращение в христианство местного населения (ливов, латышей) шло однако же туго. Тогда в помощь миссионерам пришли воины. В 1200 г. епископ Альберт основал г. Ригу в устье Двины. Через два года им был учрежден орден воинствующих рыцарей по образу тех, что боролись с мусульманами в Святой Земле. Этот орден получил название меченосцев (одежда этих рыцарей: белый плащ с красным крестом и мечом на плече). Орден управ-

лялся своим магистром и находился в зависимости от епископа Ливонского. Рыцари-меченосцы начали быстро распространять свою власть к востоку от Риги (в общем направлении на Псков и Полоцк). К юго-западу от владений Ливонского ордена, на Балтийском побережье между Неманом и Вислой обосновался другой рыцарский орден — Тевтонский (одежда — черный плащ и белый крест). Тевтонский орден первоначально был образован для Палестины, но в виду безнадежного для латинян оборота дел в Святой Земле, орден перешел на Балтийское море (1225—1230 г. г.).[1]

Под давлением немецких рыцарей и для борьбы с ними стали об'единяться отдельные племена литовцев и латышей. Об'единение это большей частью не было в силах остановить напор немцев; но оно создало возможность для литовских и латышских племен в свою очередь давить на восток — т. е. уже на русские земли. Так возникла гроза литовского завоевания для Полоцкой земли и северной части Волынской земли.

Между тем в русских землях продолжались между-княжеские распри. Видную роль в этих распрях в первой трети XIII века играл князь Мстислав Мстиславович (Удалой). Мстислав выдвинулся в качестве Новгородского князя. Желая остановить напор немцев, Мстислав предпринял поход в Ливонию (весна 1214 г.). Немцы уклонились от боя и заперлись в Риге. Мстислав прошел всю ливонскую землю до самого моря и собрал обильную дань. Летом того же 1214 г. Мстислав с смольнянами и новгородцами ходил на Киев, чтобы изгнать оттуда Всеволода Святославича (Чермного), который захватил Киев по смерти Рюрика Ростиславича.[2] В 1216 г. Мстислав вмешался в дела Суздальской области, где шел раздор между сыновьями Всеволода Юрьевича (умершего в 1212 г.). Мстислав выступил в пользу Константина Всеволодича против Юрия; Липецкая битва окончилась полной победой новгородцев над суздальцами. Юрий должен был отказаться от великого княжения суздальского в пользу Константина.[3] Мстислав воевал и в Га-

---

[1]) Поводом было приглашение ордену со стороны одного из польских князей Конрада Мазовецкого — поселиться на его землях, чтобы защитить их от нападений литовского племени пруссов. Рыцари покорили пруссов и создали прочное немецкое государство (позднейшую Пруссию).

[2]) Всеволод Чермный был Ольгович, Мстислав Удалой — Мономашич (его отец, Мстислав Ростиславич Храбрый, был правнуком Владимира Мономаха).

[3]) Юрий вновь сделался великим князем после смерти Константина (1219).

личе. После смерти Романа (1205) в Галиче остался малолетний сын Романа, Даниил; начались смуты. Бояре подняли голову. Даниил принужден был бежать в Угрию. Судьба Галича определена была соглашением мадьяр с поляками; соглашение это, однако, не было прочно; союзники вскоре поссорились между собою; поляки призвали против мадьяр Мстислава Удалого. Мстислав привел с собою половцев и с их помощью одержал совершенную победу над мадьярами (ок. 1220 г.). Мстислав совершенно не сумел использовать свою победу и заключил мир с Угорским королем на таких условиях, что король (Андрей) должен был женить своего младшего сына (также Андрея) на дочери Мстислава; Мстислав отдавал зятю Перемышль.[1] В этом поступке отразился весь Мстислав Удалой: блестящий воин, но неустойчивый политик. Боевая слава для него составляла все, остальное отходило на задний план. Мстислав походил по своему характеру на многих западных рыцарей этой эпохи.

Пока русские князья продолжали запутываться в бесконечных распрях и „которах", с востока подымалась новая гроза. Шел девятый вал степных кочевников, — небывалой силы и напора. Этот вал затопил всю русскую землю и князей со всеми их междуусобиями.

В 1223 г. на юго-востоке появились монголы или татары. Спасаясь от монгольского нашествия, половцы бросились искать защиты у русских князей. Хан Котян, тесть Мстислава Удалого, говорил: „сегодня они взяли нашу землю, завтра возьмут вашу." Мстислав вызвался организовать коалицию русских князей против татар. На совете русских князей в Киеве решено было не ждать неприятеля, а итти ему на встречу в глубь половецких степей.[2] Столкновение произошло на р. Калке (Калмиус — впадает с севера в Азовское море). Русские полки бились храбро, но в их действиях не было единства (также как не было согласованности в действиях между русскими и половцами). Между тем во главе монгольской армии стояли гениальные полководцы Джебе и Субутай. Монголы разбили сперва половцев, а также галицкую и черниговскую рать (Мстислав спасся бегством), в то время как киевская не успела даже принять участия в бою. Киевский князь Мстислав

[1]) А впоследствии отдал дочери и Галич.

[2]) Послы, высланные монголами навстречу русским князьям, были убиты.

Романович затворился в укрепленном лагере на берегу Калки и три дня отбивался от неприятелей, но затем согласился дать откуп и уйти назад. Условий договора монголы не выполнили и избили всех дружинников Мстислава (сам Мстислав был задушен под досками).

После победы, монголы не пошли на русскую землю, а повернули назад.[1] В течении пятнадцати лет после того на Руси ничего не слышали о монголах. „Сих же злых татар таурмен не сведаем, откуду были пришли на нас и где ся дели опять: только Бог весть."

[1] О причинах этого см. ниже § 42.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

ПОБЕДА СТЕПИ НАД ЛЕСОМ (1238—1452)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 38. Русский народ и пространство, им занимаемое, в XIII—XV вв.

Монгольский период имеет громадное значение в истории русского народа. Именно с XIII в. можно вести начало языкового расхождения между восточно-русскою и западно-русскими частями русского народа. Оказавшись расколотым на две части в политическом отношении (между монголами и Литвой), русский народ начинает разделяться и в культурном отношении. Что касается пространства, занимаемого русским народом, то здесь нельзя найти резких перемен сравнительно с предшествующим временем. Во второй половине XIII в. под механическим влиянием разорений, связанных с монгольским нашествием, усиливается отлив населения из Переяславской области.[1] В общем однако можно сказать, что отступление русского народа из южных степей к северу приостанавливается. Русский народ закрепляется на позициях, куда он оступил к XIII веку, чтобы потом начать новое наступление на степь. Это наступление на степь прежде всего началось в юго-западном углу территории русского народа. Во второй половине XIV в. русский народ достиг Черного моря между Днестром и Бугом в рамках Великого Княжества Литовского.[2] В больших количествах шло просачивание русского народа на юго-восток из Московской и Суздальской Руси. По свидетельству мусульманских путешественников, очень много русских жило в Сарае. Открытие православной епархии в Сарае показывает значительность православного населения на нижней Волге и Дону.

[1]) Чувствуется запустение и в Черниговской, отчасти и в Киевской области.

[2]) Но в конце XV в. русские опять потеряли доступ к Черному морю (крымское ханство оттеснило Литву).

Русские купцы бывали в больших количествах и на северном Кавказе.[1] Далее, надо отметить русские военные отряды, ходившие на юго-восток под начальством русских князей или взятые в монгольские армии в качестве „числа" с русской земли (и в таком качестве сражавшиеся в конце XIII в. даже в Китае). Продолжалась и новгородская колонизация на русском севере; ватаги новгородских купцов и промышленников проникали все дальше по лесам и рекам.

§ 39. Церковная и государственная организация.

Организация русской церкви в монгольский период в общем осталась неизменной. Русская церковь продолжала составлять одну митрополию. Однако митрополит переменил свое местопребывание, перейдя с юго-запада на северо-восток. Уже Кирилл III († 1280 г.) большую часть своего архиерейства жил во Владимире. Митрополит Максим (1283—1305) окончательно перенес местопребывание митрополита из Киева в северо-восточную Русь. После митрополита Петра пребывание митрополита утвердилось в Москве.[2] Однако, митрополия долго еще продолжала носить название „Киевской" (и всея Руси). В связи с перенесением митрополичьей кафедры в Москву и образованием особого политического центра в юго-западной Руси (Вел. Княжество Литовское), начались попытки образования особой западно-русской митрополии. В устройстве русской церкви монгольского периода большое значение имело образование новой епархии в центре Золотой Орды, т. е. епархии Сарайской. Сарайский епископ играл большую роль в русской церкви особенно во второй половине XIII в. и первой половине XIV века.

В политическом отношении большая часть Руси в указанный период вошла в состав Монгольской империи, именно улуса Джучиева, который к концу XIII в. фактически, а к концу XIV в. формально, представлял собою совершенно самостоятельное государство (слывшее под именем Золотой Орды). Вне монгольской империи в XIII веке оставались лишь крайние уголки

[1]) Когда тело тверского князя Юрия привезли в г. Маджары (в пределах позднейшей Ставропольской губернии), купцы, знавшие покойного, захотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церковь с честию, со свечами (1319 г.).

[2]) Кафедра митрополичья была официально приурочена к Москве при митрополите Алексии.

Русской земли (Угорская Русь и часть Полоцкой земли). Однако в XIV веке Литва и Молдавия вытесняют монголов из всей области между Припетью, Днестром и Днепром, а также из Чернигово-Северского края. Дальнейшее наступление Литовского Княжества на Донец и Дон было приостановлено роковою для Литвы битвою на Ворскле 1399 г.

Молдавская Русь (к западу от Днестра) продолжала оставаться под властью монголов до середины XIV века, когда возникло особое Молдавское княжество. Угорская Русь находилась в составе Угорского королевства. Галич со Львовом в середине XIV века захвачены были Польшей (1349).

Общественный и государственный строй русских земель претерпел в XIII—XIV вв. значительные изменения. В русских княжествах, вошедших в состав Литовского государства, сильно развились права аристократического слоя — прежнего боярства (позднее панов и шляхты). Во многих русских княжествах, находившихся под монгольской властью, наоборот, возрос элемент вотчинной княжой власти (бояре, как княжие слуги); на крайнем северо-западе удержалось (и отчасти даже расцвело) народное вече (фактически в Новгороде очень сильно было влияние боярско-купеческой олигархии).

§ 40. Сожители и соседи русского народа.

Благодаря возникновению Монгольской империи чрезвычайно расширился круг земель, состоявший под одною с русским народом монгольской властью. Юго-славянские государства Балканского полуострова сделались зависимыми от монголов во второй половине XIII века. По отношению к Болгарии зависимость эта продолжалась до времени захвата ее Турцией (1393 г.). Сербия несколько позже подчинилась монголам (в самом конце XIII в.) и раньше вышла из этого подчинения (первая четверть XIV в.). Таким образом южные славяне и Русь во второй половине XIII и отчасти в XIV веке находились в составе одной империи. Это обстоятельство не могло не содействовать усилению культурных связей между южными славянами и Русью (которое действительно наблюдается в XIII—XIV веках).

Большое значение имело общение русских людей, бывавших по своим делам (гл. образом торговым) в Сарае и в Крыму, со всякого рода иноземцами, сходившимися в Золотую Орду

со всех стран востока и запада (харезмцы, китайцы, персияне, греки, итальянцы, „франки").

Монгольское иго открыло для русских людей весь юг, юго-восток и укрепило связи их с юго-западом. С русских земель на полтора века снята была необходимость обороны против степи (после первых грозных монгольских нашествий, остальные набеги — для северо-восточной Руси — связаны были главным образом с внутренними междукняжескими интригами). Тяжесть борьбы со степью легла на плечи русских людей лишь после того, как Димитрий Донской, нарушив традиции своих предшественников, открыто разорвал с Ордою. Куликовская битва (1380) не была достаточна, чтобы сбросить монголо-татарскую власть над Русью. Власть эта упала лишь после того, как Золотая Орда распалась: около середины XV в. возникли Казанское и Крымское ханство, а значительные количества татар передались московскому князю (Касимовское царство).

XIII—XV вв. были критическими для юго-западной части русского народа. Попытки западно-русских князей вести борьбу против татар, опираясь на союзников с запада, привели к тому результату, что западно-русские земли попали в полное подчинение западным своим соседям — уграм (Угорская Русь), румынам (Молдавская Русь вошла в состав возникшего в XIV в. Молдавского княжества), полякам (Галич с середины XIV в.) и, главным образом, литовцам. В состав Вел. Княжества Литовского вошло такое количество русских земель, что долгое время можно было думать о совершенном превращении Вел. Княжества в русское государство, но принятие латинской веры князем Ягайлою (1386) предопределило полонизацию Вел. Княжества; после принятия латинства правящими кругами литовского государства уже нельзя было надеяться на преобразование его в национальное западно-русское государство. Подчинение юго-западной Руси государствам латинской веры представляло для русского населения гораздо большую опасность культурного обезличения, чем подчинение северо-восточной Руси монголам, которые не преследовали православия и не уничтожали русской народной самобытности.[1]

[1]) Отдельные случаи убиения татарами русских православных князей (мученическая смерть в Орде кн. Михаила Черниговского 20 сент. 1246 г.), стояла в противоречии с общим отношением ханов к православию. Казнь кн. Михаила Черниговского была вызвана в значительной степени причинами политического, а не церковного характера.

ГЛАВА VI.

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ.

§ 41. Образование монгольской империи.

В конце XII в. среди монгольских племен восточной Евразии, как это неоднократно происходило в прежние века, вновь произошло страшное сосредоточение и напряжение народной энергии. Среди вождей различных монгольских племен появился человек необычайной воли и широты замыслов, „гениальный дикарь", именем Темучин (род. ок. 1155 г.). Темучин был знатного монгольского рода (отцом его был Есугей — богатур). Темучин был первоначально вассалом вождя монгольского племени кераитов, Ван-хана. Первые победы Темучина над окружающими народцами имели, казалось, чисто местное значение. Но победы эти сопровождались работою по внутреннему устройству монгольской силы.

В самом начале XIII в. об'единилась группа монгольских аристократов, которые решили создать в степи достаточно сильную организацию против демократических тенденций одного из монгольских вождей, Джамуг-сечена. Группа эта провозгласила Темучина „каганом" и нарекла его Чингисом.[1] После избрания ханом, Чингис немедленно занялся организацией своих сил. Первым делом его было устройство собственной ставки. Он установил постоянную стражу из стрелков и мечников. Далее, он подобрал себе штат надежных людей, которых он мог бы рассылать „как стрелы" для исполнения своих поручений. Затем он обратил особое внимание на охрану и пастьбу конских табунов. Затем Чингис-хан занялся организацией войска. Войско разделено было на десятки, сотни и тысячи,[2] причем Чингис-хан обратил особое внимание на подбор начальников из людей, лично ему известных. Особые должностные лица (черби) должны были ведать хозяйственную часть военного устройства. Главное значение в войсках Чингиса получила его гвардия (кешик) — одновременно и личная охрана хана и отборная часть войска. Гвардия была организо-

---

[1]) Вероятно по имени светлого духа, которому поклонялись тогдашние монголы — шаманисты. Чингис-хан — приблизительно значит: царь от неба, т. е. совершенно независимый от людских государей.

[2]) Впоследствии прибавились еще более крупные части: тьмы (10.000 чел.),

вана на строго аристократических началах: в нее набраны были молодые люди „из домов ноянов, тысячников и сотников". В составе самой гвардии была выделена особая тысяча „храбрых богатуров". И в гвардии и во всем войске Чингис-хан завел железную дисциплину.

Когда внутренняя работа организации монгольского ядра была закончена, могла начаться мировая монгольская экспансия. Война была решена на собрании монгольских старейшин (курултай) у истоков Орхона в 1206 г. Курултай этот провозгласил Темучина-Чингиса каганом уже всего монгольского народа. Чингис-хан направил военные силы монголов прежде всего на восток от монгольского мира, в Китай (Цзинское государство — северная часть Китая). Пекин сдался монгольским армиям в 1215 г. Долголетняя китайская война имела большое значение для Чингис-хана в том отношении, что столкнула его с китайскими деятелями старой государственной культуры и административных навыков. Чингис-хан организовал целые китайские корпуса в составе своих армий. Но едва ли не важнее всего для него было то обстоятельство, что после взятия Пекина среди приближенных его оказался один из самых выдающихся государственных деятелей этой эпохи, Елу-Чуцай. Елу-Чуцай, поэт и ученый (астролог), обладал совершенно исключительными организаторскими талантами. Если Чингис-хан создал военную организацию монгольской империи, Елу-Чуцай создал ее административный механизм.[1]

Достигнув решительных успехов на востоке, Чингис-хан обратился на запад. Там к этому времени в руках хорезмшаха Ала-аддина Мухаммета сосредоточилось огромное мусульманское царство, состоявшее из Туркестана, Афганистана и Персии. Чингис-хан не хотел войны, но хотел вступить в постоянные торговые сношения с Хорезмом. Однако монгольские послы и купцы были перебиты в Отраре по приказанию наместника хорезмшаха (1218). После этого война стала неизбежной. Перед началом ее (весною 1219 г.) Чингис-хан созвал курултай, на котором были вырешены подробности будущей войны, и на котором Чингис-хан лично мог дать всем вождям руководящие наставления. Чингис-хан двинул против хорезмшаха около

[1]) Елу-Чуцай пошел на службу к Чингис-хану после разгрома северного китайского царства, т. к. надеялся этой службою больше сохранить из китайского культурного наследия, чем попытками сопротивления.

20 тем, т. е. 200.000 чел. Военные силы хорезмшаха были более численны, но качеством и дисциплиною были слабее. Осенью 1219 г. Чингис-хан взял Отрар, а в начале 1220 г. — Бухару. Хорезмшах бежал в Мазендеран.

§ 42. Битва при Калке.

Планомерность и обдуманность движения не дозволяла Чингис-хану бросать немедленно свои главные силы всё дальше и дальше вперед для завоевания новых земель, уже намеченных к захвату. Однако отряду, посланному для поимки Мухаммеда, был дан приказ — произвести глубокую разведку в круге земель, обреченных на завоевание. Таков был смысл молниеносного конного рейда Джебе и Субутая. Через северный Иран отряд Джебе и Субутая проник сперва в Закавказье. Попытка сопротивления была оказана со стороны грузии; грузинское рыцарство было уничтожено в сражении. Через Дербентский проход монгольский отряд вошел в пределы Северного Кавказа и затем проник в Крым и на Дон, в половецкую землю. Русские князья пришли на помощь половцам. Столкновение произошло на реке Калке (см. выше § 37). По окончании боя, монголы повернули в степь и ушли. Разведка была произведена и удалась блестяще. Добыты были не только точные данные относительно земель, лежащих за половецкою землею, но еще и на опыте изведаны военные силы и качества русских княжеских ратей.[1] Как выше сказано, появление и уход монголов показалось тогдашнему русскому познанию совершенно необ'яснимым событием.

§ 43. Батыев поход 1237—38 гг.

Вряд ли кто в тогдашнем русском обществе задавался вопросом, случайно ли было появление моиголов в 1223 г.; какою силою оно было вызвано и не может ли оно повториться вновь. Сведений о том, что творилось в глубине Евразии, не было. Не была учтена сила сознательного расчета и плана руководителей монгольской политики.

Чингис-хан умер в 1227 г. при завершении победоносного похода против племени тангутов. Со смертью Чингиса не ра-

[1]) На обратном пути через заволжские степи отряд Джебе потерпел поражение от камских болгар.

спался однако самый центр монгольской военной организации. Преемником Чингису был, согласно собственной его предсмертной воле, избран третий его сын Угедей (Огодай, Октай).[1] Исключительное значение получил при нем Елу-Чуцай; другим влиятельным государственным человеком был уйгур Чинкай — христианин (несторианин).

Первая ступень завоевательного монгольского плана была завершена еще при Чингис-хане, к концу 1220-х годов. С начала 1230-х годов начинается подготовка второй ступени. Когда были окончены все внутренние приготовления, дальнейшее продвижение было решено на курултае в Каракоруме в 1235 г. Курултай этот играет до некоторой степени ту же роль, что и курултаи 1206 и 1219 гг.

По решению курултая 1235 г. движение монгольских армий должно было идти по трем направлениям: в южный Китай и Корею направлен был младший сын Чингис-хана Тулуй; в Персию, Закавказье, Малую Азию был отправлен Чармаган-ноян; третий удар направлен был именно в сторону русских земель. Во главе похода поставлен был Батый, сын Джучи, старшего сына Чингиса.[2] При Батые состояли представители других линий Чингис-ханова потомства, напр., будущие великие Ханы — Гуюк, сын Угедея, и Мёнке, сын Тулуя. Распорядителем военной стороны похода был Субутай — едва-ли не самый талантливый из всех полководцев Чингис-хана. В распоряжении Субутая находилось от 12 до 15 тем (т. е. 120—150 тыс. всадников. Концентрация этих сил на Волге закончилась еще в 1236—1237 гг.).

Батый обратился прежде всего на Волжских болгар.[3] Покончив с болгарами, Батый переправился через Волгу и в самом конце 1237 г. подошел к пределам Рязанского княжества. Батый потребовал от рязанцев покорности и дани — со всего десятину. Рязанцы отказали. Взяв Рязань, а затем Владимир, татары бросились преследовать великого князя Юрия Всеволодича, обошли его и появились совсем не с той стороны, где их ожидали. 4 марта 1238 г. суздальская рать была совершено разгромлена. Юрий погиб в сражении (на р. Сити).[4] После битвы

---

[1]) Непосредственно после смерти Чингис-хана (до выборов нового Великого Хана) регентом империи был младший сын Чингис-хана, Тулуй.

[2]) Джучи был сомнительного происхождения; Чингис-хан не считал его своим сыном.

[3]) В наказание за разгром отряда Джебе и Субутая в 1223 г.

[4]) Приток р. Мологи.

на Сити татары двинулись на запад, прошли Тверь, взяли Торжок и направились к Новгороду. Однако до Новгорода они не дошли верст сто и круто повернули на юг, боясь снегов и разлива рек.

§ 44. Батыев поход 1240—1242 гг.

После северно-русского похода Батый обосновался на нижнем течении Дона и Волги, т. е. на тех же местах, где несколько веков тому назад был центр хазарской империи. Весь 1238 г. Батый дал для отдыха своим войскам. В 1239 г. им были предприняты сравнительно недальние походы (монголы дошли до Днепра, разорили Чернигов и Переяславль). В 1240 г. монголы овладели Киевом после отчаянного сопротивления.

После взятия Киева, монгольские войска разделились. Одна армия во главе с Байдаром (Джагатаевичем) и Кайду (Угедеевичем) пошла на Польшу. Другая армия во главе с Батыем и Субутаем устремилась на Венгрию. Первая монгольская армия заняла города Люблин и Сандомир. 9 апреля 1241 г. поляки и немцы были совершенно разгромлены монголами при Легнице в Силезии. После того монголы заняли Бреславль, а затем повернули на юг и через Моравию и Словакию прошли в Угрию на р. Тису, где и встретились с частями второй, главной, армии. Тем временем главная армия успела сокрушить могущество угорского короля. Монголы вошли в Угрию тремя отдельными отрядами — через Карпаты (со стороны Галицкого княжества и Молдавской земли). По соединении всех отрядов на угорской равнине, Субутай совершенно разбил мадьяр на р. Солоной (Сайо) у Мишкольца (11 апреля 1241 г.).

Венгерский поход монголов является едва-ли не самой блестящей военной операцией Субутая. Изумительна отчетливость маневрирования всех отрядов монгольской армии, так же, как и необыкновенная точность и осведомленность разведки.[5]

На Рождестве 1241 г. монголы по льду перешли Дунай (Пешт был взят). Угорский король Бела V бежал к Адриатическому морю. В погоню за ним Субутай бросил небольшой конный отряд. Сам Батый дошел до Вены. Он был в Клостернейбурге (подле Вены), когда к нему пришла весть о смерти великого хана Угедея. Эта весть остановила дальнейшее движение мон-

[5]) Черта, обеспечившая ранее монголам легкую победу на р. Сити (см. выше § 43).

голов: Батый дал приказ к возвращению. Вопрос о выборе нового великого хана требовал личного присутствия Батыя в Монголии. Военная сила могла также понадобиться ему при решении этого вопроса. Между тем в погоне за королем Белою монгольские всадники доскакали до Адриатического моря (достигли Сплита и Дубровника).

Батый возвращался к Черному морю через Болгарию, совершая, таким образом, полное кольцо. На нижнем Дунае Батый сделал смотр своим войскам.

§ 45. Итоги монгольских завоеваний к середине XIII в.

Великий поход Батыя кончился возвращением его в приволжские степи. Кольцо замкнулось. Итогами походов Батыя 1237—41 г. г. были захват и подчинение монгольской власти огромной территории: Батыем были покорены как нынешняя южно-русская степь, так и северно-русский лес. Покорено было также нижнее течение Дуная. Угрия пробыла монгольской провинцией только год. Мадьяры, как народ, родственный монголам по крови, могли быть включены в состав монгольской нации. Весьма возможно, что Угрия составила бы один из улусов в составе империи Чингис-хановичей. Смерть Угедея и уход Батыя решили дело иначе. Угрия была очищена монголами. Но Болгария и Молдавская земля с тех пор по крайней мере на столетие вошли в состав монгольской империи. Приблизительно в эти же годы восточные монгольские армии завершили зовоевание северной части Китая, а южные армии овладели Закавказьем. Монгольская империя в середине XIII в. охватила таким образом огромное пространство — от Тихого Океана до Адриатического моря. Пространство, занятое монгольской империей, почти совпадало с пространством Евразии вообще.

ГЛАВА VII.

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО.
(1238—1359).

§ 46. Русь от смерти Вел. Хана Угедея до смерти Вел. Хана Менке.

После смерти великого Хана Угедея Батыю не удалось ни самому сделаться великим Ханом, ни поставить своего кандидата.[1] Батыю удалось лишь оттянуть выборы на несколько лет. Во время междуцарствия правила огромной империей ханша Туракина (вдова Угедея), сберегавшая ханскую ставку для своего сына Гуюка.

Новый порядок подчинения монгольской власти не сразу наладился на Руси. После разгрома Батыем северо-восточной Руси в 1237—38 г. г. и гибели вел. князя Юрия Всеволодича, во Владимир приехал княжить из Киева брат убитого, Ярослав. Первое время Ярослав может быть надеялся даже на полное „отшествие" Батыя (по крайней мере из северной Руси). Ближайшие годы Батый был занят в южной Руси (взятие Киева), затем походом на запад, после — восточными делами. Северно-русские князья имели несколько лет передышки. Передышка эта была использована для отражения опасности с запада, для борьбы с немцами, шведами и литвою. Главная тяжесть борьбы с Западом легла на плечи юного сына Ярославова, князя Александра, княжившего в Новгороде. 15 июля 1240 г. Александр нанес решительное поражение шведам, только что переправившимся через р. Неву (эта победа доставила Александру прозвище „Невский"). Серьезная опасность грозила Новгороду от немецких рыцарей. Немцы взяли Изборск и Псков и подошли к Новгороду на 30 верст. Собрав рать, Александр пошел на немцев, выбил их отряды из Пскова и затем совершенно разбил их главное войско на льду Чудского озера („ледовое побоище" 5 апреля 1242 г.). Натиск немцев был остановлен; новые заботы доставило вторжение литовских племен, приведенных в движение немецким натиском. В течение нескольких лет Александр Ярославич вел упорную борьбу с Литвою и наконец окончательно выгнал литовцев из новгородских пределов (1245).

---

[1]) Батый не мог претендовать быть великим ханом, т.к. был сомнительным Чингисовичем (см. выше стр. 74).

Блестящие успехи на западе не затуманили глаз Ярослава и Александра по отношению к востоку. Понимая невозможность в то время борьбы на два фронта, Ярослав не думал о борьбе с монголами. Поэтому, когда Батый, по ходу дел, имел вновь возможность ближе заняться Русью, Ярослав, не колеблясь, принял политику лояльного подчинения монголам. В 1243 г. Батый позвал к себе Ярослава. Ярослав немедленно поехал к нему и одновременно послал своего сына Константина в ставку Великого Хана.[1] Батый принял Ярослава хорошо и назначил его главным русским князем (Ярославу был дан и Киев). Поступок Ярослава послужил примером для других суздальских князей.

Наоборот, князь Даниил, сидевший в Галиче, мечтал о союзе с западными государствами против монголов. Переговоры его в Венгрии и Польше были однако довольно безуспешны. Через папского посла к монголам, Плано-Карпини, проезжавшего владения Даниила, Даниил пытался завязать сношения с главою латинского мира — римским папою, из'являя готовность признать над собою высшую власть папы — светскую и духовную. Батый потребовал от Даниила подчинения монгольской власти. Не считая себя достаточно сильным для борьбы, Даниил поехал также к Батыю (1245), был встречен ласково, но должен был стать на колени перед Батыем и признать себя его подчиненным.

Сам Батый не являлся однако верховной властью монголов, а лишь местным владетельным ханом (все же „царем" по терминологии русских летописей). Окончательный распорядок дел на Руси зависел не от ставки Батыя, а от ставки Великого Хана. Предстояли выборы нового Великого Хана. Батый был непопулярен среди монгольских старейшин. Туракина сумела расположить в пользу Гуюка наиболее влиятельных главарей. Предвидя выбор Гуюка, Батый не поехал на курултай в Монголию, а послал своего подручного — вел. кн. Ярослава.[2] Великий курултай состоялся в 1246 г. у озера Гейка. Помимо монгольских старейшин, на курултае присутствовали (но стояли вне ограды, т. е. не допускались до внутренних совеща-

[1]) Т. к. Великого Хана в это время не было, а были лишь наследники его, то наши летописи говорят о поездке Константина к „кановичам", а не к Хану.

[2]) В 1245 г. К этому времени уже вернулся от „кановичей" Константин Ярославич.

ний) подчиненные монголам государи: вел. князь Ярослав Суздальский, грузинский царь Давид V, сельджукский султан Килидж-Арслан IV и др. Ярослав пользовался преимущественной честью среди всех немонгольских владетелей.[1]

Великим Ханом, как и следовало ожидать, избран был Гуюк. Гуюк отличался выдающейся энергией и проникнут был сознанием величия своей власти (на печати его было вырезано: „На небе Бог, на земле Гуюк"). Гуюк сочувствовал христианам. Мать его Туракина была несторианка. Несторианские священники ежедневно служили обедню в его палатке. Гуюк мечтал восстановить полное единство монгольской империи и требовал беспрекословного подчинения себе со стороны владетельных ханов. На этой почве в скором времени начались раздоры между ним и Батыем.

Великий князь Ярослав Всеволодич умер в ставке Гуюка (1246). Смерть его ставила опять вопрос о порядке старшинства русских князей. По естественному старшинству братьев великое княжение Владимирское занял князь Святослав Всеволодич. Однако его княжение было непродолжительно. Ярославичи Александр и Андрей были сперва вызваны к Батыю, а затем должны были ехать, по примеру отца, в ставку Великого Хана в Монголию. Владимирское великое княжение дано было Андрею; Александр получил Киев и Новгород.[2]

В 1248 г. отношения между Гуюком и Батыем дошли до полного разрыва. Гуюк решил добиться от Батыя покорности силою и двинулся на Батыя с большой армией, но неожидано умер в самом начале похода. Регентшею сделалась его вдова, Огул-Гаймиш. В ханской ставке начались интриги в связи с вопросом о будущем великом хане. Огул-Гаймиш стремилась обеспечить власть племяннику Гуюка, Ширемейну. На этот раз превозмогло однако влияние Батыя, который начал поддерживать линию Тулуя, для чего вошел в соглашение с вдовой Тулуя, Серкутени. Каждая сторона хотела упрочить свое влияние. Поэтому великий курултай был отсрочен, подобно тому, как и после смерти Угедея. В 1251 г. Батый счел момент благоприятным для созыва курултая. Батый лично принял участие в этом курултае. Наоборот, Огул-Гаймиш на курултай

[1]) Как об этом сообщает в своих записках монах Плано-Карпини, посланный в это время к Вел. Хану от римского папы.

[2]) В Киев Александр не поехал; с тех пор до начала XIV в. Киевом правили монгольские баскаки.

не приехала. Великим Ханом провозглашен был сын Тулуя, Мёнке.[1] Мёнке был до некоторой степени ставленник Батыя; последний сделался после избрания Мёнке фактически полным господином северо-западной части монгольской империи.[2] Отвлеченный общей монгольской политикой, Батый с этих пор редко проявляет личное участие в управлении своим улусом. Фактическим правителем кипчацко-русского улуса (Золотой Орды) становится сын Батыя, Сартак.[3]

Между тем как раз в это время назревали серьезные осложнения для Золотой Орды именно в русских ее улусах. После своей поездки в Орду, князь Даниил Галицкий не успокоился и продолжал свои попытки высвободиться из-под власти монголов с помощью латинского запада. Довольный заявлением Даниила о признании папской власти, папа Иннокентий IV старался всячески помочь Даниилу и писал письма многим латинским государям Европы с просьбою послать войска против монголов. Самому Даниилу папа обещал прислать королевский венец. Даниил стремился об'единить северную и южную Русь для свержения монгольского ига. В 1250 г. он отдал дочь свою за вел. князя Андрея Ярославича. По всей вероятности, Андрей согласился содействовать Даниилу, и этим об'ясняется образ действий Сартака против Андрея. Сартак решил отправить карательное войско против русских земель. Северно-русские земли были спасены от разорения братом Андрея, Александром (Невским), согласившимся занять великокняжский стол на условии полного подчинения Орде. Монгольский отряд Неврюя помог Александру утвердиться во Владимире. Андрей бежал. Одновременно баскак Куремса получил из Орды предписание начать военные действия против Даниила. Куремса имел мало сил, и первое время Даниилу удавалось отбиваться. Надежды Даниила на поддержку северной Руси были разбиты; в скором времени рушились и надежды на помощь запада. Королевский венец Даниил получил, и короновался им в г. Дрогичине (1255). Но никакой реальной военной помощи с запада не последовало.

---

[1]) Огул-Гаймиш пыталась организовать восстание против Мёнке, но потерпела неудачу и была утоплена по приказу Мёнке.

[2]) В направлении востока, Джучиев улус (царство Батыя) обнимало киргизские степи, примыкающие к ним более северные (в том числе — лесные) и Хорезм (Хиву).

[3]) По известиям мусульманских историков, Сартак был христианин.

В 1254 г. умер Батый, а в том же (или начале следующего) умер внезапно и сын его Сартак.[1] Царем Золотой Орды[2] сделался брат Батыя, Беркай (Бёрке), первым из монгольских ханов принявший мусульманство. Беркай был властным и суровым правителем. Улус Джучиев (Золотая Орда) уже после смерти Гуюка фактически становится самостоятельным государством. Личность Беркая способствовала этой самостоятельности Джучиева улуса. Мусульманство Беркая также проводило грань между ним и другими монгольскими ханами.[3] Великий Хан Мёнке умер в 1257 г. Ему наследовал брат его Кубилай. Незадолго до смерти Мёнке решено было новое наступление монгольских войск на юг (в южный Китай) и юго-запад (в Персию, Месопотамию и Сирию).[4]

Чтобы справиться с задачами военных операций в большом размере, монголам потребовалось усиление военных контингентов их армий. По всей вероятности не Мёнке, а уже новый Великий Хан, Кубилай (1257—1294) приказал взять часть нужных контингентов и с русских княжеств. Отсюда требование, чтобы русские князья дали „число". Требование это вызвало волнение в Новгороде (1257). Великий князь Александр Невский должен был (1259) настоять на даче „числа" с помощью военной силы (русских и монгольских отрядов). Тем временем успешно развивались военные действия монголов к югу от Каспийского моря. В Персии учреждена была монгольская держава во главе с Хулагу (братом Мёнке и Кубилая). 12 февраля 1258 г. Хулагу взял Багдад, религиозную столицу тогдашнего мусульманства. Халиф был казнен. Вслед за тем монгольская армия прошла в Сирию и дошла до Средиземного моря. Однако в 1260 г. монгольская армия была совершенно разбита египетскими мамлюками.[5]

---

[1]) По всей вероятности Сартак был задушен по приказанию Беркая.

[2]) Русские летописи всегда называют золотоордынских ханов царями.

[3]) Мусульманство не сделалось впрочем обязательным для монголо-турецких подданных Беркая (не говоря уже о русских).

[4]) Решение о походе в Персию и Сирию было принято под влиянием французского короля Людовика Святого (посол которого Рубрук был у Мёнке в 1254 г.) и царя Малой Армении Хетума, который лично ездил в ставку Мёнке.

[5]) Поражение это заставило монголов отказаться от Сирии, а тем более от попыток проникновения в Египет.

Вслед за тем начались раздоры между Хулагу и Беркаем. Раздоры эти были вызваны прежде всего религиозными причинами. Беркай, как мусульманин, был оскорблен разграблением Багдада и убийством халифа. Кроме того между Хулагу и Беркаем произошел спор относительно закавказских и закаспийских земель, смежных между владениями того и другого. Беркай заключил союз с египетским султаном Бейбарсом против Хулагу. Религиозные (мусульманские) связи оказались в данном случае сильнее племенных (монгольских).[1] Вступив в открытую борьбу с Хулагу, Беркай не отказывался однако от признания над собою верховной власти Кубилая.[2] Получалось странное положение, когда два монгольских государства, составлявших части единой империи, враждовали между собою.[3]

Международное положение Золотой Орды оказало заметное влияние на русские дела. Вовлеченный в дальнюю войну, — Беркай стремился как можно лучше обеспечить свой тыл со стороны Руси. Он употребил большую энергию, чтобы подчинить себе Даниила Галицкого. Вялый характер, который носили операции баскака Куремсы против Даниила, не удовлетворяли Беркая. Против Даниила был послан новый баскак Бурундай с значительными силам (1260). Даниил должен был смириться и срыть укрепления своих городов.[4]

Иного рода отношения установились у Беркая с Александром Невским. Беркай видел лояльное подчинение Александра и

---

[1]) Быть может, впрочем, тут действовали отчасти и племенные связи, но не монгольские, а половецкие. Значительная часть половцев осталась на юге России и после монгольского завоевания, войдя в состав Золотой Орды. Между тем, египетские мамлюки состояли также главным образом из половцев, попавших в Египет, как наемники или рабы. (Мамлюки — дословно: рабы — представляли собою первоначально личную гвардию египетских султанов, а затем захватили в Египте власть в свои руки путем военного переворота. Мамлюк Бейбарс сам стал султаном).

[2]) Русские ратники посланы были Беркаем в Китай в войска Кубилая.

[3]) Главная часть этой империи, царство самого Кубилая, быстро превратилась в китайскую державу (Кубилай перенес свою столицу в Пекин [Хан-Балык]). Высокая культура державы Кубилая и всё прочно налаженное внутреннее ее устройство описал известный Марко Поло. Внешняя политика Кубилая потерпела крупные неудачи лишь при попытках овладеть Японией (1274 и 1281 г. г.). Монгольский флот был уничтожен ураганом, и это повлекло за собой катастрофу десантной армии.

[4]) Даниил умер ок. 1265 г. Последние годы жизни он провел в борьбе с литовцами.

дорожил этим подчинением. Поэтому Александру удавалось многого достичь от Беркая. В 1261 г. Александр настоял на открытии новой русской епархии с кафедрой в столице Золотой Орды — Сарае.[1] При этом Беркай предоставил Сарайскому епископу право обращения в православие желающих обитателей Золотой Орды. В 1262 г. Александру удалось „отмолить" у Беркая русских людей (Беркай хотел в этом году послать на Русь карательную экспедицию, чтобы отомстить за избиение татарских откупщиков — сборщиков дани в ростово-суздальских городах). Александр лично ездил в Орду.[2] Беркай согласился на мольбы Александра тем охотнее, что ему некогда было заниматься русскими делами, т. к. предстоял поход в Закавказье и, кроме того, на Балканы. Византийский император (только что утвердившийся в Константинополе, по изгнании латинян, бывший „никейский" император Михаил Палеолог) чинил затруднения египетским послам при проезде их из Египта в Золотую Орду через Константинополь. Беркай угрожал Византии войной. Война действительно разразилась на Балканах в 1264—65 г. г. Полководец Беркая (темник его) Ногай одержал верх над греками; император принужден был заключить союз с Золотой Ордой и отказаться от сношений с персидскими монголами.

Золотая Орда при Беркае сделалась преемницей черноморских степных империй. Однако власть Беркая распространилась на гораздо большее пространство и на север и на запад, захватывая на севере лесную Русь, на юге — Балканы.

§ 48. Русь во времена темника Ногая.

Беркай умер в 1266 г. Преемником его был Менгу-Темир (внук Батыя). При Менгу-Темире и при следующих ханах главное влияние получил победитель греков, темник Ногай. Оказывая влияние на общую политику в ханской ставке, Ногай вместе с тем являлся почти независимым владельцем в северозападном Черноморье — (примерно от северной Таврии до Дуная.

[1]) Сарай, на Волге, недалеко от Царицына, основан был еще Батыем. (Местоположение первоначального Сарая не выяснено точно). Во время Беркая Сарай представлял собою уже весьма значительное поселение, в нем жило большое количество купцов из разных стран.

[2]) Александр Невский умер в 1263 г., возвращаясь именно из этой поездки в Орду.

Внимание Ногая обращено было преимущественно на западную Русь (в связи с его планами против Угрии). Северовосточная Русь была в непосредственном ведении собственно золотоордынских ханов, мощь которых была значительно ослаблена фактическим отколом Ногая от Золотой Орды. Этим об'ясняется то, что после смерти Беркая для Руси наступила „ослаба от засилия татарского".

В 1277 г. после более, чем векового перерыва возобновились походы русских князей на Кавказ, только теперь русские князья не были руководителями этих походов, а шли в качестве подручников золотоордынского царя. Царь Менгу-Темир повел русских князей (Бориса Ростовского, Глеба Белозерского, Феодора Ярославского, Андрея Городецкого) в южный Дагестан. Русские князья действовали с большим успехом и взяли г. Дадаков.[1]

В начале 1280-х годов разразилась бедственная для северно-русских земель усобица между сыновьями Александра Невского, Дмитрием Переяславским и Андреем Городецким. Тот и другой искали помощи монголов. С помощью Ногая Дмитрию удалось вернуть себе великое княжение (1283). Всё же, внимание Ногая было главным образом отвлечено на запад. Но предприятия его в этом направлении постоянно терпели неудачу. Ногай и Телебуга[2] предприняли большой поход на „угров и греков"; с монголами шли галицкие русские князья. Монгольские войска сбились с пути, начался голод и мор. Пришлось вернуться, при чем войска потерпели страшные потери, не видев неприятеля.[3] Через два года Ногай и Телебуга пошли на Польшу. Польский король Лешко бежал из Кракова. Раздоры Ногая и Телебуги прекратили однако продвижение монголов. На обратном пути они страшно опустошили Галич. Отчасти следствием этих походов было ухудшение отношений между Ногаем и Телебугой. Интриги Ногая привели Телебугу к гибели. По наущению Ногая Телебуга был убит своим двоюродным братом Тохтою, сыном Менгу-Темира (1291).

---

[1]) Князь Феодор Ярославский ходил походом на Кавказ и в следующем году.

[2]) Телебуга был посажен ханом Золотой Орды после смерти своего дяди Тудан-Менгу. Тудан-Менгу (брат Менгу-Темира) был ханом Золотой Орды в 1281—1287 гг.

[3]) Согласно летописному рассказу Телебуга возвратился „пеш с одною женою и кобылою".

Ногай сделал роковую для себя ошибку, выдвинув Тохту. Тохта оказался властным и сильным ханом. Он задумал восстановить авторитет Золотой Орды, сильно расшатанный после смерти отца Тохты, Менгу-Темира. В 1293 г. князь Андрей Городецкий сумел выпросить у Тохты помощь против старшего своего брата Дмитрия Переяславского, который десять лет тому назад занял великокняжеский стол с помощью Ногая. Тохта послал сильное войско под начальством своего брата Тудана. Андрей Городецкий утвердился на великокняжеском столе, но Русь заплатила за это дорогою ценою: целый ряд северно-русских городов (в том числе Владимир, Суздаль, Москва) подверглись страшному опустошению.

§ 49. Время единовластия Тохты в Золотой Орде.

В 1299 г. хан Тохта покончил с влиянием и властью Ногая. Войско Ногая потерпело поражение и сам Ногай был убит во время битвы одним из русских воинов Тохты.[1] Тохта был шаманист и (по словам арабского историка Эльбирзали) „любил лам и волшебников и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякого вероисповедания". Тохта также „любил мудрецов и врачей и делал им большие подарки". Ко времени Тохты относится заметное усиление Московского княжества. Усиление это произошло помимо воли Тохты. Еще в XIII в. Москва была малозначительным городом. Она была дана младшему из сыновей Александра Невского, Даниилу. Начиная с княжения Даниила, Москва начала быстро выдвигаться. Важным фактором было быстрое увеличение народонаселения в Москве. Народ приливал из соседних княжеств, отчасти благодаря спокойному положению Москвы — в стороне от княжеских усобиц конца XIII в., отчасти же благодаря развитию торговли по путям верхней Волги, Оки и верхнего Днепра — Москва находилась по середине этого речного узла. В 1302 г. Переяславский князь, умирая бездетным, завещал младшему из своих дядей — Московскому князю Даниилу — г. Переяславль, мимо старшего дяди вел. кн. Андрея Городецкого. Это было значительнымъ усилением Московского княжества. Вел. кн. Андрей пытался отобрать Переяславль си-

[1]) Тохта приказал казнить этого воина, сказав: „Правосудие требует смерти его, чтобы не явился снова кто-нибудь, кто сделал бы подобное этому".

дою, потом поехал жаловаться хану. Однако Даниил, а по смерти его (1303), сын его Юрий держались цепко за новое приобретение.

После смерти вел. кн. Андрея (1304) московский князь Юрий Данилович, несмотря на уговоры митрополита Максима, поехал в Орду просить себе великого княжения мимо двоюродного дяди своего, тверского князя Михаила Ярославича. Тохта дал однако ярлык Михаилу, быть может в наказание московскому князю за его упорство в вопросе о Переяславле. Кроме этого Михаил обещал больше выходу (дани), чем Юрий. Как бы то ни было, Московский князь вышел на поверхность политической сцены тогдашней Руси; неудача не остановила его; — с этих пор началась борьба между Москвой и Тверью за великое княжение, борьба, в которой московские князья обнаружили столько непреклонной настойчивости и железной энергии при полной беззастенчивости в средствах борьбы.

§ 50. Время царствования Узбека в Золотой Орде.

Царь Тохта умер в 1313 г. Преемником ему был его племянник Узбек. Долгое царствование Узбека (1313—1341) являлось временем пышного расцвета Золотой Орды. Усиленное развитие внутренней и внешней торговли доставляло Орде богатство. Государство было сильно и благоустроено. Международное положение Золотой Орды в это время было блестяще. Она поддерживала традиционную со времени Беркая дружбу с Египтом, была в сношениях с Китаем, Византией; генуэзские колонии в Крыму представляли постоянную связь с Европою. Египетский султан обращался к Узбеку, как к „султану монголов, кипчаков и турков, красе царей нашего времени, столбу дома Чингис-хана." Узбек принял мусульманство,[1] но относился вполне благосклонно к христианству, при чем одинаково признавал и православие и латинство. Узбек был женат на дочери византийского императора; сохранились некоторые монеты Узбека с изображением Богоматери.

При воцарении Узбека в Золотой Орде, вел. князь Михаил Тверской поехал в Орду, чтобы получить новый ярлык на вел. княжение. В отсутствие Михаила, его соперник, Московский князь Юрий Данилович вокняжился в Новгороде без всякого

[1]) С этого времени монголо-татарская власть Золотой Орды и становится окончательно мусульманской.

ханского ярлыка. Новгород составлял главную финансовую опору великого княжения, и Михаил не склонен был легко от него отказаться. Михаил выхлопотал себе у хана военную помощь, чтобы вернуть Новгород. Юрий был вызван в Орду. В Орде Юрий сумел не только оправдаться от обвинений, но также снискать себе общую милость вельмож и самого хана.[1] Юрий женился на сестре Узбека Кончаке (которая во св. крещении получила имя Агафьи). С того времени московские князья усвоили себе новую тактику добиваться устроения своих дел на Руси через Орду, при помощи хана. Юрий возвратился из Орды с сильным монгольским отрядом, во главе которого стоял Кавгадый. Михаилу удалось однако разбить войско Юрия, несмотря на монгольскую помощь. Юрий бежал в Новгород, но жена его, ханская сестра, попала в плен к тверскому князю (22 дек. 1318 г.). Через некоторое время Кончака — Агафья умерла в тверском плену. Слух прошел, что она была отравлена. И Михаил и Юрий были вызваны в Орду. Им пришлось ехать сперва на Дон, потом на Терек, куда в это время откочевала Орда. Михаил обвинялся между прочим в том, что хотел бежать к немцам с казною. Михаил был признан виновным перед Ордой и казнен по приказанию Узбека (22 ноября 1319 г.). После казни, „вежу" его (палатку) разграбили русские и монголы. Юрий возвратился на Русь с ярлыком на великое княжение.

Через несколько лет сын вел. князя Михаила Тверского, Дмитрий, обвинил Юрия в Орде в том, что Юрий утаил от хана часть „выхода" (дани). Сторонник Юрия Кавгадый был казнен, а Юрий вызван в Орду. Не надеясь на ханский суд, Дмитрий Тверской собственноручно убил Юрия по приезде последнего в Орду. Узбек велел казнить Дмитрия за самоуправство. Великое княжение было отдано младшему брату Дмитрия, Александру. Александр однако не оправдал доверия Узбека. В 1327 г. в Твери произошло избиение татарских сборщиков дани во главе с двоюродным братом Узбека, Щелканом. После этого Узбек поручил Московскому князю Ивану Даниловичу („Калите", брату Юрия) наказать Александра Михайловича и тверичей. Калита получил в помощь сильное монгольское войско и „повоевал" Тверь. Князь Александр бежал

[1]) Должны были иметь значение и подарки, которые Юрий делал в Орде с новгородскою помощью.

в Псков, затем в Литву. Узбек отдал тверское княжение брату Александра Константину. Иван Калита получил ярлык на великое княжение.[1]

Годы княжения Ивана Калиты, а затем его сыновей Симеона и Ивана — время значительного возрастания московского могущества. Опираясь на монгольскую силу извне, Иван Калита мог спокойно заняться внутренним устройством Русской земли. Летописец отмечает, что по всей русской земле наступила тишина великая. Калита „исправил" свою землю от „татей" (воров). Летописцы отмечают также нищелюбие Ивана. Самое прозвище его Калита происходит от мешка с медными деньгами, которые Иван всегда носил при себе для раздачи нищим. Иван Калита добросовестно собирал „выход" (дань) для хана, но не забывал при этом и себя. Бережливой политикой ему удалось собрать в свою казну значительные богатства. Эти богатства позволили ему расширить свои владения. Московское княжество значительно разрослось еще при Юрии, когда в состав княжества вошли Коломна и Можайск, т. е. все течение Москвы - реки. Иван Калита прикупил еще три города (Углич Белоозеро и Галич), но без их уездов.

Важным событием в русской церковной жизни был переход в Москву митрополита. Уже митрополит Максим перешел из Киева в северо-восточную Русь — во Владимир. Преемник Максима, митрополит Петр часто жил в Москве, в Москве умер и приказал себя похоронить (1326). Перед кончиною митрополит Петр пророчествовал князю Ивану, что если он поставит в Москве церковь во имя Успения Богоматери, то Москва сделается об'единительницею всех русских земель.[2] Преемник Петра, Феогност окончательно утвердил пребывание митрополита в Москве. Установление митрополичьего пребывания в Москве придало Москве значение духовного средоточия всех русских земель. Из незначительного городка начала XIV века Москва делалась в средине этого века главным русским городом.

---

[1]) Александр Михайлович вернулся из Литвы с повинной в Орду в 1337 г. Узбек простил его и вновь дал ему тверское княжение. Но в 1339 г., по проискам Ивана Калиты, Александр был опять вызван в Орду, обвинен в злоумышлениях против хана и казнен.

[2]) Иван Калита заложил храм Успения Богоматери — первую каменную церковь в Москве — 4 августа 1326 г. Митрополит Петр скончался 21 декабря того же года.

§ 51. Литва при Гедимине.

Литовцы стали тревожить пограничные русские земли в конце XII в. Однако лишь в XIII в. Литва начинает складываться в единое государство. В 1248 г. один из литовских князей, Миндовг, захватил русский город Новгородок в верховьях Немана (в так называемой Черной Руси). Оттуда Миндовгу удалось распространить свое господство на значительную часть литовских земель и на некоторые русские (Полоцкую, Витебскую, часть Смоленской). Миндовг умел чрезвычайно искусно пользоваться русскими князьями для подчинения себе Литвы, а литовскими — для подчинении Руси. С помощью русских Миндовгу удалось держаться против немцев; в свою очередь русских привлекала к Миндовгу надежда уйти от монгольского ига. Миндовгу пришлось столкнуться с Даниилом Галицким; Миндовг сумел однако войти в соглашение с Даниилом (дочь Миндовга была выдана за Шварна Даниловича). В 1263 г. Миндовг был убит литовскими князьями. После того в Литве начались продолжительные смуты.

Сильная власть снова возникла в Литве лишь в начале XIV в. В 1307 г. князь Витень выбил немцев из Полоцка и присоединил город к Литве. С 1316 г. великим князем в Литве был Гедимин, действительный основатель литовского могущества. Гедимин вел ту же политику, что и Миндовг, т. е. старался об'единить и литовские и русские земли. В самом начале своего княжения ему удалось захватить русские города Берестье (Брест) и Дрогичин на Зап. Буге, а также Турово-пинское Полесье. Государство Гедимина простиралось от Балтийского моря почти до верховьев З. Двины (Витебск) и Днепра (Орша), на юго-западе — включало в себя Берестейскую землю, а на юго-восток доходило почти до Киева (до впадения Припети в Днепр). Стольным городом Гедимина были сперва Троки, затем Вильно. Русское влияние в новом государстве было очень велико. Русская православная культура находилась на высшей ступени, чем языческая литовская. Русские служили и в войсках и при дворе Гедимина. Больше половины всех земель Гедимина были русские.

Гедимин держал себя чрезвычайно осторожно по отношению к монголам, никогда не пытался воевать с ними или захватывать земли, которые находились в сфере влияния Золотой Орды. Узбек не был склонен допускать расхищение земель,

составлявших достояние Золотой Орды. В самом конце своего царствования Узбек послал русских князей принять меры против Смоленского князя, не хотевшего платить „выхода" в Орду. С русскими послан был и монгольский отряд (1340). Однако, в это же время крайний западный угол русских земель оторвался от Орды. В 1336 г. скончался бездетным последний из Галицких князей, Юрий II.[1] Узбек прислал в Галич своих наместников; однако галичане не захотели им подчиняться и предались одному из ополяченных литовских князей, Болеславу Тройденовичу.[2] После его смерти города Галич и Львов были захвачены его свояком, польским королем Казимиром (1349). Желая избежать монгольской власти, галицкие бояре оказали своей земле роковую услугу и оторвали эту землю от прочей Руси. Отделение это продолжается до наших дней.

§ 52. Русь от смерти Узбека до „великой замятни" в Орде

Узбек, Иван Калита, Гедимин умерли в одном году (1341). По смерти Ивана Калиты все русские князья отправились в Орду. Ярлык на великое княжение получил сын Ивана, Симеон. Симеон прозван был Гордым за свое обращение с прочими русскими князьями. Власть Симеона опиралась на Орду. Именно в Орде „все князья русские даны были под руку Симеона." В Орде по смерти Узбека ханом сделался его сын Тинибек, но вскоре (1342) был убит своим младшим братом Джанибеком. По словам летописца при Джанибеке была „большая льгота" русской земле, т. к. Джанибек был очень добр к христианству. Джанибек, по примеру своего отца Узбека, покровительствовал развитию генуэзской торговли на Черном море.

Великий князь Симеон часто ездил в Орду (за 12 лет своего княжения он был в Орде 5 раз). Он умел хорошо ладить с ханом Джанибеком и пользовался его большой доверенностью. Доверие Джанибека помогло Симеону защищаться от козней великого князя Литовского. После смерти Гедимина власть среди прочих литовских князей забрали два сына Гедимина, Ольгерд и Кейстут. Кейстут имел решительный от-

[1]) Юрий II называл себя в латинских грамотах „Герцогом всей Малой России" (dux totius Russiae Minoris). Название Малой России встречается в XIV в. и в грамотах константинопольского патриарха.

[2]) Только г. Львов, где стоял монгольский гарнизон, не хотел сдаваться, пока Болеслав не обещал клятвенно соблюдать права бояр и горожан.

крытый характер. Ольгерд был полная противоположность Кейстуту - был очень скрытен, осторожен, любил действовать только наверняка. Ольгерд правил преимущественно русскими областями Литовского великого княжества, и главное внимание его было обращено на Русь. Ольгерд стремился поддерживать тверское княжество против московского. Кроме того, он составил план окончательно погубить московское княжество посредством Орды. В конце 1340-х г. г. Ольгерд отправил брата своего Кориада к Джанибеку — искать помощи против Симеона Московского. Узнав об этом, Симеон просил хана не давать в обиду „верный улус" ханский, московское княжество. Симеон предупреждал хана, что Ольгерд, разбогатевши, вооружится на Орду. Джанибек внял увещаниям Симеонова посла, и выдал Кориада Симеону. Ольгерд должен был смириться и заключить мирный договор с Симеоном, после чего Кориад был отпущен.

В 1352 г. Русь захвачена была страшной моровой язвой — т. наз. „Черной Смертью".[1] В 1353 г. от этой моровой язвы умерли вел. князь Симеон и митрополит Феогност. Преемником Симеона был брат его Иван Иванович (по прозванию Красный или Кроткий); преемником Феогноста был Алексей. Митрополит Алексей был совершенно исключительной личностью. Он происходил из знатного боярского рода (Плещеевых) и был одним из крупнейших политических талантов своего времени. Митрополит Алексей долгое время руководил делами не только русской церкви, но фактически также и московского княжества. Алексей умел ладить с монголами и несколько раз ездил в Орду (где авторитет его особенно укрепился после того, как он исцелил больную глазами ханшу Тайдулу).[2]

Положение московского княжества в эти годы было очень трудное. Искусная политика Ольгерда сеяла смуту в отношениях между русскими князьями. Понимая все значение церкви для княжеского авторитета, Ольгерд задумал создать в Западной Руси особую митрополию, независимую от Москвы. Ему удалось настоять в Константинополе на поставлении особого епископа во главе западно-русской церкви. Этот епископ (Роман) провозгласил себя „митрополитом киевским и всея Руси". Мит-

[1]) Черная Смерть еще в 1346 г. появилась в прикаспийских и кавказских землях, потом генуэзцами была занесена на запад и кружным путем — через всю Европу пришла к нам, сперва в Псков и Новгород.

[2]) Имя этой Тайдулы осталось на Руси в виде названия города Тулы.

рополит Алексей пытался осуществить свои права и в 1358 г. отправился об'езжать западно-русские епархии, но был арестован по приказу Ольгерда (вернулся в Москву лишь к 1360 г.). Вместе с тем Ольгерд начал и военные операции для продвижения своего к востоку. В середине 1350-х годов Ольгердом была занята Ржева (на Волге), Белая (на Зап. Двине) и Мстиславль (на Соже); литовские войска воевали Брянск. Ольгерд внедрялся таким образом в „улусы" Золотой Орды. Как раз с конца 1350-х годов Орда стала менее способна защищать свои улусы. В Орде наступало время внутренних смут. В 1357 г. Джанибек был убит сыном своим Бердибеком. Через два года Бердибек был в свою очередь убит сыном Кульпою (1359), и в Орде началась „замятня великая".

ГЛАВА VIII.

ПАДЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ВЛАСТИ (1359—1452).

§ 53. Дмитрий Донской и Куликово поле.

Московский князь Иван Иванович Красный умер в один год с Бердибеком (1359). Московский стол перешел к малолетнему сыну Ивана, Дмитрию. Пользуясь малолетством нового московского князя, суздальский князь Дмитрий Константинович выпросил себе в Орде ярлык на великое княжение. У юного московского князя был однако зрелый руководитель — митрополит Алексей. Московские бояре также не склонны были к умалению Москвы. Пользуясь междоусобиями в Орде, бояре с'умели выхлопотать своему князю ярлык на великое княжение на место суздальского князя. В Орде происходила быстрая смена ханов. Сын Бердибека Кульпа властвовал всего несколько месяцев. И его и сыновей его[1] убил их родственник Наурус.[2] Наурус вскоре был убит заяицким князем Хидырем. К этому Хидырю и повезли московские бояре своего малолетнего князя Дмитрия — добывать ему ярлык на великое княжение. Но в это время в Орде начались дальнейшие смуты. Хидырь убит был своим сыном Темир-Ходжею. Темир-Ходжа однако царствовал

[1]) Двое сыновей Кульпы были крещены и получили имена один Иоанна, другой — Михаила.

[2]) От которого суздальский князь и получил ярлык на великое княжение.

всего шесть дней. На седьмой день поднял мятеж темник Мамай, выставивший нового кандидата в ханы — Абдаллу. Орда распалась; появилось одновременно несколько ханов; в Сарае удалось утвердиться Мюриду (брату Хидыря).

Когда началось междоусобие в Орде, русские князья, бывшие там, бросились на Русь. Московские бояре со своим князем Дмитрием Ивановичем успели проскочить благополучно. В скором времени, когда междоусобие в Орде несколько улеглось (1362), московские бояре вновь поехали в Сарай к Мюриду и с'умели получить для своего князя ярлык на великое княжение.

Однако авторитет Орды был уже невысок. Дмитрий Константинович Суздальский пытался отстаивать свои права силою, но московская рать одержала верх. Дмитрий Константинович с'ехал с великого княжения к себе в Суздаль. Вслед за тем в 1363 г. Дмитрий Иванович получил новый ярлык на великое княжение от хана — соперника Абдаллы.[1]

Ослабление Золотой Орды было немедленно использовано Литовским великим князем Ольгердом. В 1361 г. Ольгерд занял Киев и посадил в нем своего сына Владимира.[2] Из Киева Ольгерд двинулся дальше на юг, разбил монгольский отряд на Синей Воде (Днепровско-Бугский лиман) и занял Подолье (куда посадил княжить своих племянников Кориадовичей). Литовско-русское государство достигло таким образом Черного моря.[3] Орда была слишком слаба, чтобы помешать продвижению Ольгерда. Орде делалось уже трудно держать в подчинении северо — восточную Русь. Вместо того, чтобы оберегать русские улусы от Литвы, в Орде готовы были теперь на соглашение с Литвой, чтобы раздавить ненадежную Москву. Политическое положение Московского княжества сделалось чрезвычайно трудным и опасным. Лишь величайшим напряжением энергии возмужавший князь Дмитрий Иванович

[1]) Мюрид, давший Дмитрию Ивановичу первый ярлык, со своей стороны дал новый ярлык Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Но тот не смог уже отбить великокняжеского стола у Дмитрия Ивановича и в 1365 г. формально отказался от всяких притязаний на великое княжение, предпочитая спокойно княжить в Суздале (в 1377 г. именно для Дмитрия Константиновича монах Лаврентий составил летопись — известный „Лаврентьевский список").

[2]) До XIV в. Киевом правили монгольские баскаки, а в начале XIV в. Киев был монголами отдан путивльским князьям (Ольговичам).

[3]) К этому же времени высвободилась из-под монгольской власти и соседняя с Подольем молдавская земля (молдавские „воеводы" Сасул, сын Драгоша — 1360 г. и Богдан, после 1360 г.).

мог спасти Московское государство. В 1368 г. Ольгерд рискнул предпринять молниеносный набег на Москву. Ольгерду удалось захватить и разбить сторожевой полк московского князя, но Москва успела приготовиться к защите, и Ольгерду взять ее не удалось. Два года после этого, Ольгерд занимался подчинением черниговско-северских земель, а против Москвы действовал главным образом через Тверь и Рязань.

В 1370 г. Тверской князь Михаил Александрович, по предварительному уговору с Ольгердом, поехал в Орду и добыл от Мамая ярлык на великое княжение.[1] Мамай отправил с Михаилом своего посла, чтобы посадить Михаила на великое княжение. Но Дмитрий перехватил пути заставами и едва не взял в плен Михаила. Михаилу пришлось бежать в Литву. Чтобы поддержать Михаила, Ольгерд пошел вновь на Москву, но не решился напасть на великокняжескую рать: и Ольгерд и Михаил заключили перемирие с Дмитрием Ивановичем. После того Михаил опять ездил в Орду и добыл подтверждение своего ярлыка. Дмитрий не уступил, перекупил татарского посла на свою сторону, а затем сам отправился в Орду, задарил Мамая, хана, ханш и всех князей ордынских и снова получил ярлык на великое княжение. Кроме того, он заплатил в Орде 10 тыс. руб., которые там задолжал тверской княжич Иван и увез этого княжича в Москву. В том же (1371) году Дмитрий разбил рязанцев, выступивших против Москвы. Дмитрий обезопасил себя от Орды и Рязани, но оставались еще Тверь и Литва. Ольгерд двинулся еще раз на Москву с большим войском, вышел на Оку (к северу от Тулы), но потерпел поражение у Любутска и вынужден был заключить новое перемирие с Москвою, при чем отказался от всякой помощи тверскому князю (июль 1372 г.). Так рушились широкие планы Ольгерда. В 1375 году Михаил Тверской, после новой попытки борьбы с московским князем, смирился и в мирном „докончанье" отказался от сношений с Литвой и Сараем, минуя Москву.

Ольгерд умер в 1377 г. и со смертью его наступило на некоторое время ослабление Литовского государства. Старшие Гедиминовичи не пожелали служить сыну Ольгерда от второго брака, Ягайле. Двое Ольгердовичей, Андрей и Дмитрий перешли на сторону Москвы. Другой Дмитрий (Корибут) Оль-

[1]) Мамай все больше входил тогда в силу в Орде, но еще не провозглашал себя ханом.

гердович Новгород — Северский также был враждебен Ягайле. Враждовал с Ягайлой и дядя его Кейстут (равно, как и сын Кейстута, Витовт). Все эти обстоятельства уменьшали литовскую опасность и позволяли Дмитрию обратить главное внимание на Орду. Подготовлялся открытый разрыв Москвы с Ордою. Несколько лет шла уже борьба Руси с татарами, но сначала не с самим Мамаем, а с теми ханами, которые откололись от Золотой Орды после великой замятии (Булат-Темиром, сидевшим в Камско-Болгарской земле, Арапшею — в Мордовской земле).[1] Мамай попытался привести Русь к прежнему подчинению. В 1378 г. татары сожгли Нижний.[2] В том же году Мамай отправил сильное татарское войско против великого князя московского, но Дмитрий разбил это войско на р. Воже (в рязанской земле). Тогда Мамай решил двинуть на Дмитрия все силы Золотой Орды. Несмотря на ослабление Орды, силы эти были еще грозны. Помимо того, Мамай заключил соглашение с литовским великим князем Ягайлою и с рязанским князем Ольгом.[3]

Мало кто на Руси верил в возможность победы Дмитрия, и потому многие старались уклониться от участия в войне, как сделал тверской князь. Несмотря на это, Дмитрию все же удалось собрать значительные силы. Войска Дмитрия были проникнуты религиозно-национальным энтузиазмом. Сильный духовным обаянием и авторитетом старчества, Троицкий игумен Сергий[4] благословил Дмитрия на брань.[5]

---

[1]) Ранее того (в начале 1360-х годов) в мордовских пределах утвердился, было, ордынский выходец Тогай „и тамо сам о себе княжаше в нарувчатцкой земле". (Наровчат — значительное мордовское поселение). В 1365 г. Тогай неожиданно напал на рязанские земли, разграбил и сжег Переяславль Рязанский, но при возвращении был настигнут Ольгом рязанским и союзными с ним князьями и наголову разбит.

[2]) За год перед тем Арапша нанес сильное поражение русскому войску, напав на него врасплох южнее Нижнего, на р. Пьяне.

[3]) Большим счастьем для Дмитрия было то обстоятельство, что он равно успел сломить сопротивление тверских князей. Тверских полков не было с Дмитрием на Куликовом поле, — но по крайней мере они и против Дмитрия не выступали.

[4]) Св. Сергий Радонежский.

[5]) Св. Сергий был средоточием русской церковной жизни этого времени. Св. митрополит Алексий уже умер (1378); перед смертью он предполагал сделать своим преемником Сергия. Сергий отказался (в Константинополе началась борьба за русскую митрополичью кафедру). Авторитет св. Сергия был чрезвычайно велик в это время на Руси.

Дмитрий назначил сбор полкам в Коломне к 15 августа. Из Коломны Дмитрий немедленно повел свою рать через Рязанское княжество на Дон, чтобы не дать возможности литовскому князю Ягайле соединиться с Мамаем.[1] В ночь на 8 сентября русские полки перешли Дон и рано утром построились при устье р. Непрядвы. Кровопролитная битва на Куликовом поле кончилась разгромом татарской рати. Мамай бежал с остатками своего войска. Ягайла, стоявший всего за несколько переходов от Куликова поля, поспешно повернул обратно в Литву.

Куликовская битва имела громадное моральное значение; однако победа была куплена страшно дорогой ценой. Цвет московской рати погиб в бою. Куликовская битва, высоко подняв моральное значение московского князя, надломила его материальные силы.

§ 54. Тохтамыш и Тимур.

После Куликовской битвы на Москве готовились к дальнейшей борьбе. Ожидали, что Мамай соберет „остаточную силу" и снова „изгоном" появится на Руси. Но Мамай не появился; совершенно неожиданно для русских политиков того времени произошло полное крушение власти Мамая. В Джагатае уже лет за десят перед Куликовской битвой возникла новая грозная турецко-монгольская империя: империя Тимура. Тимур не может быть сравниваем с Чингис-ханом; не тот человек и не та историческая обстановка. Тимур[2] был также, как и Чингис-хан, гениальный полководец и военный организатор. Но у Тимура не было ни той непреклонной воли, ни той широты и последовательности планов, какие были у Чингис-хана. Тимур был ревностный мусульманин, и это обстоятельство ограничивало его политический кругозор. Система Тимура — мусульманская теократия. Утвердившись в джагатайских владениях (1369), Тимур постепенно стал подчинять своей политике другие мусульманские страны. Он ждал первого благоприятного случая, чтобы вмешаться в дела и Золотой Орды. В 1375 г. к Тимуру явился изгнанный из Золотой Орды царевич Чингисова дома — Тохтамыш. Тимур обласкал Тохтамыша, снабдил деньгами и войском, подготовляя в нем орудие для захвата Золотой Орды.

[1]) Вероятно тут подействовали советы братьев Ольгердовичей, перешедших от Литвы к Москве (см. выше стр. 94).

[2]) Родился в 1333 г.

После поражения Мамая на Куликовом поле Тимур счел момент благоприятным и бросил Тохтамыша в Кипчацкие степи.

Тохтамыш разбил Мамая на р. Калке. Мамай бежал к генуэзцам в Кафу, но был там убит. Овладев Золотой Ордой, Тохтамыш отправил послов к русским князьям, чтобы известить их о своем воцарении. Все русские князья приняли послов Тохтамыша с почетом и отправили Тохтамышу богатые дары и поминки. Однако ни Дмитрий ни другие русские князья не поехали в Орду. Обе стороны повидимому не доверяли друг другу и ждали войны. Тохтамыш успел подготовиться к войне раньше Дмитрия. Среди русских князей не было ни единодушия, ни желания новой войны.

К осени 1382 г. Тохтамыш поднялся походом на Русь, приняв все меры, „дабы не было вести Руси" о его набеге. Получив известие о переправе татар через Волгу, Дмитрий уехал из Москвы на север — собирать хоть какие нибудь силы. 23 августа татары появились перед Москвой. В Москве командовал литовский выходец князь Остей. 26 августа Москва сдалась, положившись на готовность Тохтамыша заключить перемирие. Остей был убит, а город страшно разграблен (погибла и великокняжская казна). Татарские отряды рассыпались по всему московскому княжеству, всё грабя и опустошая. Услыхав о том, что Дмитрий с набранной ратью стоит уже в Костроме, Тохтамыш отступил от Москвы и ушел в Орду. На обратном пути он взял еще Коломну и разграбил Рязанскую землю.

Тохтамышев набег не только разрушил всё политическое значение Куликовской победы, но отбрасывал Московского князя еще дальше назад: Тверской князь, не считаясь уже с „докончаньем" 1375 года, отправил посла к Тохтамышу и выпросил себе ярлык на тверское княжение. Таким образом, Тверь опять выходила из под московской власти. Тверской князь даже поехал в Орду, чтобы просить себе и великого княжения.[1] Великий князь Дмитрий послал сына своего Василия, которому удалось утвердить великое княжение за Дмитрием. И Василия и тверского княжича Александра, Тохтамыш удержал в Орде заложниками.[2]

[1]) Правда ехал он в Орду „околицами не прямицами", таясь от Московского князя.

[2]) Василий бежал из плена в Молдавию (в конце 1385 г.), и оттуда через Литву вернулся домой в Москву.

С тех пор до конца своей жизни Дмитрий не выходил из покорности Орде. Среди руководителей московской политики во главе с Феодором Кошкой соблюдалась „добрая дума к Орде." Со всех своих земель Дмитрию по прежнему приходилось собирать выход (дань) для уплаты в Орду. Это новое подчинение татарскому игу было единственным средством восстановить во всей северо-восточной Руси власть Московского князя, подорванную Куликовской битвой. Лишь этой ценой Дмитрию удалось закрепить за собою то, что стоило ему столько борьбы и усилий. Только благодаря такой политике великое княжение Владимирское осталось прочно связанным с Московским княжеством. Владимирское великое княжение превратилось в наследственную вотчину Московского князя: Дмитрий перед смертью благословил старшего своего сына Владимирским великим князем. В завещании Дмитрия высказана и затаенная мысль о возможности быстрого падения татарского ига в будущем. „А переменит Бог Орду, дети мои не имут выходу в Орду платить, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть" — так написал Дмитрий в своей духовной грамоте.

Несмотря на завещание Дмитрия, старший сын его Василий мог сесть на Владимирский великокняжеский стол лишь с царского (ханского) соизволения. Ханский посол посадил его на этот стол. Через год после этого, Василий Дмитриевич отправился в Орду и купил себе там ярлык на княжество Нижегородское. Благодаря предварительным сношениям с нижегородскими боярами, Василию удалось и фактически легко захватить Нижний. Приобретение Нижнего значительно усиливало Московского князя; вместе с тем это было ответственное приобретение: нижегородская земля представляла собой в это время восточную окраину русских земель, — и в дальнейшем составила главную позицию московских князей против Казанского татарского царства.[1]

Подчинение Золотой Орде не могло однако в конце XIV века дать те же политические выгоды, как в первой половине этого века, благодаря тому, что сама Орда уже не была прежнею. Несмотря на усиление Орды при Мамае и при Тохтамыше, в Орде не было устойчивости и прочности. Тохтамыш, свергнув Мамая, не удержался сам в Орде до конца своей жизни.

[1]) О возникновении его см. ниже § 59.

Тохтамыш, при всем своем могуществе, был только ставленник Тимура и его подручный. Но очень скоро он стал себя держать совершенно независимо и даже заносчиво по отношению к Тимуру.[1] Это обстоятельство и погубило Тохтамыша. В 1387 г. Тохтамыш перешел за Кавказ и разграбил Тавриз, однако, был затем выбит оттуда. В 1391 г. Тохтамыш попробовал напасть на Тимура со стороны Янка, но Тимур загнал его в Сибирь. Тимур не стал преследовать бежавшего Тохтамыша.[2] Через несколько лет Тохтамыш опять пошел на Тимура. На этот раз Тимур совершенно разгромил Тохтамышево войско, разграбил Сарай и посадил в Золотой Орде послушного себе хана Тимур-Кутлуя (фактически правил Ордой старый и опытный князь Едигей).[3] Тохтамыш бежал к своему союзнику литовскому князю (1395).

Разгромив Тохтамыша, Тимур предполагал разгромить также и Тохтамышева данника — великого князя Московского. Тимур пошел на Русь, взял город Елец и опустошил его окрестности. Московский князь Василий Дмитриевич собрал большое войско и стал на границах московского княжества, на берегах Оки, приготовившись отразить нападение. Это был исторический момент чрезвычайно ответственный и напряженный. На Руси несомненно происходил в это время громадный религиозный под'ем — не меньший, чем перед Куликовской битвой. Чтобы укрепить настроение москвичей, в Москву из Владимира на праздник Успения Божией Матери по распоряжению великого князя Василия и митрополита Киприана перенесена была чудотворная икона Божией Матери (которую в XII в. перенес во Владимир из Киева Андрей Боголюбский). Когда Владимирская икона Божией Матери приближалась к Москве, на сретение ее вышел митрополит Киприан с духовенством и старым князем Владимиром Андреевичем „и множество народа со псалмы и песнями... молящеся со слезами, дабы избавил Господь Бог и пречистая Его Мати от нашествия Темир-Аксака царя землю нашу и град наш." В этот же день Тимур повернул из Рязанской земли на юг. Русь была спасена. Предание говорит, что Тимур видел во сне грозную „Жену в багряных ризах со мно-

[1]) Тохтамыш был монгол и потомок Чингис-хана; Тимур — турок, знатного, но не владельческого рода.

[2]) Этим Тимур показал лишний раз, что у него не было железной последовательности и настойчивости Чингис-хана.

[3]) Тимур-Кутлуй был так же, как и Тохтамыш, потомок Чингис-хана.

жеством воинства", запретившую ему входить в пределы русской земли. Обедневшее после Тохтамышева набега русское княжество мало представляло интереса для Тимура. Он спешил закончить тяготивший его северный поход, чтобы устремиться в противоположную сторону. Вскоре по возвращении из русского похода, Тимур двинулся на Индию (1398). Индийский поход Тимура был прежде всего грабительским нашествием, которое доставило Тимуру большие материальные средства.

§ 55. Династическая уния Польши и Литвы.

Литовское княжество при Гедимине и при Ольгерде принимало всё более русский характер. К концу Ольгердова княжения девять десятых всех земель государства было занято православно-русским населением. Если бы литовские князья окончательно приняли православие, то по всей вероятности им удалось бы создать из своего княжества того типа национальное русское государство, в которое постепенно превращалась Москва. Однако чисто литовская партия не могла примириться с такой перспективой. Принятие православия кроме того представляло для литовских князей опасность церковного подчинения митрополиту, сидевшему во враждебной Москве.[1] И если уж литовская партия соглашалась на принятие христианства, то во всяком случае не от православной Москвы, а от латинской Польши. Случай к тому скоро представился. В 1382 г. умер польский король Людовик (Венгерский), оставив малолетнюю дочь Ядвигу. Польские и литовские государственные люди придумали хитрый план: выдать Ядвигу замуж за Ягайлу и, предоставив Ягайле польский трон, присоединить Великое княжество Литовское к „короне" Польской. При этом Ягайла должен был сам принять латинство и крестить в латинскую веру всех литовцев-язычников. Выгоды такого соединения казались весьма значительными. Польша держала Галич, Литва — Волынь, между Польшей и Литвой шла борьба за всю эту „Малую Русь" (см. выше § 52); эта борьба должна была прекратиться с об'единением Польши и Литвы. Далее, Польше и Литве было выгодно об'единить свои силы против немцев тевтонского ордена, стремившихся отрезать от Балтийского моря и Польшу и Литву.

[1] Почему литовские князья и стремились все время установить особую митрополию для западной Руси.

Брак Ягайлы с Ядвигой состоялся в 1386 г. Ягайла принял имя Владислава и получил польский трон. Обязательство „втелить" (инкорпорировать) Великое Княжество Литовское в состав короны Польской Ягайле не удалось исполнить, но все же династическая уния Польши и Литвы имела роковые последствия для русского населения Литовского княжества. Уния принесла с собою не только латинство, но и ополяченье. В Литве появилось польское духовенство, польские чиновники и придворные. Латинский и польский языки заменили собою русский при дворе литовских князей, польские нравы и обычаи стали вытеснять русские.

§ 56. Витовт и битва на Ворскле.

Уния с Польшей вызвала сильное недовольство в Литве, главным образом в среде русского населения, но отчасти также и в среде литовской знати, которую начали при княжеском дворе затирать выходцы из Польши. Сделавшись польским королем, Ягайла назначил брата своего Скиргайла наместником великого княжества Литовского. Некоторые удельные литовские князья вступили в прямую борьбу со Скиргайлом. В этой борьбе выдвинулся двоюродный брат Ягайлы, сын Кейстута — Витовт, который и сделался великим князем Литовским (1392). Сначала Витовт признавал себя состоящим в ленной зависимости от Ягайла, но затем вовсе не стал считаться с Ягайлою. Витовт был властным и сильным характером. Он прибрал к рукам всех литовских князей и сумел в несколько лет создать из великого княжества Литовского мощное государство.[1] Витовт упразднил крупные областные княжения и на места князей посадил своих наместников (в Полоцке, Витебске, Новгородке Северском, в Киеве, на Волыни и в Подолье). Витовт об'единил все земли, находившиеся под главенством Кейстута и Ольгерда. Литва при нем простиралась от Балтийского до Черного морей. Витовт стремился к дальнейшему расширению Литовского княжества на Восток, и мечтал об'единить под своим главенством всю Русь. Он шел к этому путями войны и дипломатии. Московский князь Василий Дмитриевич должен был жениться на дочери Витовта,

[1] Витовт крещен был по латинскому обряду, позже перешел было в православие, но затем вскоре опять вернулся к латинству.

Софии.[1] В 1395 г. Витовт захватил Смоленское княжество, пользуясь тем, что все силы северно-русских князей отвлечены были в это время подготовкой обороны от Тимура. В 1396 г. Витовт занял г. Любутск на Оке (между Калугой и Серпуховым, близ Алексина) и таким образом грозил врезаться между Московским и Рязанским княжествами. Планы Витовта явным образом клонились к тому, чтобы обойти Москву с юга, перехватить московские сношения с Ордой и Рязанью. Катастрофа, происшедшая с Тохтамышем, и бегство Тохтамыша в Литву, должны были еще расширить планы Витовта. Витовт задумал выступить защитником прав Тохтамыша, восстановить этого хана в Золотой Орде и таким образом наложить руку на самую Орду, а затем, с помощью Тохтамыша овладеть Москвою.[2] В это время золотоордынский хан Тимур-Кутлуй потребовал выдачи ему Тохтамыша.[3] Разумеется, Витовт отказал. Следствием была война, которой Витовт давно ждал и к которой давно готовился. Витовт вывел в поле громадную армию, великолепно снаряженную, снабженную пушками. Главную силу этой армии составляли западно-русские полки. Столкновение с татарами (которыми начальствовали Тимур-Кутлуй и Едигей) произошло на р. Ворскле и кончилось страшным разгромом армии Витовта (1399). Битва на Ворскле имела громадное историческое значение. Она произвела заминку в деятельности Витовта и в его попытке охватить Москву с юга. Русские православные воины Витовта усеяли костьми своими поле сражения; тем не менее поражение Витовта оказалось спасением для православной Руси.

§ 57. Витовт после битвы на Ворскле.

В течение перых лет после битвы на Ворскле положение Витовта заметно пошатнулось. Литовцы были выбиты из Смоленска, где сел князь Юрий Святославич (1401). Тогда же на сейме польской и литовской знати в Вильне была подтверждена уния Польши и Литвы. Витовт признал себя лишь по-

[1]) Это было условие, под которым Витовт пропустил Василия из Молдавии в Москву (после бегства Василия из Орды в Молдавию в 1386 году, см. выше, стр. 97).

[2]) По крайней мере, такие планы приписывали Витовту на Москве.

[3]) Тимур-Кутлуй был вассалом Тимура и вероятно действовал на основании инструкций, полученных им от Тимура.

жизненнымъ владельцем великого княжества Литовского. Постепенно однако Витовт начал собираться с силами и вновь делать усилия к захвату восточно-русских земель. В 1404 г. Витовтом захвачена была Вязьма, а в 1405 г. опять занят Смоленск, — на этот раз уже прочно.

Литовская опасность толкала Московского князя в сторону Орды. Сношения с Ордой возобновились при ордынском царе Шадибеке (брате Тимур-Кутлуя). В 1406 г. Шадибек прислал даже Василию татарское войско на помощь против Литвы.[1] Однако правитель Золотой Орды Едигей (новый ставленник которого, сын Тимур-Кутлуя — Булат-Темир вскоре сменил своего дядю Шадибека) желал получить с Московского князя оплату татарской помощи против Литвы. Оплатою этой, по мысли Едигея, должно было служить безоговорочное подчинение Москвы Орде и платеж „выхода". В течение десяти лет, от падения Тохтамыша до воцарения Шадибека (1395—1405) отношения Москвы с Ордою совсем порвались. За это время Москва едва не попала в литовскую власть, и только поражение Витовта татарами 1399 г. дало московскому князю отсрочку. Теперь наступление Витовта возобновилось, и было ясно, что без прямой помощи Орды Москва не сможет отбиться от Витовта.[2] Тем не менее Василий не желал поступиться своей самостоятельностью в пользу Орды. Тогда Едигей предпринял неожиданный набег на Москву (1408). Василий уехал на север собирать войско. Едигей стоял под Москвой около трех недель. Москва выдержала осаду, но все окрестные города были ограблены татарами. Наконец, взяв окуп с Москвы, Едигей ушел на юг. Едигей вез из Руси большую добычу, но настоять на постоянном „выходе" от Москвы ему не удалось.

В ближайшие годы Витовт со своей стороны оставил Русь в покое. Внимание Витовта отвлечено было на запад. Литовские и русские полки Витовта в союзе с поляками выступили против немецких рыцарей и нанесли им страшное поражение

[1]) Шадибек продолжал вероятно держаться Тимуровых инструкций (сам Тимур умер в 1405 г.)

[2]) Борьба с Витовтом явным образом шла неудачно для Московского князя. Витовту удалось прочно подчинить себе верхне-окские княжества (Новосильское, Перемышльское, Одоевское, Воротынское). Василий Дмитриевич должен был уступить Витовту Мценск.

при Танненберге (1410).[1] После этого поражения немецкий Орден уже не мог оправиться и перестал быть страшен для Польши и Литвы. Вскоре обстоятельства сложились благоприятно для Витовта и на юго-востоке. Монгольский царевич Джелаледдин-Салтан, сын Тохтамыша,[2] сумел подготовить переворот в Орде и захватить там власть, свергнув Едигея (1411).[3] Опасность от Орды после воцарения там Витовтова ставленника была для Москвы слишкомъ велика, и Василий Дмитриевич поехалъ к Джелаледдин-Салтану[4] „со множеством богатства". После более, чем 15-ти летнего перерыва татарское иго над Москвой возобновилось.

Витовт между тем занят был польскими делами. В 1413 г. состоялся новый сейм польской и литовско-русской знати, на этот раз не в литовской Вильне, а на Волыни, в местечке Городле на р. З. Буге, составлявшем тогда границу между Польшей и Литвой. Заключен был новый договор об унии между Польшей и Литвой; Литовское великое княжество признало суверенитет польской короны. На сейме в Городле был издан „земский привилей" для литовской знати. Литовские князья и бояре под условием принятия латинства получали все права и привилегии польских панов, а нисшие княжие слуги — права польской шляхты. Городельский привилей чрезвычайно усилил польско-латинскую партию в Литовском государстве. Это обстоятельство вело к обострению внутренней вероисповедной борьбы в государстве Витовта. Желая прекратить эту борьбу, Витовт пришел к мысли об унии — соглашении между латинской и православной церквами. Витовт настоял сперва на поставлении особого митрополита для Литовской Руси. Потом этот митрополит (Григорий Цамблак) был отправлен (в 1418 г.) на собор всего латинского духовенства в г. Констанце для переговоров о церковной унии.[5] Переговоры эти однако ни к чему не привели.

---

[1]) В этих самых местах (при Танненберге и Сольдау) произошла катастрофа армии ген. Самсонова в 1914 г.

[2]) Тохтамыш был убит в Тюмени по приказанию Шадибека.

[3]) Впрочем уже в 1413 г. Джелаледдин-Салтан был убит братом своим Керим-Бердеем.

[4]) Наши летописи зовут его Зелени-Салтаном.

[5]) Констанцкий собор считается у латинян XVI-м вселенским собором. На этом соборе приговорен был к сожжению знаменитый чешский проповедник мистр Ян Гус.

В 1425 г. скончался Московский великий князь Василий Дмитриевич, оставив по себе десятилетнего сына Василия. По своим духовным грамотам, составленным за несколько лет перед смертью, Василий „приказывал" (завещал) „своего сына князя Василия и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю великому князю Витовту". Витовт сделался таким образом опекуном над Московским великим княжеством. Московское великое княжество испытывало в этот момент большие внутренние затруднения. Дядя юного князя Василия, Юрий Дмитриевич, хотел сам сесть на великокняжеский стол, не приехал присягать племяннику и начал собирать войско в своем Галиче (Костромском). Именем великого князя Василия на Москве правили митрополит Фотий и бояре. По их просьбе, мать великого князя София Витовтовна обратилась за помощью к своему отцу — опекуну малолетнего Василия. Страх перед Витовтом остепенил Юрия Дмитриевича и на время приостановил его домогательства великокняжеского стола. Но дорого обошлась Москве помощь Витовта. Витовт начал вмешиваться в дела восточно-русских княжеств, совершенно не считаясь уже с Москвой В 1427 г. Витовт заключил союзный договор с Тверским князем. Через два года (1429 г.) Рязанский вел. князь Иван Феодорович признал себя вассалом Витовта („дал ся ему на службу").

Могущество Витовта возросло до высшей степени. Опьяненный своими успехами на северо-востоке, Витовт задумал отделиться от Польши и хлопотал о получении от римско-германского императора королевского титула. В последний год жизни Витовта в Литве состоялся торжественный с'езд различных государей и послов. Ожидали коронования Витовта; коронования не последовало, но самый этот блестящий с'езд наглядно показывал силу и мощь Витовта. Московское великое княжество охвачено было Витовтом (и союзниками его — Тверью и Рязанью) с севера и с юга; казалось, близился час, когда опекунство Витовта над Москвою превратится в прямое господство. Но Витовт был уже очень стар. Он умер в 1430 г., не оставив наследника. С его смертью рушилась мощь Великого Княжества Литовского.

§ 58. Москва и Литва в 1430-х и 1440-х г.г.

После смерти Витовта в Литовском государстве начались смуты. Православные бояре и шляхта были недовольны тем, что латинянам давались важные преимущества. Во главе пра-

вославной партии стал брат Ягайлы, Свидригайло Ольгердович.[1] Свидригайло не обладал однако достаточными военными и административными талантами. Ему удалось сделаться великим князем Литовским после Витовта, но удержать свою власть он не смог. Против него выступил брат Витовта, Сигизмунд. Сигизмунд возобновил договор об унии Великого Княжества Литовского с Короною Польскою. Вместе с тем Сигизмунд выдал земский привилей, согласно которому русские князья и бояре Литовской Руси в тесном смысле слова (Белоруссия без Витебской и Полоцкой земли) уравнивались в правах с литовцами-латинянами (1432). Параллельно с междоусобиями в Литовском государстве разыгрались междоусобия и в Московском. Свидригайло был свояк князю Юрию Дмитриевичу и сочувствовал его планам захвата Москвы. Юрий Дмитриевич „спершись о великом княжении" со своим племянником Василием, пригласил Василия вместе ехать в Орду. В Орде русских князей держали целый год (до лета 1432 г.) и потом отпустили, не дав никому великого княжения. Уже позже посол Мансур посадил на великое княжение Василия. Но Юрий не унимался и через некоторое время начал военные действия против племянника. Василий был разбит и бежал в Новгород. Юрий Дмитриевич вошел в Москву на Святой неделе 1434 г. Однако для московского населения Юрий Дмитриевич не был желанным гостем. Москва хотела своего наследственного князя, привыкнув видеть в наследственном порядке княжения средство против внутренних смут.

Юрий княжил очень недолго. Уже в начале июня он скоропостижно умер, и на московский престол вновь сел Василий Васильевич. С сыновьями Юрия, Дмитрием Шемякой и Василием Косым, великий князь справился довольно быстро. Взятый в плен во время борьбы Василий Косой был ослеплен по приказанию великого князя. Кратковременность княжения Юрия Дмитриевича помешала Свидригайлу извлечь какую-либо выгоду от свояка на Московском княжеском столе. Положение Свидригайла делалось все труднее, и сам он становился все озлобленнее. Это выразилось между прочим в том, что он велел схватить и сжечь в Витебске православного ми-

[1]) В противоположность Витовту, Свидригайло крещен был по православному обряду, затем перешел в латинство, но позже вернулся к православию.

трополита Герасима по подозрению в измене (1435 г.).[1] В том же 1435 г. Свидригайло был разбит Сигизмундом на р. Свенте[2] и отказался от притязаний на великое княжение Литовское (сохранив в качестве удела лишь восточную часть Подолья).

Таким образом в Литве утвердился брат Витовта, а на Москве внук Витовта (сын Софии Витовтовны и Василия Дмитриевича). Великий князь Василий Васильевич, одержав верх над своими двоюродными братьями Юрьевичами, десять лет спокойно княжил в Москве. На вакантную митрополичью кафедру Василий Васильевич наметил рязанского епископа Иону и послал его в Константинополь на поставление. Но в Константинополе хотели своего человека, в виду назревавшего там плана заключения унии с Римом. Митрополитом на Русь был поставлен грек Исидор. Исидор участвовал в Ферраро-Флорентийском церковном соборе 1438—39 г. г. и принял унию. Вернувшись в Москву, Исидор служил литургию по новому образцу, вознес имя папы Римского прежде имени Константинопольского патриарха и прочел соборное определение о состоявшейся унии. Великий князь Василий не стерпел измены православию, об'явил Исидора лжепастырем и заключил его в тюрьму.[3] Собором русских епископов был наречен во митрополита Иона (1441). Событие это обозначало собою целый переворот в привычной схеме церковно-государственных отношений русской земли. Византия, откуда Русь приняла православие, поколебалась сама в православии; Русь оставалась единственной его хранительницей. — Флорентийская церковная уния наносила страшный удар православному делу в Литовско-Русском государстве. Латинская власть этого государства получила теперь формальное основание для прямых преследований против православной церкви. Впрочем, этим основанием власть воспользовалась лишь несколько позже.

Литовский великий князь Сигизмунд Кейстутович был убит в Троках в 1440 г.[4] Литовцы провозгласили великим князем

---

[1]) Герасим был поставлен Константинопольским патриархом в митрополиты всея Руси по просьбе Свидригайла после кончины митрополита Фотия (1431). Свидригайло надеялся посадить Герасима в Москве после победы Юрия Дмитриевича.

[2]) Свента — приток р. Вилии.

[3]) Откуда Исидору удалось бежать в Рим.

[4]) Во главе заговора литовско-русской знати против Сигизмунда Кейстутовича стоял кн. Иван Чарторыйский.

Казимира Ягайловича (Ягеллончика). В 1445 г. Казимир был избран также польским королем (после того, как брат его, Владислав III, погиб в бою с турками при Варне в 1444 г.).[1] На следующий год в Вильне состоялся первый „вальный" (общий) сейм литовских и русских панов всего великого княжества литовского. Во исполнение пожеланий этого сейма Казимир издал общеземский привилей, которым уравнивались в правах литовцы и русские всех земель великого княжества; духовным властям (прелатам), князьям, панам, шляхте, боярам и мещанам всех земель великого княжества жаловались все права, вольности и изъятия, соответствующие польским.

§ 59. Конец татарского ига.

Литовская Русь все больше тянулась к Польше; Московская — к татарам. Как было уже сказано, Василий Васильевич ездил в Орду в 1431-32 гг., долго жил там, и из Орды получил ярлык на великое княжение. В Орде Василий готов был искать опору своей власти — и против мятежных родичей и против ослабевшей Литвы. Но Орда сама давно уже не была прежним могучим дисциплинированным государством. В тридцатых годах XV века Орда начала быстро распадаться. У Василия Васильевича с начала его княжения были доброхоты в Орде; теперь некоторые из этих доброхотов бросили Орду и перешли на службу Московского князя. В составе боевых сил Московского князя появились служилые татарские царевичи и ордынские князья с отрядами своих слуг и воинов. Если некоторые татарские царевичи переходили в Москву на службу, другие, откалываясь от Орды, начинали на свой страх воевать с Москвою или тревожить русские города набегами. В 1440-х гг. на Рязань напал царевич Мустафа. Великий князь послал против него войско, усиленное рязанским ополчением, казаками[2] и отрядами мордвы; Мустафа погиб в сражении (1444). Несколько раньше, осенью 1438 г., хан Кичи-Махмет выбил из Золотой Орды родственника своего Улу-Махмета. Улу-Махмет занял Белев, начал „даватися во всю волю русским князем", обещал, что, если русские князья помогут ему овладеть Золотой Ордой,

[1]) Этот поход на Варну был предпринят по инициативе римского папы для защиты униатской Константинопольской империи против турок. Поход был политическим результатом Флорентийской унии.

[2]) Это первое упоминание наших источников о казаках.

он будет „стеречь земли русской", а „по выходы не посылати, ни по иное что". Однако вел. князь Василий не послушался уговоров Улу-Махмета и послал войско выбить его из Белева. Войско было разбито. В 1439 г. Улу-Махмет явился под Москву, простоял 10 дней и потом отступил.

Через несколько лет Улу-Махмет занял Нижний-Новгород и начал оттуда делать набеги на Коломну, Муром и др. города. Весною 1445 г. Улу-Махмет послал из Нижнего двух своих сыновей, Махмутка и Якуба, против самого великого князя Василия. Василий вышел против царевичей, но был разбит и попался им в плен (7 июля 1445 г.). Событие это было совершенно неожиданным для самих татар; видимо они не сразу придумали, что им делать с Василием. Наконец, Василий был отпущен из плена (1 октября) на условиях сбора значительного окупа. Для сбора этого окупа с Василием пошли многие татарские князья со своими людьми. Можно думать, что иные из них прямо в это время перешли в службу великого князя. На Руси пошли даже слухи, будто Василий Васильевич „ко царю (Улу-Махмету) целовал крест, что царю сидеть на Москве и на всех градех русских, а сам (Василий) хочет сести во Твери". Позже великого князя Василия на Москве винили в том: „чему еси татар привел на Русскую землю, и городы дал еси им, волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение даешь татарам".

Татары приходили прежде на Русь, как агенты чужой и далекой татарской власти; теперь татары хлынули на Русь в качестве постоянных служилых людей своей русской великокняжеской власти. В удовлетворении татарских князей русскими городами и волостями и заключались главные обязательства великого князя Василия, которыми он был опутан по выходе своем из татарского плена. Взамен Василий получал новый контингент служилых людей. Лишь более дальновидные из московских государственных людей понимали, что такой массовый прием татар на московскую службу означал собою в сущности конец Орды. Для большинства москвичей, наоборот, такое неожиданное легальное завоевание московского великого княжества татарами представлялось неслыханным бедствием и нарушением прав и преимуществ коренных русских людей: отсюда те жалобы, которые раздавались против Василия. Расчитывая на общее неудовольствие против Васи-

лия, двоюродный брат его Дмитрий Шемяка в феврале 1446 г. наездом захватил Василия на богомолье в Троице-Сергиевой Лавре, велел ослепить и сослать в Углич, а мать его вел. княгиню Софию Витовтовну сослать в Чухлому.

Расчет Дмитрия Шемяки на общее недовольство Василием был однако неправилен. Сторонников у великого князя оказалось больше, чем врагов, и первый — митрополит (наречённый) Иона,[1] московское духовенство и бояре. Доброжелатели выхлопотали Василию разрешение отправиться на богомолье в Кириллово-Белозерский монастырь, откуда Василию удалось уйти в Тверь. Здесь он заключил соглашение с тверским князем Борисом Александровичем, обручив семилетнего своего сына Ивана с пятилетнею Борисовой дочерью Марией. К Василию быстро начали собираться сторонники его, в том числе пришли татарские царевичи Касим и Якуб, сыновья Улу-Махмета.[2] В течение нескольких лет после того Василью пришлось вести упорную борьбу со своими противниками. В этой борьбе помимо воинской силы много помогла ему и нравственная поддержка духовенства, которое обратилось к Дмитрию Шемяке с особым обличительным посланием. В 1450 г. Дмитрий Шемяка был выбит даже из своей вотчины — Галича и бежал в Новгород.[3] Борьба этим была закончена. Василий Васильевич победил, и с ним победила политика широкого использования татарской силы на русской службе. Около 1452 г. одному из самых своих верных татарских помощников Касиму Василий дал в пожизненное владение Мещерский городок на р. Оке (который и стал затем называться Касимовым).

Образование служилого татарского царства на юго-восточной окраине Московского великого княжества имело непосредственнымъ побуждением создать угрозу новообразовавшемуся Казанскому татарскому царству. Казанский царь Махмутек и Мещерский царевич Касим были родными братьями, но именно

[1]) Поставлен окончательно в митрополиты собором русских епископов в 1448 г.

[2]) Из них Якуб — один из тех двух сыновей Улу-Махмета, которые взяли в плен Василия летом 1445 г. Самого Улу-Махмета в это время уже не было в живых. Он был убит своим сыном Махмутком (другим из царевичей, пленивших в 1445 г. Василия); Махмутек этот был основателем Казанского татарского царства.

[3]) Где он и умер в 1453 г. под церковным отлучением. Сын его Иван бежал в Литву и получил от короля Казимира Новгород-Северское княжество.

их близость делала особенно ожесточенной их вражду (Касим мстил брату за убийство отца). Казанское царство было этим ослаблено при самом своем возникновении. Орда окончательно распалась: помимо Казанского образовалось в это время еще Крымское татарское царство. Золотая Орда держалась после того в Сарае в течение нескольких десятилетий, но была теперь обессилена; Московский великий князь Василий перестал ей подчиняться.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД

ПОБЕДА ЛЕСА НАД СТЕПЬЮ
(1452—1696)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 60. Пространство занимаемое русским народом.

От половины XV века начинается широкое наступление русского народа на юг и восток. Этот колонизационный процесс связывается с развитием государственной территории (польско-литовского и московского государств), но идет и независимо от расширения государственной территории. На юго-западном фланге русская народность, как сказано было, к концу XIV века дошла до Черного моря (между Бугом и Днестром). Однако уже в конце XV века русские поселения оттиснуты от Черного Моря Крымскими татарами. Тем не менее русскому народу удается удержать за собою течение Днепра до днепровских порогов (образование Запорожской Сечи). По течению Дона и Волги русский народ за указанное время быстро двигается вперед (захват средней и нижней Волги московскими войсками, казаки на Дону и на Тереке). В колонизационной деятельности Московского государства играет особое значение „засечная черта" — выдвигаемые вперед против степи укрепленные линии. Значительная колонизационная деятельность развивается в области левобережной Украины после присоединения Малой России к Московскому государству. На восток от Волги усаживается яицкое казачество. Юго-восточная окраина России заселяется как усилиями государства (засечная черта), так и стихийным процессом: население бежит от государственных тягот и крепостного права, а со второй половины XVII века — также от преследований против раскола. Это беглое население стремится образовать собственные своеобразные государства — казачьи (см. след. §). На северо-восточном фронте меньше чем за столетие с конца XVI по середину XVII века русская колонизация подчиняет себе огромное пространство Сибири (кроме Камчатки). Однако в самом конце XVII века, вследствие вооруженного вмешательства Китая, русской колонизации закрыт путь на нижнее течение р. Амура (Нерчинский договор 1689 г.).

В начале периода расщепляется прежде единая организация русской церкви. Наряду с северо-восточной русской митрополией (Московской и всея Руси), устанавливается митрополия юго-западная (Киевская и всея Руси). Обе русские митрополии формально составляют епархии одного патриархата — Царе-градского. Северно-русская митрополия однако представляет собою с самого начала периода — автокефальную поместную церковь. В конце XVI века северно-русская церковь превращается сама в патриархат (1589). В юго-западной Руси с половины XVI века происходит (при содействии польско-литовской государственной власти) новый страшный натиск латинства на православную церковь. В самом конце XVI века провозглашается подчинение западно-русской церкви римскому папе (Берестейская уния 1596). Однако, унию признало лишь меньшинство западно-русского духовенства и народа. Православная церковь устояла наряду с униатской. Во второй половине XVII века, после присоединения Малороссии к Московскому государству, возбужден вопрос о присоединении западно-русской митрополии к Патриархату Московскому и всея Руси (присоединение осуществилось в 1686 г.). Однако, именно в половине XVII в. начинается церковный раскол старообрядчества в самой северо-восточной церкви.

В отношении государственной организации русский народ в этот период продолжает быть раздробленным. Более мелкие деления на княжества однако быстро исчезают. В XVI веке Московское государство, охватывающее собою главную массу великорусского населения, приобретает окончательное единство своей государственной организации. Белорусское и малорусское население в начале периода продолжает в главной массе своей входить в состав Литовского государства. Польско-литовская уния 1569 г. отрезает однако у Литовского Великого Княжества богатые и населенные области — воеводства Волынское, Киевское, Брацлавское. Между Московским и Польско-литовским государством все время идет ожесточенная борьба. На степной окраине Польско-Литовского государства образовалась Запорожская казачья республика, признававшая над собою власть Польши. На юго-восточной окраине Московского государства образовались казачьи республики — Донская и Яицкая (XVI в.). С уничтожением древних вечевых городов

(дольше всего продержались Новгород и Псков), вечевая форма власти возродилась в виде казачьего круга. Наконец, довольно значительное русское население находилось в составе Турецкой Империи. Во второй половине XVI века Турция захватила Угрию и Молдавию (северная граница Турции шла по Карпатским горам, Днестру, нижнему течению Буга и доходила до устья Днепра). Таким образом и Угорская и Молдавская Русь оказались под властью Турции.[1] В 1672 г. турки захватили также к северу от Днестра Подольскую землю с Каменцом и Брацлавом.[2]

Из числа государственных образований, между которыми разделена была русская народность, особое значение в истории русского народа имело государство Московское, т. к. оно являлось основным независимым государственным образованием русского племени. В рассматриваемый период царство Московское и всея Руси чрезвычайно выросло территориально. Основоположное значение в этом процессе имело занятие всего течения Волги и части побережья Каспийского моря (Казань 1552 г., Астрахань 1556, Терский городок 1586 г.). Далее на восток русское государство в течение конца XVI и первой половины XVII веков заняло всю Сибирь до Тихого Океана. На Западе — попытка захвата Ливонии в XVI в. (при Грозном) окончилась неудачей. В начале XVII в. русское государство потеряло и Ижорскую землю. Во второй половине XVII в. Московское государство наступало на Польшу и Турцию. В 1656 г. Молдавия была принята в русское подданство, — это приобретение не могло быть однако закреплено. В конце XVII в. русскими захвачен Азов (1696) — русское государство достигло моря на юге. Около середины XVII в. Малая Россия (Украина) вошла в орбиту Московской государственности. Около этого же времени Москвою была сделана попытка овладеть Белоруссией. И хотя попытка эта, в её целом, не удалась, к исходу XVII века Московское государство все же превратилось в государство всех ветвей русского племени — в Царство всея Великия и Малыя и Белыя России.

---

[1]) Угорская Русь в конце XVII века перешла к Австрийской монархии (отбившей Угрию у турок).

[2]) Возвращена Польшею в 1699 г.

§ 62. Соседи и соседи русского народа.

Начиная с половины XV в., как мы видели (§ 59), на Москве и по городам Московского княжества оседают значительные количества служилых татар. На Оке возникает целое татарское царство на службе Московского государя — Касимовское царство. Переход татар на службу Московского государя продолжается и в дальнейшем. Часть этих служилых татар медленно принимает св. крещение, часть остается мусульманами, но все одинаково служат Московскому государю и составляют прочную основу его силы. По мере распространения Русского государства к востоку и юго-востоку все растет количество турецко-татарских, монгольских (а позже и манчжурских) племен, входящих в состав русского государства, причем многие из этих племен подчиняются сразу (становятся мирными инородцами, — так и в Киевской Руси были свои „погане"), другие же оказывают довольно упорное сопротивление.

Другой элемент, вливающийся в XV—XVII вв. в море русского народа, составляют выходцы с запада—поляки, немцы, „фрязи" (итальянцы и французы). Численность их не велика по сравнению с турками и монголами, но они имеют большое значение, т. к. являются в большинстве случаев нужными для государства специалистами (ремесленниками, офицерами, врачами). Образовав особую слободу на Москве („немецкую слободу"), эти выходцы с запада начинают оказывать все большее влияние на русские нравы и понятия.

Чаще, чем прежде, приезжают в XV—XVII вв. на Москву греки, большей частью представители греческого православного духовенства, за государевым жалованием. Сильное греческое влияние идет на Русь непосредственно из Молдавии. Молдавия и Валахия подпадают в XVI—XVII веках греческой культуре. То, что не удавалось Византийской империи, удалось грекам после падения Византийской империи и отчасти именно благодаря этому падению. Попав в состав Турецкой империи, Молдавия и Валахия, как христианские земли, оказались в тесной зависимости от Константинопольского патриарха. Таким образом приближение к Руси границ Оттоманской империи принесло с собою усиление греческого влияния на Русь через Молдавию.

На западе соседями русского народа в XV—XVII вв. продолжали оставаться поляки, немцы, шведы (одно время еще дат-

чане в прибалтийских землях). Поляки господствовали над западной Русью посредственно (через Литву) и непосредственно. С Русью восточной Польша до последней трети XVII в. вела почти непрерывную борьбу. Напряженная борьба шла и со шведами (которым в XVII в. удалось оттеснить Русь от Балтийского моря).

На юге и юго-востоке Московскому государству пришлось иметь дело с рядом восточных народов и государств, из которых часть вновь возникла в XV в., а часть вступила в непосредственные отношения с Московским государством после того, как пала пелена Золотой Орды. Из вновь образовавшихся татарских государств особое значение имели Крымское и Казанское царства. Крымское ханство позже подпало Турции, но сохранило все же свое лицо в составе Турецкой империи. Казанское царство в середине XVI в. завоевано было Москвою. Заняв после того и Астрахань, Москва через Каспийское море оказалась в непосредственных отношениях с Персией и кавказскими народами. Персидское царство во второй половине XVI и первой половине XVII-го вв. достигло значительного могущества (шах Аббас Великий 1586—1629). На восток от Волги и Яика с русским народом граничили монгольские и турецкие кочевые государства ойратов, „казаков" (киргизов) и др. Заняв в половине XVII в. Сибирь до р. Амура, русские вошли в соприкосновение с Китаем как раз в эпоху нового расцвета Китая (император Канг-Си 1662—1722).

§ 63. Международное положение Москвы.

Середина XV-го века — поворотный момент во всей международной политике. В 1453 г. турецкий (османский) султан Магомет II взял г. Константинополь и этим уничтожил Византийскую империю.[1] После падения Константинополя и чрезвычайного усиления Османской империи на время прервались установившиеся торговые пути из Европы на Восток, в Персию и Индию.[2] В поисках новых торговых путей, европейцы и стре-

[1] Через несколько лет (1460) Магомет занял и полуостров Морею (Пелопоннис), где еще сохранялось греческое государство (деспотат Мистра).

[2] В героический период своего расширения, в XV—XVI вв., Османская империя не была склонна свободно пропускать на восток „франков", с которыми вела ожесточенную борьбу (гл. обр. с венецианцами и генуэзцами).

мятся с этих пор использовать как морские пути,[1] так с другой стороны и континентальные пути через Евразию. Именно в поисках северного пути в Индию английская экспедиция Ченслера в середине XVI в. „открыла" Московию. Путь в Персию стараются установить через Москву англичане и голландцы в XVI—XVII вв. Москва стала отчасти выполнять в международном общении ту роль, которую прежде исполняли Византия и Золотая Орда: Москва сделалась посредницей между Азией и Европой.

ГЛАВА IX.

МОСКВА И ЛИТВА ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ XV-го И ПЕРВУЮ ТРЕТЬ XVI-го ВЕКА (1452—1533).

§ 64. Великий князь Иван III.

Овладев с татарской помощью Московским столом, великий князь Василий Васильевич довершил затем свое дело разгромом Новгорода, укрывшего у себя Дмитрия Шемяку (§ 59). В 1456 г. Новгородцы присягнули на том, что Новгород впредь будет послушен Москве и не будет принимать „лиходеев" велликого князя. Василий Васильевич умер в 1462 г., с'умев восстановить порядок внутри Московского государства и создать для Москвы все возможности блестящего международного положения. На основании, которое заложил Василий, сын его Иван воздвиг новое государственное здание. Московское княжество явным образом при Иване превратилось в государство Московское „и всея Руси".

Иван III был осторожный политик, не любивший рисковать, тщательно подготовлявший каждый свой шаг. Осторожность однако сочеталась в нем с широкими планами и с сознанием высоты своей власти. Иван III напоминал характером литовского великого князя Ольгерда. При Иване III Московское государство начинает вести широкую восточную политику. Весьма вероятно, что на этот путь натолкнули московских людей те татарские царевичи и князья, которые с 1440-х

[1]) Открытие Колумбом Америки в поисках морского пути в Китай в 1492 г., открытие Васко-де-Гамой морского пути в Индию вокруг Африки в 1497—1498 гг. и др.

годов служат Московскому государю. Связи Москвы с восточными государствами начинают проявляться с 1460-х годов. В 1464 г. русские послы были (по сведениям персидского историка Абд-ар-Реззака) в г. Герате.[1] В 1466 г. в Москву прибыло посольство ширваншаха Фаррух-Есура (владетеля Шемахи и Баку); в том же году пошло ответное посольство во главе с Василием Паниным.[2] Серьезное внимание Иван должен был уделять ближайшим соседям своим с юга и юго-востока. В 1465 г. золотоордынский царь Ахмат приготовился к походу на Москву, чтобы снова заставить Москву платить себе „выход". Москва была спасена на этот раз от нашествия неожиданным нападением Крымской Орды на Золотую. Что касается Казанского царства, Иван всячески пытался разложить его изнутри, выдвигая своих кандидатов на Казанский престол. В 1467 году некоторые из казанских татарских князей, недовольные своим царем Ибрагимом (сыном Махмутка), пригласили на царство его вотчима и дядю Касима (служилого московского царевича).[3] Касим выступил в поход на Казань во главе своих татар и в сопровождении сильного русского войска. Однако Ибрагим был кем-то во́-время предупрежден и не допустил Касима переправиться через Волгу. Иван III и Касим не отказались однако от мысли завладения Казанью. На весну 1469 г. в Нижний Новгород собрана была сильная великокняжеская рать (часть полков пришла на судах по Волге, другая по Оке). Смерть Касима заставила отложить поход. Вдова Касима была отпущена в Казань к своему сыну Ибрагиму, которого она бралась уговорить подчиниться Москве. Уговоры не подействовали, и осенью того же 1469 г. поход состоялся. Великокняжеские полки подступили к самой Казани. Ибрагим просил мира „на всей воле" Московского государя.

Обеспечив себя со стороны Казани, Иван III, продолжая политику отца, обратил свои силы на Новгород. В Новгороде образовалось две партии — литовская и московская (сохранить полную самостоятельность никто из новгородцев уже не надеялся). Литовская партия состояла главным образом из бояр, московская — из низших слоев населения. В 1471 году Новгород заключил союзный договор с великим князем Ли-

[1] В нынешнем Афганистане.

[2] С этим именно посольством отправился в Индию тверской купец Афанасий Никитин, описавший потом свое „хождение за три моря".

[3] Касим был женат на вдове своего брата Махмутка.

товским, польским королем Казимиром Ягайловичем. Казимир обещал защищать Новгород от Москвы и посадил в Новгороде своего наместника, обязавшись соблюдать все вольности новгородские. Договор Новгородцев с Казимиром возбудил бурю негодования на Москве. В этом договоре москвичи увидели не только политическую, но также религиозную и национальную измену. Поход Ивана на Новгород сравнивали с походом Дмитрия Донского на Мамая. Московская рать шла под начальством кн. Даниила Холмского. Сильный отряд вел Касимовский царевич Данияр (сын Касима). 14 июля 1471 г. новгородское войско было совершенно разбито на р. Шелони.[1] Литовская помощь не приходила, и Новгороду пришлось просить пощады. Новгородцы отказались от всяких сношений с Литвой и заплатили Ивану огромный окуп (15½ тыс. рублей). Не имея сил помочь Новгороду, король Казимир поднял на Москву своего союзника, золотоордынского хана Ахмата. Ахмат дошел до Оки (у г. Алексина), но итти далее не решился. Великий князь собрал большую рать. В Коломне стоял со своими татарами царевич Данияр, а в Серпухове другой татарский служилый царевич Муртаза (сын Мустафы[2]) см. § 59). Данияр и Муртаза готовились отрезать обозы и жен Ахмата в случае дальнейшего движения Ахмата к Москве. Ахмат не решился идти дальше Алексина и повернул назад; отступление его быстро превратилось в бегство.

§ 65. Софья Палеолог.

В 1472 г. состоялся брак Ивана III с византийской царевной Софией Палеолог.[3] Брак этот имел большое политическое значение. Брак с Софией Палеолог делал московского князя наследником византийских императоров. София была дочерью последнего деспота Мистры (см. выше стр. 116) Фомы Палеолога и племянницей византийского императора Константина XI, погибшего при взятии Константинополя турками. При занятии турками Морей в 1460 г. Фома бежал в Рим к папе. После смерти Фомы папа остался опекуном его детей (двух мальчиков — Андрея и Мануила и одной дочери Зои — Софии).

[1]) Видную роль в битве играли татары царевича Данияра.

[2]) Муртаза этот называется в наших летописях казанским царем, но царя с таким именем в Казани не было.

[3]) Первая жена Ивана, тверская княжна Мария Борисовна, умерла в 1467 г.

Дети воспитывались в духе Флорентийской унии. Мысль о браке Зои-Софии с московским князем зародилась в римских кругах по всей вероятности в связи с надеждами осуществления унии на Москве[1] и с мечтаниями о помощи Москвы в деле изгнания турок из Константинополя.[2] Великий князь согласился на брак, и папа отправил Софию в Москву в сопровождении своего легата Антония. София выехала из Рима 24 июня 1472 г., пересекла к северу всю Европу, из Любека на корабле приплыла к Ревелю; оттуда путь ее лежал на Юрьев (Дерпт) и Псков. Общее смущение на Руси вызвал папский легат Антоний, перед которым везли в санях латинское распятие. Великий князь созвал по этому поводу на совет духовенство и бояр. Митрополит Филипп сказал: „Буде ты в благоверной Москве позволишь нести латинский крыж перед латинским бискупом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, другими изыду вон из града". Латинское распятие велено было спрятать. Царевна София в'ехала в Москву 12 ноября 1472 г. Иван III немедля обвенчался с нею и после того решительно отклонил все домогательства папского легата о признании Флорентийской унии, хотя всячески одарил и обласкал легата (пробывшего в Москве до января 1473 г. и имевшего прение о вере с митрополитом Филиппом). Брак с Софией Палеолог многое изменил в Московском великокняжеском быту. Введены были изменения в дворцовом церемониале. На печати московского великого князя появился византийский двуглавый орел. Вместе с Софией прибыло много греков и итальянцев, которые остались в Москве. Греки и „фрязи" приезжали в Москву и после того. Среди них были архитектора, художники, всякие мастера (в числе других — архитектор Аристотель Фиоравенти, строитель Успенского собора и Грановитой палаты в Москве).

---

[1]) В Литве уния считалась осуществленной, т. к. с 1458 г. Киевским митрополитом поставлен был принявший унию болгарин Григорий.

[2]) В Риме надеялись не столько на самую Москву, сколько на то, что Москва явится посредницей между Римом и Золотой Ордой для того, чтобы поднять Орду против Турции. По этому примеру видно, что в Риме были в то время еще плохо осведомлены о том, что делалось по сю сторону Карпат.

§ 66. Отношения московского государства с мусульманским миром от Ахматова нашествия 1472 г. до конца княжения Ивана III.

Золотоордынский царь Ахмат действовал в согласии с литовским вел. князем Казимиром и по его наущению. Это соглашение Золотой Орды и Литвы вызвало перекрестный союз Крымского (Перекопского)[1] царства с Москвою. В 1473 г. был заключен договор между Менгли-Гиреем и Иваном III. Иван обещал действовать против золотоордынского хана Ахмата с тем, чтобы Менгли-Гирей воевал против Казимира. В 1475 г. Менгли-Гирей также прислал Ивану грамоту, в которой просит „царевичей своих Даньяра и Муртазу (против Ахмата) отпущати", а сам обещается за то бороться с Казимиром. Однако в том же году с Менгли-Гиреем произошла неожиданная катастрофа. В 1475 г. генуэзские колонии в Крыму были завоеваны турками. Одновременно турки покорили весь Крым. Менгли-Гирей был взят в плен и отвезен в Константинополь; впрочем вскоре он вернулся оттуда, как подручный султана.

Союзников против Ахмата Иван III искал и в Персии, где в это время захватил власть туркменский вождь Узун-Хассан. Венецианские послы Барбаро и Контарини, ехавшие к Узун-Хассану просить помощи против османского султана Магомета II, в 1475 г. встретили в Тавризе русского посла, „фрязина" Марка Руфа. По всей вероятности, Иван III в это время вошел в сношения также с ногайской ордой (кочевавшей между Волгой и Аральским морем). Обеспечив себя целою системой союзов, Иван мог спокойно ждать Ахматова нашествия.

Ахмат пришел к реке Угре (пограничной между Москвой и Литвой) летом 1480 г. На противоположном берегу выстроилась сильная московская рать. И Ахмат и Иван медлили нападением. Иван поехал в Москву укреплять столицу и собирать новые силы.[2] Ахмат ждал литовской помощи,[3] но она не приходила, т. к. Казимир должен был думать о защите южных границ литовско-русского государства от Менгли-Гирея. Два войска стояли друг против друга до глубокой осени. Тем временем Иван послал служилого царя Нур-даулета и воеводу Василия Ноздреватого произвести набег на „Юрт Батыев",

[1] Крым по-татарски и значит „ров", „перекоп".

[2] Чем вызвал против себя обвинение в трусости, главным образом среди духовенства и простонародия.

[3] О которой он сговорился с Казимиром перед началом своего похода.

т. е. главное становище Золотой Орды, где находились жены Ахмата и его князей. По всей вероятности, известие об этом набеге принудило Ахмата к быстрому отступлению от русской границы; в свою очередь отступило и русское войско.[1] В начале 1481 г. Ахмат подвергся внезапному нападению тюменского (шибанского) князя Ибака с ногаями. Ибак собственноручно убил Ахмата, с вестью о чем послал в Москву князя Чумгура. Золотая Орда однако еще существовала после того в течение 20 лет. Правили в ней сыновья Ахмата: Сеид-Ахмед, Муртаза, Сеид-Махмуд, Шейх-Ахмет (Шихмат). Ахматовичи все время поддерживали дружбу с Литвой против Москвы, в то время как Менгли-Гирей твердо держался союза с Москвой против Литвы.

Влияние Менгли-Гирея сказывалось и в казанских делах. Одна из бывших жен казанского царя Ибрагима, Нурсалтана, вышла вторым браком за Менгли-Гирея. Сын этой Нурсалтаны и Ибрагима, царевич Махмет-Аминь, выступил после смерти отца претендентом на казанский престол. В Казани началось междоусобие. Наконец, с помощью ногаев, осилил старший сын Ибрагима, Ильгам. Иван III весной 1487 г. отпустил Махмет-Аминя из Москвы на Казань, дав ему в подкрепление сильную московскую рать под начальством одного из лучших тогдашних воевод, кн. Даниила Холмского. 9-го июля князь Холмский взял Казань и возвел на казанский престол Махмет-Аминя; царь Ильгам был взят в плен. Таким образом и казанский царь сделался подручным московского великого князя.

По отношению к Казани Ивану удалось таким образом достичь блестящих успехов. Что же касается Золотой Орды, то Иван не мог быть спокоен, пока существовали ее остатки. В 1491 г. золотоордынские цари Сеид-Ахмед и Шейх-Ахмет предприняли большой поход против крымского хана Менгли-Гирея. Чтобы помочь Менгли-Гирею, Иван III двинул против Золотой Орды значительные русские и татарские силы[2]; казанскому царю Махмет-Аминю Иван также велел послать своих воевод на помощь Менгли-Гирею. Поход достиг цели: золотоордынские цари возвратились от Перекопа „без брани." В 1502 г. Менгли-Гирею удалось совершенно разгромить по-

[1]) Это событие, без достаточных к тому оснований, и считается „падением татарского ига." Нур-даулет получил в 1486 г. Касимов после Даниярд.

[2]) Касимовского царевича Сатылгана, сына царя Нур-Даулета.

следнего царя Золотой Орды Шейх-Ахмета. Золотая Орда распалась окончательно.

Политика Ивана III по отношению к мусульманскому миру достигла таких блестящих успехов исключительно благодаря тесным связям Ивана с этим миром как через служилых, так и через союзных татарских владетелей.[1] Поражает также дальновидная политика глубокой дипломатической разведки и стремление к дипломатическим связям в недрах мусульманского мира. Черта эта осталась характерным признаком политики Ивана III и во вторую половину его княжения.[2]

§ 67. Северно-русская политика Ивана III во вторую половину его княжения.

Разрешая широкие дипломатические задачи вне Руси, Иван III наряду с этим стремился подчинить своей власти все русские княжества и города, чтобы стать действительным, а не по имени только, Государем всея Руси. Как было сказано (§ 64), Иван III в 1471 г. добился от Новгорода обязательства не сноситься с Литвой. Но при существовании сильной литовской партии среди новгородских бояр обязательство это не могло быть выполнено, пока Новгород имел хоть тень самостоятельности. Не желая уступить Новгород Литве, Иван стремился добиться полного подчинения его своей власти. В 1475 г. Иван ездил в Новгород для личного суда и расправы по жалобам некоторых новгородцев против своих бояр литовской партии. После этой поездки, в Москву стали постоянно ходить новгородцы жаловаться великому князю на своих бояр. Опираясь на то, что такие ходатаи иногда величали Ивана своим „государем" (т. е. признавали безусловное свое подчинение Ивану), Иван пошел в Новгород с сильным войском добывать себе государства; в походе участвовал и царевич Данияр с татарами. Новгород принужден был сдаться и признать Ивана государем. Вечевой колокол увезен был в Москву (1478). Вслед за Новгородом, к Москве была присоединена и Тверь (1485). В конце 1480-х годов начали отпадать от Литвы и переходить

[1] Почва к чему была, как сказано, подготовлена еще отцом Ивана, Василием.

[2] Напр., в 1490 г. в Москве был посол Гератского владетеля султана Гусейна, Урус-багадур, с предложением „о дружбе и любви."

к Москве удельные князья, сидевшие по верхнеокским городам,[1] Воротынский, Белевский и др. Присоединяя новые княжества к Московскому государству, Иван III стремился слить их с Москвою относительно внутреннего строя, суда и управления. В 1497 г. Иван „уложил с детьми своими и с бояры о суде" — издал судебник, которым утверждался правый порядок судопроизводства всего великого княжества („судом не мстити, ни дружити никому").[2] Во внутренних отношениях к боярам и служилым людям Иван III становился к концу жизни все более самовластным и требовательным.

§ 68. Борьба Москвы с Литвою во вторую половину княжения Ивана III.

Политика Ивана III по отношению к латинскому миру отличается теми же широкими чертами, что и политика по отношению к миру мусульманскому. При Иване III Москва вела сношения с римским папою (§ 65), римско-германским императором, с Венецией, Угрией, Ливонским Орденом, Данией, не говоря уже о ближайших соседях — Польше и Литве. Основное практическое значение для Москвы в это время имели ее отношения с Литвою. В Литовском государстве второй половины XV века развивались силы, обратные тем, которые действовали в Московском государстве. Вместо центростремительного процесса шел центробежный — возрастали права областных князей и панов, отчасти под влиянием польских понятий. Вместе с тем уменьшалась центральная власть великого князя. По смерти короля Казимира (1492), великим князем литовским был избран сын его Александр. Особым привилеем Александр обещался вести внешние сношения великого княжества Литовского только по совету с панами — радою и так же решать важнейшие дела административные, финансовые и судебные: это было формальное ограничение власти великого князя.

Избрание Александра Казимировича великим князем Литовским разрывало личную унию Литвы и Польши, т. к. польским королем избран был другой сын Казимира, Ян Альбрехт.

---

[1]) Это те верхне-окские княжества, на приобретение которых затратил столько усилий Витовт, считая их подступом к Москве.

[2]) Составителем Судебника был дьяк Владимир Гусев.

Этот момент Иван III счел удобным для прямого нападения на Литву, с которой шла глухая борьба в сущности с самого начала княжения Ивана.[1] Московские войска вторглись в пределы Литовского государства. Александр Казимирович не мог противопоставить достаточных сил и должен был заключить мир с значительными уступками в пользу Москвы: к Москве по мирному договору 1494 г. отошли вотчины верхне-окских князей, перешедших на московскую службу (Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротынских и др.). За московским великим князем был признан титул „Государя всея Руси". Для закрепления договора Иван III выдал свою дочь Елену замуж за Александра Казимировича. Брак этот явился однако источником новых осложнений между Москвой и Литвой вследствие тех притеснений, которые испытывала Елена Ивановна за отказ отступиться от православия и перейти в латинство.[2] Через несколько лет после первого мирного договора между Литвою и Москвой вспыхнула новая война. В этой войне на стороне Литвы участвовал Ливонский Орден, а на стороне Москвы — царь Перекопский (Крымский хан) и царь Казанский — Махмет-Аминь (последним заняты были Брянск и Путивль). Летом 1500 года московские войска одержали большую победу на р. Ведроше близ Дорогобужа. В разгар войны (1501) Александр по смерти своего брата был избран королем польским и заключил с поляками договор о слиянии Польши и Литвы в одно государство. Договор с Польшею не был признан литовско-русскою знатью и только усложнил положение Александра. В 1503 г. Александр принужден был заключить с Москвою перемирие на 6 лет. По этому перемирию к Москве помимо всей верхне-окской украйны отошла также Черниго-северская земля и значительная часть земель Смоленской и Витебской (но города Смоленск и Витебск остались за Литвою).

§ 69. Время вел. кн. Василия Ивановича.

Иван III умер в 1505 г. На престол вступил его сын от Софии Палеолог, Василий. Василий глубоко проникнут был сознанием

[1]) См. выше о поддержке Литвою золотоордынского хана Ахмата и его сыновей (§§ 64 и 66).

[2]) Хотя при заключении брака Александр Казимирович обещал не стеснять религиозной свободы жены. — Елена Ивановна осталась верною православной церкви до смерти.

величия своей власти, сурово и жестко держал себя по отношению к своим боярам и подручным князьям. Василий закончил дело собирания северной Руси в одно государство. При Василии были присоединены к Москве: Псков (1510) и Рязань (1517). Василий продолжал и борьбу с Литвою, которая шла так успешно при Иване III. Хотя в 1503 г. между Москвою и Литвой заключено было перемирие на 6 лет, война вспыхнула уже через 4 года, в 1507 г. К этому времени Александр Казимирович уже умер. Вместо него в Литве правил его брат Сигизмунд, избранный также и королем польским. С московской стороны в войне принимали деятельное участие Касимовские татары (в Касимове сидел тогда царевич Джанай). Война была непродолжительна и кончилась (1508) подтверждением прежнего договора. Однако через несколько лет война снова разгорелась. Московские войска вторглись в Литву в 1512 г. К ним присоединились касимовские татары, которых привел царевич Шейх-Аулияр.[1] Летом 1514 г. был взят Смоленск. Но вслед за тем стоявший во главе литовского войска православный русский князь Константин Острожский нанес московскому войску сильное поражение под Оршею. Война тянулась еще несколько лет без крупных успехов с той или другой стороны. В 1522 г. было заключено временное перемирие; Смоленск остался за Москвою.

Менее удачна была политика Василия по отношению к мусульманскому миру. Василий не сумел удержать союз с Крымом. Менгли-Гирей перешел на сторону Литвы (1512), и с тех пор Крымская орда начала постоянно тревожить границы московского государства.[2] Неудачно складывались и отношения с Казанью. Махмет-Аминь еще в последние месяцы жизни Ивана III предпринял изменнический набег на русские пределы. Василий послал сильную рать под Казань, но русские потерпели два серьезные поражения (весна 1506). После смерти Махмет-Аминя Василий дал казанцам в цари Касимовского царевича Шах-Алия (1519).[3] Это обстоятельство вызвало гнев крымского хана Мухаммед-Гирея, который сам рассчитывал прибрать Казань к рукам. Подстрекаемые крымским ханом казанцы

[1]) Шейх-Аулияр был „братаничем" золотоордынского царя Ахмата.

[2]) Хотя по временам Крымский хан и заключал мирные договоры с Москвой.

[3]) Шах-Али (Шигалей) сидел в Касимове после своего отца Шейх-Аулияра, участника Литовского похода.

свергли Шах-Алия и призвали на царство Сагиб-Гирея (брата крымского хана). Шах-Алий ушел на Русь со своими женами и имуществом. Сагиб-Гирей перебил множество русских, живших в Казани. Василий отвечал военными действиями. В результате похода под Казань русской рати Сагиб-Гирей бежал из Казани, оставив вместо себя на царство своего племянника, Сафа-Гирея (1524). Василий согласился признать Сафа-Гирея под условием, что он будет покорен великому князю. Через несколько лет русская партия среди казанских татар прогнала Сафа-Гирея; казанцы просили у Василия нового царя, только не Шах-Алия. Василий прислал в Казань Шах-Алиева брата, касимовского царевича Джан-Алия (Еналея, 1532).

Разрыв с Крымом и постоянные размолвки с Казанью подвергали русские земли постоянной опасности татарских набегов. Поэтому со времени Василия московским государям приходится тратить громадные усилия на устройство сторожевой службы для охраны южной окраины московского государства. Ежегодно летом высылались войска на „берег" (южную границу московского государства, шедшую по берегу р. Оки). В наиболее опасных местах строили на Оке и за Окою каменные крепости (Зарайск, Тула, Калуга). Кроме сношений с Крымом и Казанью правительство Василия III старалось поддержать сношения и с другими мусульманскими государствами — Астраханью, Ногайскими татарами.

Более отдаленные дипломатические связи с Востоком, завязанные при Иване III, московское правительство видимо начинало терять. В 1532 г. на Москву прибыл посол индийского султана Бабура, купец Ходжа-Хусейн. И вот, дав согласие на установление торговых сношений Москвы с Индией, Василий ничего „не приказал" о „братстве" с Бабуром, на том основании, что нет сведений, принадлежит ли Бабур к независимым государям, и можно ли с ним сноситься как с равным. Между тем султан Бабур (1524—1530), потомок Тимура (по отцу) и Чингис-хана (по матери) был одним из самых могущественных государей своего времени.[1] Очевидно, московская дипломатическая разведка вглубь Азии уже не шла.

---

[1]) Правда, Бабур захватил Дели „изгоном" и не был там наследственным государем. — Бабур умер 21 дек. 1530 г., следовательно путешествие Хаджи-Хусейна из Индии в Москву должно было длиться не менее двух лет.

§ 70. Сношения Ивана III и Василия Ивановича с православным миром.

Со времени приезда Софии Палеолог (§ 65) усилился приток греков на Москву. Многие из них, как сказано, служили Москве в качестве различных мастеров. Другие исполняли дипломатические поручения (Траханиотов). Греки были для Москвы удобнее итальянцев в качестве дипломатических агентов. Зная европейские языки, они в то время часто владели и турецким. Кроме того, грекам не надо было переходить в православную веру, т. к. они были уже своими, православными.[1] Вызван был с Афона в Москву и греческий ученый богослов Максим („Максим Грек"). Максиму был поручен перевод с греческого Толковой псалтири. Максим Грек учился в Париже, Венеции и Флоренции, хорошо знал латинский Запад, но остался тверд в православии. В келью Максима в Симоновом монастыре собиралось много москвичей, желавших побеседовать „о книгах и цареградских обычаях."[2]

Большое значение имели сношения Москвы с Молдавским княжеством. Сношения начались собственно еще с конца XIV в., когда в Молдавию бежал из Орды московский княжич Василий Дмитриевич. Молдавское княжество, часть которого составляли старинные русские земли по рр. Пруту и Серету, было православным и в это время (до турецкого завоевания) по культуре наполовину славяно-русским.[3] Во второй половине XV и начале XVI в. Молдавский воевода и господарь был очень крупной политической фигурой в северо-западном Черноморье (современник Ивана III, Стефан Великий 1457—1504). Отношения между Иваном III и Стефаном Великим были закреплены брачным союзом. Стефан выдал дочь свою Елену за старшего сына Иванова, Ивана Молодого.[4] В 1482 г. боярин Михайло

[1]) Хотя после Флорентийской унии 1439 г. греки и были у нас поставлены под подозрение.

[2]) Постоянными посетителями Максима были представители оппозиции в тогдашнем московском обществе: бояре, недовольные Васильем Ивановичем за его самовластие. За связи с этими людьми Максим посажен был в Тверской Отроч. монастырь (1531), где и находился в заключении почти до самой своей смерти (1556).

[3]) Русский язык был в это время языком государственной канцелярии молдавских князей; акты писались кириллицею.

[4]) Иван Молодой родился от первого брака Ивана III, от тверской княжны Марии Борисовны.

Плещеев отправился за невестой в Молдавию. Брак совершен был в Москве на Крещенье 1483 г.[1] Сношения Москвы с Молдавией продолжались и при Василии Ивановиче. Еще в последний год жизни Василия в Москву приходило молдавское посольство воеводы Петра (1527—1538), которое просило московского великого князя защитить Молдавию от Польши.[2]

ГЛАВА X.

МОСКВА И ЛИТВА В XVI В. (1533—1605).

§ 71. Детство и отрочество Ивана Грозного.

Ивану IV-му было всего три года, когда шестидесятилетним стариком умер его отец Василий Иванович.[3] Править государством должна была мать его, Елена. Елена была энергичной и властолюбивой женщиной; большое внимание Елена уделяла внутренним дворцовым интригам. В правление Елены возобновилась война с Литвою (1534—37). Литве удалось вернуть от Москвы Гомель. Елена скоропостижно скончалась в 1538 г. (говорили, что она была отравлена боярами). После смерти Елены начались раздоры среди боярских кружков, стоявших во главе управления. Сперва верх забрали князья Шуйские, затем осилил князь Бельский, после опять Шуйские. Митрополит не был в состоянии сдерживать боярское своеволие. Сперва Даниил, затем Иоасаф лишились митрополичьей кафедры. После Иоасафа в митрополиты возведен был новгородский архиепископ Макарий. Макарию удалось удержаться на своей кафедре среди разных боярских партий. О юном великом князе бояре не думали. Иван Грозный и брат его Юрий в пышной

---

[1]) Иван Молодой умер в 1490 г. В 1498 г. юный сын его Дмитрий (внук молдавского господаря Стефана) был торжественно венчан в Москве на царство. Однако вслед за тем Иван III наложил опалу на внука Дмитрия и невестку свою Елену.

[2]) Через пять лет после того (в 1538 г.) Молдавия занята была турецким султаном Сулейманом; под турецкой властью Молдавия была защищена от нападений Польши.

[3]) Василий Иванович был женат два раза. Первая жена его Соломония (из боярского рода Сабуровых) была бездетна. Василий заставил Соломонию постричься в монастырь, и женился вторично на княжне Елене Глинской (из рода литовских выходцев). От этого брака и родился Иван Грозный.

(после Ивана III) обстановке дворца росли „яко убожайшая чадь". Шуйские на глазах Ивана тащили из дворца всякую „кузнь" (золото и серебро) и „рухлядь" (меха и ткани).

Иван рос с затаенными чувствами горькой обиды и негодования. Единственно, кто относился сердечно к подраставшему государю, был митрополит Макарий. Митрополит Макарий имел на юного великого князя огромное влияние. Беседы Макария внушили Ивану Васильевичу представление о необычайном величии власти государя. Макарий был человек громадной образованности (в богословском византийском вкусе). Теоретические понятия о необычайной высоте княжеской власти, которые внушены были Ивану митрополитом Макарием, находились в резком противоречии с той приниженностью — в которой в действительности находился юный великий князь. Это противоречие способно было только увеличить ту злобу, которая накоплялась в душе Ивана против окружающих его бояр. Злоба эта дала себя знать впоследствии.

§ 72. Венчание на царство Ивана Грозного.

Когда Ивану исполнилось 16 лет, он решил венчаться на царство. Мысль о венчании на царство должна была прийти ему в голову прежде всего под влиянием бесед с митрополитом Макарием.[1] Но мысль эта была глубоко продумана самим Иваном. Иван умственно развивался не по летам. Иван читал или пересматривал очень многие из рукописных книг громадной библиотеки митрополита Макария. В этих книгах Иван черпал вдохновения византийской политической мудрости — выносил оттуда высокие представления о религиозных задачах царской власти. Византийские церковно-политические идеи своеобразно преломлялись в умах русских образованных людей того времени. Византия была в свое время православным царством. Однако, царство это погибло, рушилось под напором турок. Отчего оно погибло? За грехи своих правителей и народа. Один из грехов этих — измена православию (согласие на церковную унию). Если византийское царство рушилось, это не означает, что православное царство вообще погибло. Православное царство должно существовать. Правда, Визан-

[1]) Не надо забывать, что еще в 1498 г. Иван III венчал на царство своего внука Дмитрия (двоюродного брата Ивана Грозного). См. выше § 70.

тия погибла. Но Константинополь и был уже не первой столицей всемирного царства. Первою столицей был Рим. Константинополь был второю столицей, новым Римом. Но если померкло православие первого Рима, а затем и второго, то это не значит, что погибло самое Православие, а значит только, что оно перешло в новую столицу. На место второго Рима стал третий Рим — Москва. Вместо св. Софии Цареградской, Успенский собор в Москве стал главной святыней православия. Но, если Москва третий Рим, — то во всяком случае уже последний и настоящий: четвертому Риму не быть. Грандиозную идею третьего Рима — переноса православного царства в Москву впервые отчетливо высказал старец Филофей в начале XVI в. Этой идеей проникнут был митрополит Макарий; ею обвеяно было и мировоззрение Ивана Грозного.

Венчаясь на царство, Иван Грозный по ходу своих мыслей становился не русским или московским царем, а православным царем вообще, вселенским царем. Венчание Ивана Грозного на царство произошло 16 янв. 1547 г. в Московском Успенском соборе, утром, перед литургией. Митрополит Макарий возложил на Ивана Васильевича крест, бармы и венец. Через месяц после царского венчания (13 февр. 1547 г.) происходило брачное венчание Ивана Васильевича с боярышней Анастасией Никитишной Романовой-Юрьевой.[1] Иван Васильевич выбрал себе невесту из русских девушек своего царства, а не из чужого государства или владетельного дома, как его отец, дед и прадед. Вероятно, здесь действовали тоже рассказы митрополита Макария о царских византийских обычаях. Выбор Анастасии Никитишны оказался чрезвычайно удачным. Спокойная, высокой нравственности, кроткая и вместе твердая Анастасия оказала на Ивана благодетельное влияние, смягчив его бурный и озлобленный нрав.

Царский венец не был для Ивана Васильевича пустою игрушкой. Царский венец был для него тяжелым и ответственным бременем. Царство означало для Ивана целую программу как внешней политики, так и внутреннего поведения. Внешняя политика — борьба с неверными: мусульманским востоком и латинским западом. Внутреннее поведение: попечительство о мире и порядке в церкви и государстве. В 1550 г. „царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, с своею братьею и с бояры" у л о ж и л и новый Судебник, — как бы новое издание прежнего

[1] Из рода боярина Федора Кошки (см. § 54).

Судебника в сильно расширенном и дополненом виде. В 1551 г. созван был большой церковный собор, известный под именем Стоглава, по числу ста глав, на которые разделены были постановления Собора. На соборе царь выступил с целым рядом вопросов относительно неустройства тогдашней русской церковной жизни. Отцы Собора отвечали на эти царские вопросы, а кроме того уделили большое внимание защите и оправданию церковного землевладения. Собор созван был под влиянием все тех же идей, о величии царской власти. Устроив распорядок гражданской жизни в 100 статьях своего Судебника, царь Иван устраивал теперь жизнь церковную в 100 главах Соборного деяния. Созывая Собор 1551 г., Иван должен был невольно сопоставлять себя с древними православными царями, созывавшими Соборы вселенские, а митрополита Макария ставить на ряду с древними архиепископами и патриархами, возглавлявшими прежние вселенские Соборы. Стоглавый Собор созван был царем и митрополитом в атмосфере религиозного под'ема. Под'ем этот разделялся многими церковными и государственными деятелями тогдашней Руси. Это была одна из причин, почему Собор 1551 г. пользовался на Москве таким высоким авторитетом в XVI—XVII вв.

§ 73. Взятие Казани и Астрахани.

Одновременно с мерами установления государства правды шла усиленная подготовка к тому, чтобы царство это смогло побороть неверных. Царству своему Иван Грозный постарался придать строгое устройство в согласии с военными надобностями. Основной военной силой московского государства была в это время дворянская конница. Иван Грозный решил с'организовать как можно целесообразнее служилый класс, поставлявший эту конницу. В 1550 г. царь выбрал тысячу лучших дворян и детей боярских и „испоместил" их (дал им земли и поместья)[1] около Москвы. Так составился особый полк „московских дворян". Прочие служилые люди были „городовые" (провинциальные). Дворяне каждого города составляли особый отряд. Отряды эти поделены были на „сотни" под начальством „голов". Много внимания уделил Иван и

[1]) В поместье земля давалась лично и под условием несения военной службы; наоборот, вотчина — наследственное имение.

устройству пехоты, вооруженной „пищалями" (ружьями) — стрельцы, а также артиллерии (наряд).

Новая организация войска должна была получить немедленно боевое испытание. На Москве задумано было полное подчинение Казани. Казань доставляла московскому правительству постоянные затруднения. Джан-Али, посаженный в Казань Василием Ивановичем (§ 69), удержался там недолго. В 1535 г. в Казани снова вспыхнул мятеж; Джан-Али был убит; на царство казанское снова призван из Крыма Сафа-Гирей. Тогда на Москве признали казанским царем другого прежнего царя, Шах-Алия. Но посадить его на царство было не так просто. Лишь в 1546 г., испуганные походом московских войск, казанцы изгнали Сафа-Гирея и согласились принять к себе Шах-Алия. Однако Шах-Алию скоро в свою очередь пришлось бежать,[1] и в Казани в третий раз утвердился Сафа-Гирей, пытавшийся упрочить свою власть страшными жестокостями. Сафа-Гирей умер в марте 1549 г., оставив двухлетнего сына, Утямиш-Гирея.

Начиная с 1547 г. Иван Грозный и Шах-Али стали почти ежегодно предпринимать походы под Казань. Казань не удалось сразу взять, но каждый год положение ее становилось все труднее; московские военачальники приобретали лучшее знание местности и бóльшую опытность в казанской войне. В 1551 г. по совету Шах-Алия был построен город Свияжск на правом (горном) берегу Волги в недалеком расстоянии от Казани. Основание Свияжска было началом конца Казани. В Свияжске посажен был Шах-Алий, и к нему начали тайно перебегать влиятельные казанцы московской партии. Вскоре казанцы согласились принять Шах-Алия. Нагорная сторона казанского царства, приписанная к Свияжску, осталась в руках московских воевод. Шах-Алию было приказано из Москвы привести Казань в такую же зависимость от Москвы, в какой находился Касимов. Положение Шах-Алия в Казани было однако очень не прочно; постоянные заговоры против него побудили его с'ехать с престола. Власть в Казани переходила к московским воеводам. Шах-Алий покинул Казань; но прежде чем назначенный наместником в Казань кн. С. Микулинский успел приехать в город, в Казани вспыхнул новый мятеж, и казанцы затворили ворота перед московскими воеводами. Царем в Казань призван был астраханский царевич Ядигар.

[1]) Он получил опять г. Касимов.

Получив известие о новом возмущении в Казани, царь Иван решил покончить с казанской самостоятельностью и прочно подчинить Казанское царство Москве. Поход на Казань был тщательно подготовлен царем Иваном как с военной стороны, так и с дипломатической. В июне 1552 г. в Москве пришлось выдержать набег Крымского хана, стремившегося помочь Казани. По отражении набега начался Казанский поход, в котором видную роль играл Шах-Али. Осада Казани началась 23 авг. 1552 г. Казанцы защищались с мужеством отчаяния. После многих неудачных попыток, Казань была взята приступом (2 октября).[1] Немедленно после падения Казани изъявили покорность Ивану жители Арской стороны, а после — все луговые черемисы. Значительное количество казанских татар приняло православную веру; в 1553 г. (уже в Москве) крестился и последний царь казанский Ядигар, взятый в плен в Казани, и предпоследний царь, Утямиш-Гирей.[2] В 1553 году в Казани учреждена была православная епархия; Казанскому архиепископу подчинены были Свияжск, Васильсурск, Вятка. Первым казанским архиепископом был св. Гурий.

Однако еще в течение нескольких лет московским воеводам приходилось замирять Казанский край и подавлять восстания.[3] Желая прочнее подчинить себе Казанскую землю, московское правительство должно было думать о прочном освоении всего течения Волги. В 1554 г. московскими войсками занята была Астрахань[4]; Астраханский царь Ямгурчей бежал, и на царство посажен был московский ставленник, ранее Ямгурчея правивший царь Дервиш-Али. Однако Дервиш-Али быстро завел сношения с ногайскою и крымскою Ордою и через два года начал войну против Москвы. Войско Дервиш-Алия было разбито отрядом стрелецкого головы Ивана Черемисинова. Дервиш-Али бежал в Азов. Астрахань присоединена была к Московскому царству (1556). Подчинение Казани и Астрахани имело огромные последствия для русского царства. Все По-

[1]) Шах-Али с касимовскими татарами не участвовал в приступе, а назначен был на этот день оберегать тыл русского войска.

[2]) Ядигар получил имя Симеона (Симеон Касаевич — отец его астраханский царь Касим); Утямиш назван был Александром (Александр Сафагиреевич).

[3]) Деятельную роль в подавлении мятежей в Казанской земле играли касимовские татары (царь их Шах-Али оставался дома).

[4]) Астрахань — одно из политических образований, возникших по разложении Золотой Орды.

волжье оказалось в русской власти. Через Каспийское море русское государство оказывалось в непосредственном соседстве с Персией. Часть Прикаспия добровольно присоединилась к русскому государству (черкесские князья по Куме и Тереку). В Ногайской Орде, кочевавшей между Волгой и Аральским морем, произошел благоприятный русским интересам переворот: расположенный к Москве князь Исмаил захватил власть, убив своего брата Юсуфа. В 1555 г. в Москву пришли послы от Сибирского царя Едигера с выражением покорности и обещанием платить дань.[1] Иван Грозный оказывался в положении государя и покровителя мусульманского востока. И такое положение свое в мусульманском мире он вполне сознавал. В 1570 г. посол Ивана, дворянин Новосильцев должен был держать такие речи турецкому султану Селиму: „Мой Государь (т. е. Иван Грозный) не враг мусульманской веры. Слуга его Саин-Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожске, князья Ногайские в Романове".

Занятие Казани и Астрахани имело громадное значение также для торговых и дипломатических сношений России с Востоком. Вскоре после занятия Астрахани, в Москву приехали послы из Хивы и Бухары. В Астрахань собирались купцы со всего Прикаспия (из Шемахи, Дербента и проч.). Астраханская торговля имела в это время значение с одной стороны местное, прикаспийское, с другой — связи с Персией. Более отдаленные восточные связи — с Китаем — в это именно время оборвались, вследствие захвата бухарских и хивинских царств воинственными разбойниками — узбеками. Выгоды Астрахани, как транзитного пути в Туркестан и Персию были быстро учтены англичанами, как раз в это время нашедшими морской путь из Англии в Архангельск (экспедиция Ченслера 1553 г.).[2] В 1558 г. при содействии московского правительства англичанин Дженкинсон ездил из Астрахани по Каспийскому морю и пробрался в Хиву и Бухару.

---

[1]) Позднейшее Сибирское царство входило в число улусов Золотой Орды. Эмансипация Сибири от золотоордынской власти произошла в XV веке. Одно время Сибирское царство было разделено на две части: искерскую и тюменскую (об этом см. подробнее в „Истории Евразии").

[2]) Ченслер плыл с тем, чтобы открыть северный морской путь в Индию.

Завоевание Казани и Астрахани сразу передвинуло южную границу России с Оки на Терек. Восстанавливалось издавнее русское построение государства, обладающего одновременно лесом, степью и южным морем.[1] Но по сравнению с Русью Киевской и Тмутороканской вся комбинация передвинулась к востоку, развернулась по линии не Днепра и Дона, а Волги. Однако и Дон в это время также был захвачен русской колонизацией, но не Московским государством, а казаками. Казаки именно теперь начинают играть крупную роль в развитии русского исторического процесса. На окраинах русских земель с XVI в. стали организовываться группы вооруженных вольных людей, уходивших в степь для рыбного и звериного промысла. Продвигаясь все дальше к югу, эти вольные люди — „казаки" в первой половине XVI в. осаживаются по Дону (а позже — по Волге и Яику), строят там свои городки и „зимовища", и постоянно пополняются притоком населения из пограничных русских земель, которое идет на Дон, спасаясь от государственного „тягла", а затем — крепостной неволи.[2]

Начиная со второй половины XV века и особенно в XVI веке о казаках упоминается довольно часто. В XVI веке на Москве звали казаками всяких вольных гулящих людей. В 1538 г., отвечая на жалобы ногайского мурзы, из Москвы писали: „на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни — казаки; а и наших украини казаки с ними смешавшись ходят, и те люди как вам тати, так и нам тати". Первое известие собственно о донском казачестве находится в жалобе ногайского князя Юсуфа, который писал в 1549 г. Ивану Грозному, что его, Ивана, „казаки севрюки, которые на Дону стоят" учинили грабеж татарским купцам; Юсуф также пишет, что казаки эти „на Дону в трех и четырех местах города поделали".

---

[1] Первое время по завоевании Астрахани русская власть в Поволжье ниже Казани ограничивалась, главным образом, рядом опорных пунктов вдоль течения Волги.

[2] Такие вольные военно-промышленные ватаги образовывались и в древней Руси на окраинах, между Русью и турецкими степняками (берладники, бродники). В XIII—XIV в. в. при полном подчинении русских земель Орде время было неблагоприятно для развития подобных вольных общин. Но после возобновления борьбы со степью, опять появляются и такие пограничники, ныне прямо называемые „казаками".

Казачье государство на Дону было с самого начала народоправством: все дела решались на „круге". Донское казачество во второй половине XVI в. жило вполне самостоятельною жизнью и потому может представляться особым государством. Однако, государство это находилось уже и тогда в орбите Москвы, так же, как организовавшееся немного позже запорожское казачество шло в орбите Польши. Для всех окрестных государей — одинаково для турецкого султана и ногайского князя, казаки были подданными московского царя. Мусульманские соседи донских казаков искали управы на них в Москве.

§ 75. Опричнина.

В 1560 г. скончалась молодая жена царя Ивана Анастасия Романовна. С ее смертью некому стало сдерживать бешенный нрав царя. Царь Иван при жизни Анастасии, и тот же царь Иван после смерти Анастасии — как бы два разных характера. В то время, как умственные дарования царя Ивана остаются при нем в полном блеске, нравственный облик его совершенно меняется. Иван дает волю загнанным при Анастасии вглубь чувствам подозрительности и обиды на окружающих бояр. Раздражение царя против бояр прорвалось теперь наружу. Раздражение царя перешло в неистовство, когда ему изменил — бежал в Литву — один из прежних его ближайших советников — кн. А. М. Курбский.[1]

В этой обстановке подозрительности и террора зародилось явление „опричнины", сочетавшей в себе глубокий государственный смысл с разнузданной жестокостью против действительных и мнимых крамольников. Грозный для врагов внешних, Иван с этого времени становится Грозным и для внутренних. В конце 1564 г. Иван неожиданно и тайно выехал из Москвы и остановился в Александровской Слободе (за Троицко-Сергиевой Лаврой). Оттуда от него пришла в Москву грамота с извещением, что он бросил царство из-за боярской измены. В ответ в Александровскую Слободу пришло посольство от перепуганных москвичей с просьбою остаться на царстве. Иван согласился на условии предоставления ему исклю-

[1] Отъезд кн. Курбского в Литву не казался бы изменой в XIV в., когда бояре свободно переходили от одного русского князя к другому. Но прежние понятия были для XVI века уже анахронизмом.

чительной власти и полномочий по преследованию крамолы. При этом Иван выходил из круга привычной боярской государственности и об'являл о своем желании „двор сму себе и на весь свой обиход учинити особный." Смысл „опричины", особого удела, заключался именно в том, что Иван мог на этом уделе жить совершенно новой жизнью. В этот „двор" не были допущены „изменники-бояре": Иван подобрал себе окружение из младших служилых людей — дворян и детей боярских, не считаясь с родовитостью и знатностью.[1] Уйдя таким образом из государства, Иван со стороны беспрепятственно начал расправляться со всеми, кого подозревал в измене (главным образом боярами и княжатами). Начались казни заподозренных (казнили не десятками, а сотнями). В 1570 г. подвергся разорению целый город — Великий Новгород. Казни губили отдельных лиц; но Ивану удалось подорвать целые роды московской княжеской и боярской знати своими социально-экономическими распоряжениями. Иван постепенно взял в опричину все города и уезды, где были удельные вотчины бояр и „княжат." Старых владельцев выводили на новые места, в заселявшиеся окраины государства, где не было старых традиций удельной власти. Отобранные земли их шли в раздачу новым людям — государевым опричникам. Так Иван Грозный разрушал прежнюю социально-государственную ткань русской земли (удельно-боярский строй) и создавал новую (дворянский строй). Новому своему „двору" Иван придал организацию „монастыря": опричники были „братией" этого монастыря, ходили в черных платьях. Усиленные богомолья сменялись пирами и оргиями.[2]

Опричнина бушевала в Московском государстве около семи лет. Ближайшие цели ее были достигнуты: аристократическое боярство сломлено. Дальнейшее существование опричины грозило слишком большими осложнениями всему государственному порядку. Опричина справилась с внутренней крамолой, но была бессильна без помощи земщины справиться с внешним врагом. В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей смог пройти до самой Москвы, потрабил город и зажег его. В 1572 году Девлет-Гирей повторил набег. Для отражения его пришлось

[1] Попадали в опричный двор и иностранные офицеры, вроде Генриха Штадена, оставившего записки об опричине (недавно найденные).

[2] Митрополит Филипп, обличавший нравы опричного двора, был низложен с митрополии (а затем задушен Малютою Скуратовым).

собрать все силы государства. Кн. М. И. Воротынский разбил Девлет-Гирея на р. Лопасне.

После этих событий наступил перелом в истории опричнины. Началась реакция. Земским людям, у которых были прежде отобраны вотчины, эти вотчины теперь были возвращены.[1] Опричникам взамен давались в поместья другие земли. Часть опричнины была распущена. Однако, опричнина не была упразднена сразу. Иван Грозный остался еще некоторое время на опричном уделе. Но был поставлен (в 1575 г.) и великий князь всея Руси — Симеон Бекбулатович. Симеон Бекбулатович был правнуком золотоордынского хана Ахмата. Отец Симеона, царевич Бек-Булат, приехал на Русь в 1562 г. Симеон обратился в православие лишь в 1573 г. До того он был мусульманином и назывался Саин-Булат.[2] Саин-Булат был Касимовским царем по смерти Шах-Алия (который умер в 1567 г.). В качестве Касимовского царя Саин-Булат находился в положении как бы среднем между земскими и опричными боярами. Царь Иван был доволен его службой и к нему благоволил. Но и с земскими боярами у Саин-Булата были вероятно хорошие отношения, завязавшиеся во время Эстонской войны (см. ниже § 77). Приняв православие Симеон Бекбулатович женился на княжне И. Мстиславской (дочери кн. Ив. Фед. Мстиславского). Крестившись в православную веру, Симеон Бекбулатович утратил права на Касимовское царство, которое давалось исключительно мусульманам. Как бывший царь (Касимовский) и царевич Ахматова рода Симеон Бекбулатович не мог не удовлетворить бояр и князей своею знатностью; и вместе он происходил не из среды бояр — „княжат", столь ненавистных Ивану Грозному. Великое княжение Симеона Бекбулатовича на Руси продолжалось однако не больше года. Вслед затем царь Иван свел Симеона с великого княжения в г. Тверь.[3]

§ 76. Люблинская уния.

Хотя уния Польши и Литвы в первый раз заключена была еще в конце XIV в., тем не менее отношения между двумя государствами в действительности долго продолжали оставаться

[1]) Тем, кто остался в живых.

[2]) Этим Саин-Булатом Иван и хвастал в 1570 г. турецкому султану, говоря о мусульманских царях подвластных Москве (см. выше стр. 135).

[3]) Симеон Бекбулатович умер в 1616 г. монахом под именем Стефана.

неопределенными. Большее или меньшее сближение или расхождение Польши и Литвы об'яснялось целым рядом условий внутренней и внешней политики каждого государства и наличия во главе того или иного государства достаточно энергичного правителя. При Витовте (в конце XIV и в начале XV вв.) Литва, казалось, должна была превратиться в государство совершенно независимое от Польши, и скорее можно было предвидеть гегемонию Литвы над Польшей. Но после Витовта могущество Литвы стало падать. Внутри Литовского государства все более крепло польско-латинское влияние, особенно в среде землевладельческой знати. Влияние это получало опору в личных связях людей, близких ко двору великого князя, т. к. почти все время во второй половине XV в. и первой половине XVI в. великий князь литовский одновременно был и польским королем. Так, великий князь Казимир Ягайлович (1440—1492) был избран польским королем через несколько лет после того, как он занял литовский престол (в 1445); сын его Александр Казимирович избран был литовским великим князем после смерти отца (1492), через десять лет после того и польским королем (1501); сменивший по смерти его (1506) брат, Сигизмунд Казимирович был почти одновременно выбран и великим князем Литовским и королем Польским. Сын этого Сигизмунда, Сигизмунд Август, был литовским сеймом пред'избран на великое княжение в 1522 г., а в 1530 г. польский сейм пред'избрал его королем Польским.

Укрепив пред'избранием Сигизмунда Августа личную унию Польши и Литвы, польские, а также и некоторые литовские государственные люди стремились наладить более прочную государственную связь между Польшей и Литвой. В Литве были два круга лиц, враждебно настроенных по отношению к мысли о дальнейшем сближении с Польшей. Во-первых, крупные литовские вельможи, настоящие удельные князья по размерам своих владений, боялись сближения с польской шляхетской демократией.[1] Во-вторых, православные, которые боялись стеснения своей религиозной свободы со стороны латинства. Предположенное при Ягайле насильственное обращение всей литовской знати в латинство не удалось в полном размере.

[1]) Демократией Польшу того времени можно условно назвать применительно только к тогдашнему польскому „народу" в политическом смысле слова, т. е. шляхте. Крестьяне в Польше политических прав не имели, мещане (жители городов) имели очень ограниченные права.

Православные отчасти помогли Витовту в его стремлениях отделиться от Польши; православные поддерживали в 1430-х годах князя Свидригайла. Тем не менее попытки стеснить православие заметны и у следующих польских государей.[1] Однако в середине XVI в. напор латинства в Польше ослабел под влиянием быстрых успехов протестантизма. Многие литовские вельможи приняли лютеранство. Через красавицу Варвару Гаштольд (урожденную Радивил) влияние протестанства дошло и до Сигизмунда-Августа.[2] Польско-литовское общество сделалось менее аггрессивным в религиозном отношении. Латинство перестало казаться для православных столь страшной силой. Установившаяся практически в Польше и Литве веротерпимость делала союз с Польшей менее страшным, чем прежде, для православной литовско-русской знати. Между тем усиливалась внешняя опасность для Литвы — со стороны Московского государства. Литва не могла выдержать натиска московских войск при Иване III; при Василии III московские войска были разбиты литовско-русской ратью кн. Острожского, но эта победа не вернула Литве Смоленска. С 1559 г. начался новый натиск Москвы. В 1562 г. московские войска вторглись в Белоруссию. Тогда же литовская шляхта, собравшись под Витебском, решила добиваться унии с Польшей, в надежде, что Польша поможет защититься от Москвы. В следующем году военное положение стало еще более серьезным: царь Иван Грозный взял Полоцк (15 фев. 1563 г., ср. ниже § 77). Непосредственная опасность для Литвы была отсрочена поражением, которое нанес московской рати Радивил на р. Уле (1564). Тем не менее опасность казалась неминуема. Известия о жестокостях Грозного против бояр и об учреждении опричины вселили в это время особенный ужас перед московским владычеством в души литовско-русских князей и панов.

При таком настроении литовско-русского общества созван был в 1569 г. общий польско-литовский сейм в Люблине. Уже перед созывом сейма ясно было, что Польша постарается использовать политический момент и добьется чрезвычайных выгод от унии. Король Сигизмунд-Август и значительная часть литовско-русской знати восприняли польскую точку зрения.

---

[1]) Так, Казимиром в 1481 г. издан был указ о запрещении православным строить новые и подновлять старые храмы.

[2]) Отец Сигизмунда-Августа, Сигизмунд Казимирович, умер в 1548 г.

Уния заключена была на условиях чрезвычайно невыгодных для Литвы. Еще до окончательного соглашения об унии половина литовских земель, при том самая лучшая, была отрезана от Княжества (Литовского) и включена в Корону (Польшу). Еще в марте 1569 г. состоялся универсал короля о „возвращении" Короне Подляшья и Волыни, а в июне дан привилей о „возвращении" Короне также Киевской земли и Брацлавского воеводства. 1 июля 1569 г. заключено было и соглашение об унии. Польша и Литва должны были иметь одного общего государя (выбирать нового государя сообща), общий сенат (панов-раду), общий сейм. Но в каждом государстве оставались свои особые войска, особые „уряды" (должности) и законы.[1] Литовско-русские земли поставлены были в тесную связь с Польским Королевством, но не были просто „втелены" (инкорпорированы) в состав Польши.[2]

§ 77. Ливонская война и конец царствования Ивана Грозного.

Как было сказано (§ 73), после взятия Казани и Астрахани чрезвычайно усилился интерес европейцев к Москве, как станции на торговом пути из Европы на Восток и вглубь Азии. Англичане завязали сношения с Москвой через Белое море. Московские торговые круги желали однако пробиться и к Балтийскому морю, чтобы иметь возможность беспрепятственных торговых сношений с немецким западом. Между Москвой и Балтийским морем находились владения Ливонского Ордена.[3] Ливония ставила постоянные препятствия русским людям, когда они шли к морю, а иностранцам, когда они шли на Русь. Иван Грозный потребовал от Ордена уплаты дани Москве. Орден согласился, но не выплатил дани в срок. Тогда московские войска вошли в Ливонию (начало 1558 г.). Во главе всех московских войск поставлен был б. Казанский (Касимовский) царь Шах-Али. С ним были еще татарские царевичи Абдулла и Тохтамыш. Поход Шах-Алия в Ливонию был успешен; немцы

[1]) „Литовский Статут" первый раз был составлен в 1529 г., при чем восприняты были и развиты многие начала старинного русского законодательства (Русской Правды); затем перерабатывался и дополнялся еще два раза — в 1566 г. (перед Люблинским сеймом) и в 1588 г.

[2]) Даже включенные в Корону области, как Волынь, сохранили свои местные права и привилегии.

[3]) Приблизительно в размерах нынешней Латвии и Эстонии.

потерпели несколько поражений. Русско-татарские войска дошли почти до Ревеля и Риги и страшно опустошили весь край. Шах-Али вернулся в Москву, а потом в Касимов осенью того же 1558 г. В следующем году (1559) московскими войсками командовали царевич Тохтамыш и князь С. И. Микулинский. Поход также был успешен (московские войска прошли на этот раз в Курляндию). В кампанию 1560 г. начальствовал над московскими войсками кн. А. М. Курбский (касимовские татары были под его начальством); в этот поход взята была сильная ливонская крепость Феллин.

Тремя походами сопротивление Ливонии было сломлено. Ливонские рыцари не желали однако подчиниться иноверной и иноплеменной Москве. Ливония по частям отдавалась в руки своих не-русских соседей (1560—1561). Ливонский Орден распался: магистр Ордена Кеттлер превратился в герцога Курляндского и сделал Курляндию польским владением (леном); Ливония собственно (Лифляндия) — заключила унию с великим княжеством Литовским; Эстония отдалась Швеции; о. Эзель признал власть датского герцога Магнуса. Литва и Швеция, сделавшись обладателями ливонских земель, потребовали от Грозного, чтобы русские войска ушли из ливонских владений. Грозный отказал; Швеция и Литва об'явили войну Москве. Швеция была для Ивана Грозного второстепенным противником, т. к. главный театр войны был для него первое время не в Эстонии, а в Ливонии, и потому главным противником была Литва. Царь Шах-Али послан был в Смоленск во главе значительного русско-татарского войска (1562). Царь Иван пошел осенью 1562 г. на Полоцк. При нем находились оба крещеных казанских царя: Симеон Касаевич (Ядигар) и Александр Сафагиреевич (Утямиш). Полоцк был взят 15 февраля 1563 г. В следующем году (1564) цари Шах-Али и Симеон Касаевич стояли в Вязьме, подготовляя поход на Литву в направлении от Смоленска. На другом — полоцком — направлении русская рать потерпела страшное поражение на Чашницких полях на р. Уле; главный русский воевода кн. П. И. Шуйский погиб в бою. Неудача на Уле не остановила продвижения русских войск, и Литва предложила Ивану Грозному мир, соглашаясь уступить Москве Полоцк. В 1566 г. Иван Грозный собрал в Москве земский собор из сведущих служилых и торговых людей. Собор высказался за продолжение войны. Война продолжалась с перевесом в сторону Москвы. В начале 1570-х

годов Грозный обратил внимание на Эстонию. Особенно успешен был поход 1572—73 г. г. под личным руководством Грозного. При Грозном находился и молодой касимовский царь Саин-Булат (будущий Симеон Бекбулатович). Русскими взята была важная крепость Пайда (Вейссенштейн).

Между тем в Литве произошли важные перемены. В 1569 г. заключена была в Люблине уния с Польшей. Последствия сказались не сразу, но все же не могли не сказаться. В 1572 г. умер Сигизмунд-Август: после кратковременного государствования французского принца Генриха на польский и литовский престол был избран Седмиградский воевода Стефан Баторий, обладавший выдающимся военным талантом (1576). Еще в 1577 г. Иван Грозный совершил поход в Ливонию — один из самых удачных своих походов.[1] Но уже в 1578 г. наметился поворот войны: русские войска были разбиты под Венденом в Лифляндии. Начался натиск Стефана Батория на русские пределы. Баторий взял обратно Полоцк, затем важную московскую крепость Великие Луки и этим отрезал Москву от прямого сообщения с Псковом и Лифляндией. Вслед за тем Баторий осадил Псков (1581), но не смог взять его, несмотря на все усилия. В следующем году (1582) было заключено на десять лет перемирие между Москвою и Литвой. Иван Грозный должен был отказаться от Лифляндии и всех своих завоеваний в Литве. Это была настоящая катастрофа. Пока все силы Москвы отвлечены были обороной от Батория, шведы не только успели отобрать взятые русскими эстонские города, но заняли также несколько коренных русских городов: Ям, Копорье, Корелу (Кексгольм). По миру 1583 г. Москва потеряла Ижорскую землю и совершенно отрезана была от Финского залива.

§ 78. Засечная черта.

Ливонская война должна была поглотить чуть не все силы русского государства во вторую половину царствования Грозного. Между тем в это же время пришлось справляться с другой задачей, не менее тяжелой и ответственной. Со времени разрыва Василия Ивановича с Крымским ханом, южная граница московского государства находилась под угрозой постоянного

[1] Как и в предыдущих важных походах, с ним был и на этот раз касимовский царевич (Мустафа-Али).

нападения крымцев. При Иване Грозном крымский хан и верховный его повелитель турецкий султан были очень обеспокоены тем обстоятельством, что Москве досталась Астрахань, и строили постоянные планы отобрания Астрахани и похода на Москву. Поход на Москву крымский хан Девлет-Гирей предпринял в 1571 г. Ему удалось дойти до самой Москвы, сжечь ее и пограбить. Однако в следующем году Девлет-Гирей потерпел поражение от русского воеводы кн. М. И. Воротынского (ср. выше § 75). Для защиты от татарских нападений московское правительство должно было улучшить начатое при Василии Ивановиче сложное и тяжелое дело организации сторожевой службы. При Василии Ивановиче основной линией обороны являлся берег р. Оки, и лишь немногие крепости поставлены были южнее Оки. При Иване Грозном эта линия уже устарела. После взятия Казани и Астрахани началась усиленная народная колонизация как Поволжья, так и „дикого поля", лежавшего к югу от среднего течения р. Оки. Новую систему укреплений нужно было сообразовать с наличием русского населения в „поле". Основную укрепленную линию городов пришлось выдвинуть к югу от Оки. (Новгород Северск — Орел — Новосиль — Данков — Ряжск — Шацк — Радом — Темников — Алатырь). Эти передние „украинные города" были соединены более мелкими укреплениями, валами в открытом поле, засеками в лесах. Так образовалась „засечная черта". К югу от главной черты строились передовые укрепления и города. Каждый год для наблюдения за степью приходилось высылать на юг усиленные отряды войск. Сторожевая служба становилась все тяжелее и требовала все больше людей и средств.

§ 79. Прикрепление крестьян.

Широкая политика Грозного превратила московское государство в настоящий вооруженный лагерь огромных размеров. Одновременная борьба на различных фронтах требовала невероятного напряжения всех народных сил.

Не полагаясь на прежнее строение социально-государственной ткани, Грозный начал переделывать ее на новый лад (опричнина). Мероприятия Грозного усиливали служилый класс в государстве, приспособляя его к новым задачам; но вместе с тем опричнина хватала через край и способна была вызвать прямую смуту. Как было сказано, Грозный принужден был

в начале 1570-х годов отказаться от крайностей опричнины. Грозный однако не мог и не хотел отказаться от всей своей системы организации служилого класса и обеспечения его земельным жалованием (поместьями). Жизнь требовала дальнейшего углубления этой системы. Строгая организация служилых чинов получала смысл и прочное основание лишь при твердой экономической подпочве. Поместья служилых людей способны были обеспечить своих владельцев и снарядить их на военную службу лишь при том условии, чтоб это не были пустые земли. Необходимо было обеспечить эти земли людьми, которые сидели бы на них и их обрабатывали. Так рождалась мысль о прикреплении крестьян к земле, подобно тому, как держатели этой земли прикреплены к службе. Правительство Грозного не решилось на окончательное провозглашение крестьянской крепости. Но оно подошло близко к этой мере. Почти до самого конца Ливонской войны крестьяне могли раз в году (обычно в осенний Юрьев день, 26 ноября) „отказываться" от владельцев земли, где они сидели, и переходить к другим. В случаях задолженности крестьянина владельцу, (это было очень распространенное бытовое явление) крестьянский выход заменялся „вывозом": крестьянин переходил к тому владельцу, который откупал его от предыдущего. В самом конце Ливонской войны московское правительство начало стеснять выход и вывоз крестьян. Правительство не отменяло навсегда права перехода крестьян, но об'являло некоторые года „заповедными": переход крестьян в такие года был запрещен.[1] Первым заповедным годом об'явлен был год 1581.

§ 80. Царь Федор Иванович.

Царь Иван Грозный умер в марте 1584 г. За два года перед смертью он, в ссоре, убил посохом своего старшего сына Ивана. Наследником остался второй сын, Федор. Федор Иванович был хилым и болезненным человеком, не от мира сего, доброй и кроткой души. Он был полной противоположностью своему Грозному отцу. Между тем перемена государя почти не почувствовалась в текущих делах управления, внутренней и внешней политики. Властный и неумолимый ход вещей требовал, чтобы государственная жизнь продолжалась в том же

[1]) За поведные годы могли сменяться „государевыми выходными" годами.

духе, как ее направил Грозный; после смерти Грозного остались государственные деятели, которые собственно и руководили государственной машиной. То были бояре Никита Романович Захарьин-Юрьев (брат первой жены Грозного) и Борис Федорович Годунов. Они и управляли царством по смерти Грозного. Никита Романович скоро умер; у кормила власти остался один Годунов. Годунов был потомком мурзы Чета, приехавшего в Москву во времена Ивана Калиты. Годунов обладал крупным умом и большой твердостью. С конца 1580-х годов положение Годунова совершенно упрочилось; он официально был назначен „правителем" (а также получил титулы „слуги" и „конюшего боярина" — высшие московские титулы того времени).

Годунов продолжал внутреннюю политику Грозного, хотя и без его крайностей. Высшая боярская и княжеская знать жила в постоянном страхе опалы и ссылки. Средние и низшие служилые чины, наоборот, составляли постоянный предмет правительственных попечений и забот. Продолжалась подготовка полного крестьянского закрепощения. Около 1592 г. составлены были повсеместно новые писцовые книги; перепись крестьян еще более затруднила их передвижение.[1]

Внешняя политика протекала также в рамках намеченных Грозным. Война со Швецией вернула Москве Ижорскую землю и Корелию (1595); т. о. было достигнуто исходное положение Ливонской войны подобно тому, как это было по отношению к Литве.

Усиленно продолжалось строительство укрепленных городов в Диком Поле (в 1586 г. — Ливны, Воронеж; в 1593 г. — Оскол, Валуйки и др.) и Поволжье (в 1586 г. — Самара, в 1590 г. — Саратов); в башкирском Приуралье поставлен был г. Уфа (в 1586 г.). Несмотря на все эти меры предосторожности, крымский хан в 1591 г. смог дойти опять до самой Москвы, но ушел ни с чем.

Большое значение для московского царства имело завоевание Сибири. Несмотря на то, что Сибирское татарское царство (в пределах позднейшей Тобольской губернии) просило Москву о принятии его под высокую руку русского царя уже вскоре после присоединения к Москве Астрахани (см. § 73), дело не пошло дальше обещаний покорности со стороны Сибирского

[1] В 1597 г. состоялся указ, чтобы давать суд владельцам только на тех беглых крестьян, которые выбежали позже 1592 года.

царя. Сибирские татары не только не подчинились Москве, но начали нападать на Пермский край, где заводили свои промыслы торговые люди Строгановы. В 1573 г. царевич Маметкул (сын Сибирского царя Кучума[1]) убил московского посланника, шедшего в Киргиз-Кайсацкую Орду. После этого царь Иван Грозный разрешил Строгановым вести войну против сибирских татар. С этой целью Строгановы пригласили с Волги ватагу казаков, во главе которой был атаман Ермак Тимофеевич. Ермак предпринял смелый поход против Сибирского царя Кучума с ничтожными силами (у Ермака было всего 840 человек). Неравенство сил до известной степени уравновешивалось тем, что казаки вооружены были огнестрельным оружием (пищалями), которого в Сибири не имели. Ермак взял Кучумову столицу Искер (на Иртыше). Отряд Ермака был однако захвачен ночью врасплох татарами и разбит (сам Ермак утонул). В царствование Федора Ивановича (по инициативе Бориса Годунова) дело Строгановых и Ермака было взято в руки правительства. Одновременно с приступом к постройке упомянутых выше городов в „Диком Поле", Поволжье и Приуралье — в Сибирь был двинут отряд под начальством воеводы Мансурова. Мансуров проник вглубь Сибири вдоль течения рек Туры и Тобола. Московские войска прочно заняли Сибирское царство (позднейшую Тобольскую губернию, т. е. нижнее течение р. Иртыша и среднее и нижнее течение р. Оби). В Сибири поставлено было несколько городов (в 1587 г. Тобольск, затем Березов, Пелым, Сургут, Нарым и др.).

§ 81. Учреждение патриаршества в России.

Идеи православного царства и третьего Рима не были на Москве случайною вспышкою. Идеи эти составляли главное содержание московской политической философии всего XVI века. В 1560-х годах по благословению митрополита Макария и при ближайшем участии царского духовника Андрея (Афанасия) составлена была так называемая „Книга степенная царского родословия, иже в русской земли в благочестии просиявших богоутвержденных скиптродержателей". Степенная

[1]) По смерти царя Едигера (см. выше), Кучум об'единил под своей властью искерскую и тюменскую части Сибирского царства.

книга — московская философия истории или вернее философская история России. Это не была отвлеченная безжизненная схема: философия Степенной Книги тесно связана с жизнью: она положена была в основу московского политического мировоззрения и политического делания (так же, как в XIX и XX вв. философия экономического материализма положена была в основу мировоззрения и делания большинства социалистических партий). Вся история России понята в Степенной Книге, как история установления православного царства. Русский народ представлялся авторам Степенной Книги народом исключительным, единственным (Русь — новый Израиль); история русского народа имеет вселенское значение.

В православном царстве, как его представляли себе еще в Византии, должно было быть две главы — царь и патриарх. Царь на Москве был со времени венчания Грозного на царство. Но патриарха не было, роль его выполнял митрополит. Заветной мечтой русских людей было добиться установления патриаршества на Москве. Для этого нужно было согласие восточных патриархов. На Москве вели по этому поводу переговоры с антиохийским патриархом Иоакимом (приезжавшим за милостыней в Москву в 1586 г.), а затем с константинопольским патриархом Иеремиею (приехавшим в Москву в 1588 г.). Московское правительство предложило самому Иеремии остаться на Руси патриархом. Иеремия согласился. Однако, в кругах высшего московского духовенства не расположены были подчиниться чужаку. В виде компромиса, Иеремии предложили жить не на Москве, а во Владимире. Иеремия от этого отказался и в конце концов должен был согласиться поставить на Русь особого патриарха — московского митрополита Иова (1589). В следующем году собор восточных патриархов в Константинополе утвердил действия Иеремии; патриарха Московского и всея Руси постановлено было считать в ряду патриархов на последнем (пятом) месте.[1] После возведения московского митрополита в сан патриарха, четыре русских епископа возведены были в сан митрополита (Новгородский, Казанский, Ростовский, Крутицкий).[2]

---

[1]) После отпадения Рима порядок патриарших столов был такой: Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим.

[2]) Крутицкий митрополит — бывший епископ Сарский и Подонский (а ранее Сарайский).

Вторая половина XVI в. в истории Европы замечательна новым под'емом латинства, т. н. „католической реакцией." Воинствующее латинство получило новую организацию в виде ордена иезуитов. Иезуитам удалось добиться прочных успехов латинства во многих странах, где латинство казалось совсем ослабленным и готовым сдаться лютеранству. В числе этих стран была и Польша. Настроение польского общества во вторую половину XVI в. несравнимо с настроением этого общества в первую половину XVI в. Иезуиты быстро взяли в свои руки дело латинской пропаганды и начали энергичную борьбу с лютеранством. Иезуитам удалось вызвать в польском обществе под'ем религиозного чувства. Этот внутренний под'ем шел в ногу с под'емом внешним — успехами Стефана Батория против Москвы. Баторий усердно покровительствовал иезуитам и считал, что деятельность их чрезвычайно содействует энергичной внешней политике Польско-Литовского государства против Москвы. От борьбы с протестантизмом иезуиты обратились к борьбе с православием. Положение православия в Польше сделалось чрезвычайно тяжелым. Государственная уния Литвы с Польшей заключена была, как указано выше, в такое время, когда литовско-русская православная знать не имела оснований опасаться религиозных притеснений со стороны Польши. Но после победы иезуитов в Польше полоса таких притеснений была неизбежна. Внутреннее устройство православной церкви в Польше и Литве было чревато осложнениями.

Государственная власть вмешивалась в назначение иерархов с точки зрения интересов не православия, а Польско-Литовского государства. Король утверждал епископами не лучших православных людей, а часто — худших. Высшая церковная власть — Константинопольский патриарх — была далеко и бессильна защитить своих подчиненных. Защита православной церкви была предоставлена самодеятельности мирян. Такими мирянами были отчасти устоявшие в православии паны (как кн. Острожские), а главным образом мещане больших городов, которые стали образовывать союзы — „братства" для поддержания церкви (во Львове, Вильне и др. городах). Князья Острожские жертвовали большие деньги на церковные дела, создали у себя типографию для печатания цер-

ковных книг. Во второй половине XVI в. жил и действовал кн. К. К. Острожский.[1] Православные епископы недовольны были чрезмерным вмешательством мирян в церковные дела и недостаточным уважением мирян к духовному сану. Роковое значение имела ссора луцкого владыки Кирилла (Терлецкого) с кн. Острожским. Один из острожских замковых урядников (чиновников) обидел епископа Кирилла, а кн. Острожский покрыл обидчика. После того Луцкий епископ, согласившись с Львовским епископом Гедеоном (который был в ссоре с Львовским братством) предприняли решительные шаги, чтобы освободиться от вмешательства мирян. Собравшись на собор в Берестье (Бресте) в 1591 г. западно-русские православные епископы по инициативе Кирилла и Гедеона обратились к королю Сигизмунду III с жалобой на вмешательство „овечек" (мирян) в дела пастырские. Кроме того Кирилл и Гедеон подали королю тайное заявление, что они готовы принять власть папы. В конце 1594 г. несколько епископов подписали акт о желательности церковной унии (инициаторами были Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей, новый волынский епископ). В конце 1595 г. Кирилл и Ипатий были приняты в Риме папою Климентом VIII. После их возвращения, король издал манифест о соединении церквей и назначил церковный собор в Берестье.

Собор в Берестье состоялся в октябре 1596 г. Сразу обнаружилась непримиримость православных и униатов. Православные должны были отколоться и образовали особый собор (из двух „кол": духовенства и мирян). Опомнившийся Гедеон Львовский был теперь главным ритором православного собора. Униаты вынесли свое постановление о подчинении папе, православные свое — о неподчинении. По существу т. о. было в Берестье в 1596 г. не один, а два церковных собора. Каждый вынес свое решение. Получилась не уния, а разделение западно-русской церкви на униатскую и православную. Но в глазах короля и правительства, как польского, так и литовского, официальное значение имел только униатский Берестейский собор. Основываясь на его постановлениях, король мог после того повести ожесточенную борьбу с православной церковью.

---

[1]) Отец его кн. К. И. Острожский (умер в 1530 г.) пользовался также славой покровителя православия. Это тот самый Острожский, который разбил московское войско под Оршею в 1514 г.

§ 83. Борис Годунов.

Царь Феодор Иванович умер в 1598 г. Детей после него не осталось. Т. о. со смертью его кончилась династия Владимира Святого.[1] Тогдашнему русскому политическому сознанию трудно было примириться с мыслью о прекращении династии. Привычно было представление о вотчинном характере власти государя. Государство, оставшееся без государя, мыслилось как частное имущество, оставшееся без хозяина. Хозяина надо было искать среди наследников. Не было детей и братьев, надо было искать других родственников. Старались, конечно, подыскать таких людей, которые стояли и без того близко к государственным делам. Нашли двух подходящих кандидатов. Это были: двоюродный брат Феодора Ивановича (по матери), молодой боярин Федор Никитич Романов, и шурин Феодора Ивановича, боярин Борис Феодорович Годунов, „слуга" и „правитель царства."[2]

Для решения вопроса созван был земский собор из служилых и торговых чинов. Собор избрал на царство Бориса Федоровича Годунова. Так как Борис Годунов правил государством уже при Федоре, то избрание его на царство не меняло установленного хода государственных дел. Продолжалось с одной стороны прикрепление крестьян (как исключение, об'явлены были незаповедными годами лишь годы 1601 и 1602), с другой стороны — держание в немилости боярской знати.[3] Таким образом, стремясь устроить государство при помощи крепкой организации средины тогдашнего московского общества, Борис давил на верхи и низы общества. В тех и других установленный Борисом государственный порядок нашел своих врагов. Враги эти однако вряд ли смогли бы представить се-

[1]) Младший брат Феодора Ивановича, царевич Дмитрий, был зарезан (или зарезался сам в припадке падучей) в 1591 г. в Угличе. Царевич Дмитрий был сын пятой венчанной жены Ивана Грозного (т. е. родился от брака, канонически недействительного). Участие Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия (если то действительно было убийство, а не самоубийство) отнюдь нельзя считать доказанным.

[2]) Вероятно, серьезные права на царство имел бы бывший „князь всея Руси" Симеон Бекбулатович. Но к этому времени он уже ослеп (молва обвиняла Бориса Годунова в его ослеплении).

[3]) Из борьбы Бориса с родовитым боярством нужно отметить ссылку бояр Романовых (Федор Никитич был пострижен в монахи под именем Филарета).

рьезную опасность для государственного порядка, если бы не нашли себе поддержки извне, в латинской Польше. Но с другой стороны, и Польша не могла бы конечно расчитывать на успех без наличия недовольных элементов внутри государства. Именно от соприкосновения внешних и внутренних элементов разложения произошла Смута.

ГЛАВА XI.

СМУТА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА МОСКВЕ (1605—1645).

§ 84. Смута: первый самозванец.

В 1603 г. в замке Самборе (в Галицком крае) у польского пана Юрия Мнишка появился человек, выдававший себя за царевича Дмитрия, яко бы спасенного в свое время в Угличе и подмененного другим лицом. Этот Дмитрий представлял отличный козырь в руках поляков-иезуитов в их игре против русского православного царства. Дмитрий втайне принял латинство. Поляки и сам король Сигизмунд III ему покровительствовали. Дмитрий начал набирать в Самборе войско для похода на Москву. К нему шли польские авантюристы; он завел сношения с казаками на Дону и на „диком поле", призывая их встать на защиту истинного царя Дмитрия Ивановича против лже-царя Бориса Годунова. Названный Дмитрий был выдвинут поляками, но вера в его царское происхождение по всей вероятности была ему внушена еще на Москве. На Москве этот Дмитрий (вероятно Григорий Отрепьев) жил по боярским дворам (между прочим у Романовых), где сильно было раздражение против царя Бориса. Боярская интрига, таким образом, дала самозванцу первоначальную подготовку; польская интрига пустила его в ход; дальнейший успех зависел от разных причин: слабости московского правительства после смерти Бориса, энергии самого самозванца, боязни московских служилых людей итти против истинного царя, наличия недовольных московскими порядками среди высших и низших элементов общества.

Лжедмитрий пошел войною на Московское государство осенью 1604 г. Однако войско царя Бориса разбило сбродную

рать Лжедмитрия. Самозванец заперся в Путивле. Но тут же появился первый грозный симптом смуты: началось общее восстание „украинных" или „польских" казаков и мелких служилых людей новых городов. Восставшие заняли городок Кромы, где их окружили войска царя Бориса. Осада затянулась. Между тем в апреле 1605 г. умер царь Борис. После смерти Бориса московские войска передались самозванцу (во главе с воеводою Басмановым). Юный царь Федор Борисович был тем временем убит на Москве. Лжедмитрий в'ехал в Москву 20 июня 1605 г. Хотя Лжедмитрий не пытался исполнить свои обещания об утверждении латинства на Москве, однако он не мог соблюдать и строго православного царского чина.[1] Для боярской знати на Москве самозванец был только средством борьбы против Бориса; по смерти Бориса средство дальше было ненужно и неудобно. 8 мая 1606 г. происходила свадьба Лжедмитрия с Мариной Мнишек, а через десять дней после того на Москве уже вспыхнул мятеж; москвичи возмущены были самой обстановкой царской свадьбы с латинянкою, — массою наехавших польских панов свиты Марины и пр. Ранним утром 17 мая москвичи начали погром поляков; в то же время заговорщики бояре бросились на царский дворец, где убили Лжедмитрия и Басманова. Марина была арестована.

§ 85. Смута: Василий Шуйский и второй Лжедмитрий.

Руководитель боярского заговора против Лжедмитрия, кн. Василий Иванович Шуйский, был выкрикнут царем на Красной площади в Москве, и 1 июня 1606 г. уже венчался на царство; 3 июня были перенесены из Углича мощи царевича Дмитрия, чтобы этим окончательно убедить народ в самозванстве убитого лжецаря. Смута привела однако население московского царства в такое возбуждение, что боярско-дворцовым переворотом дело не могло уже быть кончено. Осенью 1606 г. началось новое движение „польской (степной) украйны" против Москвы. Движение на этот раз имело характер социального пожара. Во главе движения стоял беглый холоп Иван Болотников. Болотников говорил о необходимости уничтожения

[1]) Лжедмитрий пытался провести латинско-униатские взгляды во внешней политике, стремясь осуществить коалицию христианских государей против турок и татар.

„лихих бояр" и всех крепостных порядков государства. Лжедмитрий собирал к себе людей для устранения неправильного царя; для защиты истинного порядка в государстве. Болотников об'единял „воров", т. е. революционеров. Болотников дошел до самой Москвы и два месяца ее осаждал, но затем был разбит и заперся в Туле. 10 октября 1607 г. Тула была взята. Множество „воров" было „посажено в воду" (утоплено), другие кинуты в тюрьмы. Взятие Тулы и гибель Болотникова не были однако концом Смуты. Еще в августе 1607 г. в Стародубе Северском появился второй самозванец. Самозванец этот называл себя царем Дмитрием, утверждал, что ему удалось спастись во время бунта в Москве 17 мая 1606 г. и что убит был тогда подставной его человек.

Второму Лжедмитрию удалось собрать значительные воинские силы: к нему перешли „воры", спасшиеся от разгрома Болотникова; к нему сошлось много польско-литовских шляхтичей,[1] приехала и Марина Мнишек[2]. Летом 1608 г. самозванец подошел к Москве и осадил ее. Осада затянулась. Главный стан самозванца был в с. Тушине под Москвой. В Тушине установилось как бы второе русское правительство, враждебное Москве. Отряды Тушинского царя бродили по всем городам русской земли, приводя их в подчинение своей власти. Находившиеся в Тушинском лагере поляки и литовцы предпринимали самостоятельные набеги на русские города. С лета 1608 г. до начала 1610 г. выдержала осаду такого польского отряда Троице-Сергиева Лавра. По всей русской земле пошел развал и разлад. Тушинскому царю удалось захватить и привезти в Тушино ростовского митрополита Филарета (б. боярин Федор Никитич Романов), которого в Тушине об'явили патриархом всея Руси (на Москве был свой патриарх Ермоген, поставленный при воцарении Василия Шуйского). К Тушинскому же царю примкнул Касимовский царь Ураз-Мухаммед вместе со своими касимовскими татарами. Зимою 1608 — 1609 г. северно-русские города (Вологда, Устюг и др.) организовали сопротивление казацко-польским отрядам Тушинского царя. Не надеясь однако на русские силы, царь Василий Шуйский заключил договор со Швецией. Шве-

[1] В Польше и Литве вспыхнул мятеж шляхты против короля Сигизмунда; мятеж был подавлен, и многие мятежники бежали на Русь.

[2] Марина Мнишек, арестованная в Москве при свержении первого самозванца, была затем отпущена к отцу в Самбор.

ция обязалась помочь Шуйскому против Тушинского царя. Шуйский за помощь уступал Швеции Ижорскую землю — те города (Ивангород, Ям, Копорье, Корелу), которые были возвращены при Федоре Ивановиче (см. § 80); кроме того Шуйский отказывался от русских притязаний на Ливонию и обязался вести войну с Польшей. Во главе русской рати, собравшейся главным образом из северных городов, стал молодой племянник царя Василия кн. М. В. Скопин-Шуйский. Собрав русскую рать и дождавшись шведского вспомогательного отряда под начальством Делагарди — князь Скопин-Шуйский осенью 1609 г. пошел на выручку Москве. Войска царя Василия начали отбивать русские города у тушинцев (так был взят приступом г. Касимов).

Заключив союз с Швецией, царь Василий Шуйский навлек на себя открытую войну с Польшей. Король Сигизмунд тою же осенью 1609 г. осадил Смоленск. Но по крайней мере царю Василию удалось освободиться от Тушинского соперника. В самом конце 1609 г. Тушинский царь бежал в Калугу. В Тушине произошла паника. После некоторых колебаний, Тушинские бояре во главе с патриархом Филаретом согласились на предложение Сигизмундовых посланцев из-под Смоленска: просили посадить на Москву царем польского королевича Владислава с условием, чтобы он принял православие и правил Московским государством при участии боярской думы и земского собора. Царю Василию предстояло вести войну с поляками. В апреле 1610 г. умер единственный популярный человек в партии Шуйских — кн. Скопин-Шуйский. Во главе московской рати стал брат царя, кн. Д. И. Шуйский. Он потерпел совершенное поражение от польского гетмана Жолкевского под Клушиным (14 июня 1610). Шведский отряд Делагарди после того ушел к Новгороду. Жолкевский подступил к Москве; одновременно из Калуги подошел к Москве и Лжедмитрий II. Виня во всех неудачах Василия Шуйского, москвичи свели его с престола (17 июля 1610) и насильно постригли в монашество. Начались переговоры с Жолкевским. В августе 1610 г. спешно созванное совещание служилых и торговых людей в Москве согласилось принять царем королевича Владислава на условиях приблизительно тех, что были раньше выработаны в Тушинском стане. За избрание Владислава стояли высшие круги московского общества; низшие угрожали бунтом в пользу Лжедмитрия.

Великое посольство послано было из Москвы к Сигизмунду просить у него Владислава на московский престол. Во главе посольства отправлены были митрополит Филарет и кн. В. В. Голицын. В сентябре 1610 г. гетман Жолкевский именем Владислава занял Москву.

§ 86. Смута: поляки в Москве.

Дальнейшие осложнения были внесены в дело королем Сигизмундом. Сигизмунд считал, что раз Москва занята польскими войсками, то он свободно может сам сесть на московский престол вместо того, чтобы отпускать сына Владислава и допустить переход его в православие. Сигизмунд прямо не открывалъ своих планов, но намерения его были ясны. Гетман Жолкевский вышел в отставку, считая новую политику совершенно неправильною и гибельною для польских интересов. Место умного Жолкевского заступил Гонсевский, терроризовавший московских бояр. В то же время московские послы под Смоленском были арестованы, т. к. не согласились просить на царство вместо Владислава самого Сигизмунда. При таких условиях многие русские люди стали думать о подчинении Лжедмитрию. Но в декабре 1610 г. Лжедмитрий был убит в Калуге крещеным ногайцем кн. Петром Урусовым.[1] Смерть Лжедмитрия не остановила движения против поляков. На Рождество 1610 г. патриарх Ермоген начал рассылать из Москвы грамоты по разным городам с призывом встать против Сигизмунда. Гонсевский приказал заключить Ермогена под стражу,[2] но дело уже было сделано.

Ополчение, собравшееся к весне 1611 г. и осадившее поляков в Москве, состояло из различных элементов. Главную массу составляли бывшие тушинцы. Во главе их стояли тушинский боярин кн. Д. Т. Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий (с которым была и Марина Мнишек). Особо стояло рязанское дворянское ополчение во главе с Прокопием Ляпуновым. Ополчения северных городов (ранее сражавшиеся против Тушинского царя) не выдвинули авторитетных вождей. Трубецкой, Заруцкий и Ляпунов получили чрезвычайную

[1]) Лжедмитрий убил перед тем Касимовского царя Ураз-Мухаммеда, т. к. сын Ураз-Мухаммеда донес Лжедмитрию, будто отец злоумышляет против него. Урусов убил Лжедмитрия в отместку за убийство Ураз-Мухаммеда.

[2]) Патриарх Ермоген умер в заточении 17 февр. 1612 г.

верховную власть над русской землей — были об'явлены „троеначальниками", по приговору всего подмосковного ополчения (30 июня 1611). Пока ополчение стояло под Москвой, Смоленск был наконец взят поляками (3 июня 1611). Положение русской земли стало чрезвычайно грозным.[1] Между казачьей и дворянской частью ополчения не было согласия, 22 июля 1611 г. Прокопий Ляпунов был убит казаками, и осенью 1611 г. земское ополчение распалось. Казаки остались однако под Москвой и продолжали, хоть и вяло, борьбу с польским гарнизоном.

§ 87. Нижегородское ополчение.

Вскоре после распада ополчения 1611 г., сделана была попытка придать делу освобождения Москвы более однородный характер — справиться силами только городских и служилых людей без казаков. Душою этого ополчения сделался один из нижегородских старост Козьма Минин Сухорук, а во главу собравшихся войск приглашен был кн. Д. М. Пожарский (лечившийся около Нижнего от раны, полученной им в Москве весною 1611 г.). Из Нижнего отправлялись грамоты в ближайшие города с призывом присоединиться к ополчению. Зима 1611—12 г. г. прошла в сборе войск и организации хозяйственной стороны дела (чем специально занимался Козьма Минин). Весною 1612 г. кн. Пожарский двинул свое ополчение — однако не прямо на Москву, а на Ярославль. Смысл маневра был в том, чтобы перехватить связь между подмосковными казаками и северно-русскими городами. Пожарский провел в Ярославле целое лето 1612 г., приводя в порядок рать и устраивая управление всей землей (при войске Пожарского собрался земский собор). В августе 1612 г. рать Пожарского двинулась к Москве, чтобы отбить от Москвы польского гетмана Хоткевича, который шел с войском и провиантом на помощь польскому гарнизону, сидевшему в Москве. Известие о движении Пожарского под Москву вызвало переполох среди расположенных под Москвой казаков. Значительная часть их считала, что ополчение Пожарского направлено больше всего против казаков. Часть казаков, во главе с Иваном Заруцким и Мариною Мнишек, ушла из-под Москвы в Астрахань. Оставшиеся казаки во главе с кн. Д. Т. Трубецким вступили в переговоры с Пожарским.

[1]) 16 июля 1611 г. шведы заняли Новгород.

Переговоры были еще не кончены, когда подошел Хоткевич. Пожарский был не в силах один отбить Хоткевича, но в решительную минуту келарь Троице-Сергиевой Лавры Авраамий сумел уговорить Трубецкого помочь Пожарскому. С помощью казаков дворянско-городское ополчение отбило Хоткевича. После этого Пожарский и Трубецкой заключили полное согласие между собою, соединили свои правительственные учреждения (приказы) и начали „всякие дела делать заодно." Через два месяца русские взяли приступом Китай-Город (22 окт. 1612 г.); вскоре после того сдался и Кремль. Москва была освобождена.

§ 88. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова.

К январю 1613 г. в Москву с'ехались представители 50 городов для „государева обирания" на соборе, вместе с московскими людьми. На соборе легко было сделать общее постановление не избирать „царя от иноверных", а избрать своего „из великих московских родов." Труднее было согласиться на определенном кандидате. Нужен был кандидат, приемлемый и для земщины и для казаков. Чаще всего называлось имя молодого Михаила Федоровича Романова. За него говорило многое. Во первых, родство его с последним царем династии Владимира Святого. Михаил Федорович приходился двоюродным племянником царю Федору Ивановичу (отец Михаила, Федор Никитич Романов, в свое время был кандидатом на престол после смерти Федора Ивановича в 1598 г.). Михаил Федорович был, далее, представителем одного из самых старых московских боярских родов. По всему этому Михаил не мог быть неприемлем для земщины. Но Михаила выдвигали и казаки (бывшие тушинцы); не надо забывать, что отец Михаила митрополит Филарет играл большую роль в тушинском обществе (и даже наречен был там патриархом всея Руси). 7 февр. 1613 г. земский собор остановил свой выбор на Михаиле Федоровиче Романове; через две недели, 21 февраля, состоялось торжественное избрание и принесение присяги новому царю. В момент избрания Михаил жил с матерью в Ипатьевском монастыре близ Костромы. Михаил долго отказывался от царства, считая, что русские люди „измалодушествовались" и не способны поддержать царя. После долгих просьб, Михаил наконец согласился (14 марта 1613 г.).

Избранием на царство Михаила Федоровича Романова закончилось Смутное время формально и внешне. Громадные внутренние трудности не могли быть сразу преодолены. Московское Государство было восстановлено. Но лишь величайшим напряжением всех народных сил оно могло удержаться и окрепнуть. Оно было окружено опасностями извне и изнутри. Извне угрожали Польша и Швеция. Извнутри — всякого рода разбойничьи шайки, бродившие по всему лицу русской земли. Но гораздо серьезнее, чем отдельные разбойничьи шайки, был общий дух шатания и нестроения, который проникал собою все молодое вновь сколоченное государство.

Нужно было исключительное напряжение воли правящего круга для того, чтобы справиться со всеми затруднениями. Нужен был вождь выдающейся энергии и твердости, для того, чтобы возглавить разрозненные усилия правящего круга. Царь Михаил, слабый телом и духом, не мог быть таким вождем. На счастье Московского государства такой вождь нашелся помимо царя. Это был — патриарх Филарет. Наше историческое сознание ясно усвоило себе роль и значение подвига патриарха Ермогена в Смутное время. Подвигом этим началось дело освобождения Москвы от поляков. Менее отчетливо представляем мы себе историческое значение и подвиг следующего русского патриарха — патриарха Филарета, — который был в подлинном смысле восстановителем Руси, собирателем ее национально-государственной энергии.

В момент воцарения Михаила Федоровича Романова, Филарет находился в польском плену (был заключен в Мариенбурге) в тяжелых условиях. Царь Михаил старался облегчить судьбу отца и, главное, старался скорее освободить его из плена. Но поляки долго не уступали — надеялись, что царь ради освобождения отца согласится отдать Польше некоторые земли. Филарет однако решительно воспротивился таким проектам. Филарет был освобожден только после Деулинского перемирия (см. ниже § 90). 1 июня 1619 г. при размене пленными под Вязьмою Филарет был отпущен поляками в обмен на Струся (взятого в плен в Москве начальника польского гарнизона 1612 г.). 14 июня 1619 г. Филарет торжественно в'ехал в Москву. У Пресни его встретил сам царь и поклонился ему в ноги (Филарет ответил также земным

поклоном). Филарет в'ехал в Москву в санях, перед ним царь шел пешком. „Сотворися праздник великий пришествия ради его".

На Москве не замещали патриаршей кафедры, ожидая возвращения Филарета. Тотчас по возвращении Филарета „приходили к государю власти — бояре и всем народом московским били челом государю, чтобы он упросил Филарета быть патриархом"; освященный собор иерархов вынес постановление, что „опричь Филарета Никитича патриархом быть некому". 22 июня 1619 г. состоялось наречение Филарета в сан патриарха, а 24 июня — самое поставление. Поставление совершал бывший в то время в Москве иерусалимский патриарх Феофан.

Филарет Никитич сделался главою не только русской церкви, но и всего русского государства. Подобно царю, Филарету усвоен был титул „великого государя". Т. о. на Москве стало два великих государя — царь и патриарх. „Вся вкупе царь и патриарх управляху". По словам летописцев, Филарет „всякими царскими и ратными делами владел", это был „государственнейший патриарх". Вместе с царем Филарет „о Московском государстве промышлял, чтобы во всем поправить, как лучше". Филарету удалось освободить русскую землю „от насильников", после его поставления „начася быть во всех людех велия тишина". Филарет ведал не только внутренними делами управления, но и внешними. При приеме иностранных послов Филарет обыкновенно сидел по правую руку царя. Послы обоим государям подносили дары и грамоты. Если же патриарх не мог быть на царском приеме, то послы представлялись ему в патриарших палатах. Филарет пользовался такой большой властью не только в силу прав естественного родства, но также в силу высоких своих представлений о патриаршей власти. Властный характер и государственные таланты делали Филарета истинным управителем царства всё время его патриаршества. Патриархом же он был до своей смерти (Филарет умер глубоким стариком 1 окт. 1634). Филарет опасливо относился к латинскому западу и настроен был нетерпимо по отношению к латинству (в 1620 г. соборно определил перекрещивать не только латинян и униатов при их переходе в православие, но также и „обливанцев" — тех православных [западно-русских людей, которые крещены были обливанием, или крещены правильно, но крещение совершал униатский священник).

Православную русскую церковь внутренним просвещением Филарет стремился поставить как можно выше. Был одержим „зельною ревностью к божественным книгам", собирал ценные рукописи в московскую типографскую библиотеку. При нем было напечатано много церковных книг. Филарет старался и о заведении в Москве высшей богословской школы. Большое внимание уделил Филарет церковному устроению новоприобретенных на востоке земель. При нем открыта была Тобольская епархия в Сибири (1621).

Правительство великих государей патриарха Филарета и царя Михаила напрягало все силы, чтобы привести в порядок всю государственную жизнь, потрясенную Смутой. В 1619 г. великие государи постановили произвести новую полную опись всех земель государства („дозорные книги" и „писцовые книги"). Большое внимание обращено было на устройство Поместного приказа и правильную организацию служилого землевладения (вотчинного и поместного). Патриарх Филарет стремился привести наше вотчинное право в соответствие с „правилами св. отец" — византийским правом.[1] С этой стороны его деятельность имела большое значение для развития нашего гражданского права.

§ 90. Внешняя политика Москвы в первой половине XVII в.

Когда Михаил Федорович был выбран на царство, ему приходилось еще отстаивать это царство силою оружия как от части казаков, так от поляков и шведов. Еще до прихода Пожарского под Москву в 1612 г. Зарушкий вместе с Мариною Мнишек бежали из-под Москвы на юго-восток и захватили Астрахань. Зарушкий надеялся устроить там свое особое государство под главенством Персидского шаха.[2] Планы Заруцкого однако не осуществились. Донские казаки не присоединились к нему. Услыхав о приближении московского войска, сами астраханцы изгнали из Астрахани Заруцкого и Марину. Московские войска настигли Заруцкого на р. Янке. Зарушкий и „царевич", сын Марины, были казнены в Москве (сама Марина умерла в тюрьме).

---

[1]) Напр. в вопросе о наследовании бездетных вдов.

[2]) Шахом в Персии был тогда крупный государственный деятель — Аббас Великий (1586 — 1629).

Некоторое время продолжалась война со шведами. Шведский король Густав Адольф (будущий герой „тридцатилетней войны" в Европе) осадил Псков (1615), но взять его не мог. В 1617 г. был заключен мир в с. Столбове, близ Ладоги. Шведы согласились вернуть Москве Новгород, но Ижорская земля и Корелия остались у Швеции: Московское государство было таким образом снова отрезано от Балтийского моря.

Труднее было отбиться от Польши. Польский король Сигизмунд не хотел примириться с мыслью о потере Московского государства. В 1617 г. королевич Владислав совместно с гетманом Сагайдачным и запорожскими казаками предпринял большой поход на Московское государство и в 1618 г. подступил к самой Москве, но был отбит москвичами. После этого поляки прошли за Москву, к Троице-Сергиевой Лавре. Близ Лавры, в деревне Деулине заключено было перемирие на 14½ лет. Смоленск и Северские города на время перемирия оставлены были Польше, поляки соглашались вернуть всех русских пленных (в том числе государева отца, митрополита Филарета), но от прав на московский престол и царского титула королевич Владислав не отказался. Война возобновилась до истечения срока перемирия. Москва решила воспользоваться смертью короля Сигизмунда (1632 г.) и начавшимся бескоролевьем в Польше. Сильная московская рать под начальством боярина Шеина осадила Смоленск.[1] Поход кончился катастрофой. Осада затянулась на многие месяцы; вновь избранный польский король Владислав пришел на помощь Смоленску. Московская рать была окружена; Шеин принужден был сдать полякам всю свою артиллерию и обоз и уйти назад в Москву (1634).[2] Владислав однако не рассчитывал на дальнейшие успехи и потому летом того же года согласился заключить „вечный мир" (на р. Поляновке, за Вязьмою). Владислав отказался от всяких притязаний на Московский престол и признал царем Михаила Федоровича; со своей стороны Михаил отказывался от Смоленска и северских городов (Чернигов, Новгород-Северск).[3]

После неудачи на западе, Москва оказалась лицом к лицу с возможностью крупного успеха на юге. В 1637 г. донские

[1]) Шеин, бывший Смоленский воевода, который стойко защищал Смоленск в Смутное время.

[2]) В Москве Шеин был обвинен в измене и казнен.

[3]) Приобретенных Москвою при Иване III.

казаки взяли г. Азов, преграждавший их ладьям выход из Дона в море. В 1641 году турецкий султан послал значительное войско, чтобы выбить казаков из Азова. Однако казаки отстояли Азов, защищаясь с отчаянным мужеством. Боясь, что в следующий раз им Азова не удержать, казаки послали своих уполномоченных в Москву просить, чтобы Михаил Федорович принял Азов под свою высокую руку. Для решения вопроса об Азове в Москве в 1642 г. был созван земский собор, на котором выяснилось печальное состояние Московского государства, разоренного тяжелыми поборами и повинностями, а также плохою администрацией („разорены мы пуще турских и крымских бусурман московскою волокитою"). Царь не решился принять Азов и приказал казакам оставить его. Азов снова достался туркам.

Широко развернулась при Михаиле Федоровиче восточная политика русского государства. Органичность этой восточной политики на рубеже XVI—XVII в. в. сказалась между прочим в том, что недавно приобретенная восточная окраина не делала серьезных попыток к отпадению от Москвы во время Смуты.[1] Наоборот, русское владычество в Сибири даже ширилось и распространялось во время Смуты (гор. Туруханск основан в 1607 г.). По утверждении порядка при Михаиле Федоровиче, русская колонизация в Сибири быстро пошла вперед и к 30-м годам XVII века достигла реки Лены (г. Якутск поставлен в 1632 г.). Власть московского государства в Сибири была закреплена при Михаиле Федоровиче традиционным способом: внук сибирского царя Кучума, царевич Арслан, назначен был царем в Касимов (1614). Сибирь представляла для Москвы путь в Монголию и Китай. Монгольскими и китайскими сношениями заведывал в это время тобольский воевода (посольство Ивана Петлина и Андрея Мундова 1618—20 г. г.). Оживленными были сношения Московского государства первой половины XVII в. с Персией и Туркестаном. Первое посольство в Персию при Михаиле Федоровиче было отправлено еще в 1614 г. Астрахань была еще во власти Заруцкого. Московские послы (Михаил Тихонов и Алексей Бухаров) ехали из Самары через степь в Хивинское ханство и оттуда в Хо-

[1] Бунт г. Касимова против Шуйского не был отпадением от Руси, а участием во внутренней русской политике (Касимовцы поддерживали Лжедмитрия II против Шуйского).

расан (в Ургенче послы были приняты ханом Араб-Мухаммедом). Ко времени прибытия московских послов в Персию Астрахань была уже взята московскими войсками. Шах Аббас согласился выдать Москве послов Зарушкого (Хохлова и его товарищей) с тем, что царь их помилует и примет на службу. Действительно, вскоре Хохлов появился в Туркестане уже в качестве московского посла. Хохлов был отправлен к бухарскому и хивинскому ханам в ответ на их посольства 1619 г. С персидским шахом Аббасом установились прочные дружественные отношения. Аббас оказал даже денежную помощь московскому государству.[1] В 1624 г. персидские послы поднесли драгоценный подарок патриарху Филарету — срачицу (сорочку, ризу) Христову, хранившуюся в одном из грузинских монастырей.

Как характерную черту для русской восточной дипломатии этого времени следует отметить желание ее стать на собственные ноги и освободиться от посредничества служилых мусульман и самих Касимовских царей. Голштинский посол Олеарий, посетивший Касимовского царевича в 1636 г., сообщал, что русские предлагали царевичу креститься (что действительно и имело место позже, при Алексее Михайловиче и что означало вывод из строя Касимовского царя, после крещения уже не способного играть прежней роли посредника между Русью и мусульманским востоком). В конце царствования Михаила Федоровича у нас пробовали завести свои кадры востоковедов: в Астрахани стали обучать под'ячих „татарскому, арапскому и фарсовскому[2] языкам".

§ 91. Юго-западная Русь в первой половине XVII в.

После люблинской (государственной), а особенно брестской (церковной) унии положение русского православного населения в Польско-Литовском государстве стало крайне тяжелым. Особенно трудно приходилось юго-западной Руси, которая по люблинской унии передана была из Княжества (Литовского) в Корону (Польскую). Польское землевладение распростраия-

[1] В 1618—20 гг. произошла заминка в русско-персидских отношениях. У шаха вышли какие то недоразумения с московским послом князем Боратинским. Но уже в 1621 г. новые русские послы Коробьин и Кувшинов встретили опять хороший прием у шаха.

[2] Т. е. персидскому.

лось в юго-западном крае с большой быстротой: население попадало в крепостную неволю. От закрепощения южно-русские казаки и „посполитые" (крестьяне) стали двигаться к югу, ища более свободной жизни. Большое значение получила „Запорожская сечь" — вольная казацкая община (конш) за днепровскими порогами. Польская и ополяченная шляхта, захватывая поднепровский край, несла с собою презрение ко всему русскому, и в том числе особенно к православной вере.

На рубеже XVI—XVII веков, когда Московское государство испытывало величайшие затруднения во время Смуты, Полесская Русь переживала глухие времена страшного упадка русской веры и русской народности. Русская культура стала „хлопской" — почти весь старинный высший слой русского общества ополячился и олатинился.[1] Разгром русской церкви повлек за собою отмирание православной иерархии. Латинское правительство, основываясь на Берестейской унии, отказывалось допускать новых православных иерархов.

Сколько-нибудь независимым русским элементом в Польше были лишь запорожские казаки. Поляки сделали попытку и их прибрать к рукам, но попытка эта не удалась. На сейме 1590 г. решено было подчинить казаков бдительному надзору коронных властей. Ответом были казацкие восстания (Косинского в 1592 г., Лободы и Наливайки немного позже). Восстания были подавлены польскою властью (Наливайко казнен в 1597 г.). Казаки однако были слишком нужны Польше, как военная сила (и против Турции и против Москвы). Польша должна была волей-неволей считаться с казаками. Этим обстоятельством искусно воспользовался гетман Конашевич-Сагайдачный. Сагайдачный оказывал Польше большие услуги (напр. участвовал в походе королевича Владислава на Москву в 1618 г.), но зато требовал привиллегий и для казаков. Политике Сагайдачного Западная Русь обязана восстановлением православной иерархии (1620 г., при проезде иерусалимского патриарха Феофана).

После этого мало по малу православная церковь в Западной Руси начала вновь укреплять свое положение. Большое значение имела деятельность киевского митрополита Петра Могилы, при котором устроено было в Киеве православное богословское училище (Коллегиум, будущая Духовная Академия).

[1] Не многие остались верны своей церкви и народности как кн. К. К. Острожский.

Петр Могила был родом из Молдавии (сын Молдавского воеводы). Он явился проводником греческого влияния на церковную жизнь Руси.[1]

Положение массы русского населения в Польше продолжало однако оставаться очень тяжелым (продолжалось усиление крепостного права). Да и церковная организация, налаженная с таким трудом, каждый год могла быть вновь разрушена властью. Польская власть продолжала стремиться и к ограничению казацких прав. По договору 1638 г. допущено было всего 6000 реестровых[2] казаков. От казаков отнято было самоуправление. Вполне понятно, что русское население Польши находилось все время в возбужденном состоянии. Приходилось ждать взрыва.

ГЛАВА XII.

ЦАРСТВО ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ. (1645—1696 г.)

§ 92. Богдан Хмельницкий и присоединение Малой России.

В 1648 г. началось общее восстание казацкой массы Поднепровья против польского господства. Во главе казачьего войска стоял гетман Богдан Хмельницкий. Богдан Хмельницкий родом был из русской шляхетской семьи и достиг видных должностей по службе в казачьем войске. Обида, нанесенная Богдану польским шляхтичем, заставила его бежать в Запорожье. Из Запорожья Богдан и поднял восстание против поляков, при чем ему удалось заручиться помощью крымского хана. В 1648 г. Богдану удалось нанести два страшных поражения посланным против него польским войскам (на Желтых Водах и под Корсунем). Вся юго-западная Русь оказалась во власти Хмельницкого. Смерть короля Владислава остановила натиск Хмельницкого. Он надеялся, что новый король Ян-Казимир пойдет на уступки без войны. Переговоры однако ни к чему не привели, и в 1649 г. война возобновилась с успехом для казаков. Мирный договор заключен был под Зборовым. Число реестровых ка-

[1]) Т. к. Молдавия начала XVII в. была страною в значительной степени греческой духовной культуры.

[2]) Записанных в „реестр", т. е. полноправных.

заков определено в 40 тысяч. Польские войска не могли быть вводимы в Малую Русь. Иезуиты и евреи должны были быть изгнаны из Руси. Однако, в Малой России удержалась польская шляхта, и крепостное право ее на русских крестьян продолжало оставаться в силе. Зборовский договор приносил освобождение собственно казачьему войску, но не всей массе православного населения. Недовольные договором малороссийские крестьяне стали толпами переходить в Московскую (т. наз. Слободскую) Украйну на р. Донец. Со своей стороны и поляки считали для себя невыгодными и унизительными условия Зборовского договора. Поэтому уже в 1650 г. война вспыхнула снова, и на этот раз пошла неудачно для Хмельницкого. Крымские татары изменили Хмельницкому в решительную минуту. Хмельницкий должен был заключить невыгодный для себя мир (под Белой Церковью). Число реестровых казаков было уменьшено до 20 тыс. После неудачи под Белой Церковью Хмельницкий стал искать союзника и защитника в лице царя Алексея Михайловича. Хмельницкий просил царя Алексея принять казачье войско под свою высокую руку. Принятие казаков в подданство должно было вызвать немедленный разрыв с Польшей. На Москве это очень хорошо понимали и потому довольно долго не делали решительного шага. В течение двух лет (1651—1653) вопрос обсуждался земским собором. Наконец, 1 окт. 1653 г. состоялось окончательное решение собора об об'явлении войны Польше за ее „неправды", несоблюдение царского титула московских государей и утеснение православной веры на Украйне. Гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское „с городами и землями" постановлено принять под высокую государеву руку.

В январе 1654 г. созвана была рада (совет) малороссийского казачьего войска в г. Переяславле, 8 января гетман держал речь всему войску о подчинении царю Восточной Росси „и весь народ возопил: волим под царя Восточного Православного". Потом гетман Богдан Хмельницкий и полковники были на с'езжем дворе у московского посла ближнего боярина В. В. Бутурлина. Бутурлин об'явил гетману и полковникам, что царь Алексей Михайлович принимает их под свою высокую руку. Перед принесением присяги царю Алексею, Хмельницкий потребовал, чтобы Бутурлин со своей стороны присягнул за царя Алексея в соблюдении привиллегий казачьего войска. Но Бутурлин ответил, что того не повелось, чтобы государи присягали под-

данным и наотрез отказал. Тогда гетман и полковники и все войско дали присягу царю Алексею „на том, что быть им с землями и с городами под государевою высокою рукою навеки неотступным". После того Бутурлин передал гетману от царя Алексея знамя, булаву и одежду. Богдан Хмельницкий присягнул царю Алексею Михайловичу собственно не от Малой России (или Украйны), а от казачьего войска (правда „с землями и городами"). Богдан Хмельницкий смотрел на себя прежде всего как на войскового гетмана, а не как на государя „Малой России" (или Украйны). Раньше (еще в Зборове), Хмельницкий также не настаивал на отказе Польского Королевства от территории Малой России (или на предоставлении ей государственной автономии), а только выговаривал исключительные права казачьему войску. Подобно этому и теперь Хмельницкий хлопотал собственно не о краевой автономии, а о признании Москвою прав и привиллегий казачьего войска.

§ 93. Царь Алексей Михайлович.

Царь Алексей Михайлович вступил на престол совсем юным (ему было 16 лет в момент смерти отца в 1645 г.). Царь Алексей отличался живым и подвижным характером, обладал крупным умом и восприимчив был к широким государственным планам. Царь Алексей получил значительное образование преимущественно богословского характера, согласно византийской и древне-русской системе. Подобно Ивану Грозному, царь Алексей имел возвышенные понятия о задачах царской власти в области как внутренних, так и внешних государственных дел. Алексей был проникнут значительной симпатией ко всему греческому, считая греческий восток основной православною землею. Грекофильство было врожденною в семье Алексея чертою (ею отличался и дед его патриарх Филарет). Алексей воспитывался в кругу тех идей, которые высказывались еще иерусалимским патриархом Феофаном при поставлении патриарха Филарета. Царь московской и всея Руси был, согласно этим взглядам, преемник греческих православных царей. Поэтому царь Алексей смотрел на себя не только, как на царя всея Руси, но и как на царя вселенского, т. е. всего православного Востока. Но для того, чтобы православный Восток признал своим царем Алексея, Алексею нужно было чутко присматриваться к духовно-религиозной жизни Востока и по ней равнять жизнь русской церкви.

В этом политические причины церковного грекофильства Алексея Михайловича. Среди русских церковных деятелей Алексей Михайлович с трудом мог найти подходящих исполнителей своей политики, т. к. с XVI в., стоя на точке зрения Третьего Рима, москвичи не склонны были переделывать свой церковный быт по чужим образцам. Поэтому царь Алексей так благоволил к западно-русским церковным деятелям, преимущественно к киевским ученым монахам. Приближенный царя Алексея боярин Ф. М. Ртищев устроил в Андреевском монастыре ученую академию из этих киевских ученых (1649).

В своей политике, как внутренней, так и внешней, царь Алексей развернул широкую программу соответственно своим взглядам на величие царской власти. Основным злом во внутреннем строе государственной жизни было отсутствие твердых и известных всем законов. Судебник 1550 г. (составленный при Иване Грозном) устарел и был слишком краток. За столетие, особенно же после тяжелого Смутного времени, накопилось значительное количество новых царских указов и боярских приговоров; часть их записана была в указные книги разных приказов, но книги эти мало кому были доступны. И вот боярину кн. Н. И. Одоевскому с четырьмя помощниками царь Алексей поручил подготовить новый сборник законов. Утвердить работу Одоевского должен был земский собор — созванный к 1 сент. 1648 г. Так создалось „Соборное Уложение" царя Алексея Михайловича, законченное в 1649 г. и немедленно напечатанное в количестве 2 тыс. экземпляров.[1] Уложение царя Алексея Михайловича составлено было под сильным влиянием Литовского Статута и византийского права (которое проникало к нам главным образом через Кормчие книги). Законодательный материал распределен был в стройной системе по главам и статьям.

§ 94. Внешняя политика ц. Алексея Михайловича до 1667 г.

На широком основании православного царства была построена внешняя политика царя Алексея Михайловича в 1650-х годах. Принятие в подданство малороссийского казачьего

[1] Напечатание Уложения была большая новость московской законодательной техники. Судебник не был напечатан.

войска знаменовало собою начало общего широкого развертывания царской православной политики. Политика эта отличалась новыми чертами сравнительно с традиционной московской политикой. Московские Государи XVI в. дорожили своим положением в мусульманском мире. Поэтому такое значение в московской восточной политике XVI и начала XVII в. имело мусульманское Касимовское царство, находившееся в зависимости от московских государей. Когда, при Иване Грозном, Касимовский царь Саин-Булат крестился (см. выше § 75), он лишен был Касимова. Теперь наоборот, наличие мусульманского царя в Касимове казалось для Москвы совершенно излишним. Когда в 1653 г. Касимовский царевич Сеид-Бурган принял св. Крещение и получил имя Василия (Василий Арсланович), то царь Алексей оставил этого Василия владельцем Касимова. Это означало резкую перемену во всей системе русской политики на Востоке. Ставка шла теперь не на мусульманский восток, а прямо на православное царство.

Вслед за принятием малороссийского казачьего войска в подданство России, как и ожидали, началась война с Польшей. В первые годы войны московские войска добились блестящих успехов. В 1654 г. был взят Смоленск, в 1655 — Вильна, Ковна и Гродна. Гетман Богдан Хмельницкий взял Люблин. Царь Алексей Михайлович начал писаться по праву царем „всея Великия и Малыя и Белыя России".[1] Широкая программа, казалось, начала осуществляться сама собою. Царство православной Руси начало превращаться во всеправославное царство. Весною 1656 г. Молдавский воевода Стефан просил царя Алексея принять и Молдавию под свою руку. 29 июня 1656 г. царь Алексей принял в русское подданство всю Молдавскую землю со Стефаном воеводою.

Русская политика подорвана была однако раздором между Москвою и Швециею из-за Польши. Шведская война (1656—59) кончилась ничем для воюющих, но она отвлекла внимание как Москвы, так и Швеции от Польши и дала Польше возможность оправиться. В то же время начались недоразумения между Москвою и малороссийскими казаками. В 1657 г. умер гетман Богдан Хмельницкий. На место его избран был Иван Выговский — польский шляхтич по своим симпатиям. Выговский немедленно по избрании стал устраивать свой переход

[1]) Прежний царский титул — „всея Руси".

от Москвы к Польше.[1] 6-го сент. 1658 г. Выговский заключил в Гадяче договор с польским представителем Беневским. Договором этим не только давались привиллегии войску запорожскому, но и признавалось „великое княжение русское — украинское", первым воеводою и генералом которого „вечно" должен был быть гетман. „Греческая древняя вера" должна быть уравнена в правах с Римскою.

Измена Выговского вызвала новую вспышку Польской войны. В 1659 г. Москва выслала против Выговского сильную рать во главе с кн. А. Н. Трубецким. Главную силу московского войска составляла конница. С помощью крымского хана Выговский нанес русским страшное поражение под Конотопом. Почти вся московская конница была уничтожена. Известие о Конотопском поражении вызвало панику в Москве; тем не менее война продолжалась, и от Малой России Москва отступиться не желала. На место Выговского был выбран гетманом Юрий Хмельницкий (сын Богдана), а после него — Брюховецкий. Брюховецкий тянулся к русскому боярству так же, как Выговский к польской шляхте. Война с Польшею продолжалась после того еще несколько лет. Лишь в 1667 г. в дер. Андрусове (недалеко от Смоленска) было заключено перемирие с поляками на 13½ лет. Москва отказалась от Литвы, но сохранила за собою Смоленск и Северские города (утраченные ею по Деулинскому перемирию 1618 г.), а также приобрела Левобережную Украину и на правом берегу Днепра г. Киев.[2]

Одновременно с продвижением русского владычества на запад и юго-запад продолжалось продвижение на восток. Русские служилые и торговые люди проникали все дальше в восточную Сибирь. Еще в конце царствования Михаила Федоровича Василию Пояркову удалось пройти до Охотского моря. В 1648 г. казак Семен Дежнев обогнул крайнюю восточную оконечность Евразии, проплыв из Восточного океана в Тихий (из устья Колымы на устье Анадыря). Еще большее практическое значение имела экспедиция Ерофея Хабарова, проникшего с небольшой партией казаков на Амур (1649 г.). Дойдя до района Амура, русские первый раз в Сибири

[1]) Об этом предупреждал Москву полтавский полковник Пушкарь, но в Москве не обратили внимания на эти предостережения; Выговский расправился с Пушкарем, как с изменником.

[2]) Киев был уступлен поляками на два года, но потом остался за Москвой.

после падения Кучумова царства очутились в соприкосновении с большим и устроенным государством. Местные дауры отказались платить ясак Хабарову, говоря: „даем мы ясак богдойскому царю [китайскому императору], а вам какой ясак у нас?" В 1652 г. Хабарову пришлось вести бой с „богдойской силою", при чем китайский отряд был разбит. Отчасти для урегулирования пограничных недоразумений с Китаем, в 1654 г. было из Москвы отправлено в Китай посольство Ф. И. Байкова. Байков ехал по Иртышу, а затем сухим путем через Монголию. Байков добрался до Пекина в 1656 г., но не был принят китайским императором.[1] Условием приема поставили требование, чтобы он признал своего царя вассалом китайского императора — на что Байков не согласился. Кроме того Байков вообще отказывался исполнить требования китайского придворного церемониала, считая их унизительными для своего государя. В составе посольства Байкова не было ни лиц, знающих китайский язык, ни умеющих говорить по латыни, что должно было бы пригодиться, т. к. на китайской службе состояло тогда много иезуитов. Байков вернулся в Москву ни с чем. В 1658 г. китайские войска разбили русских на Амуре. В этом же году енисейский воевода Афанасий Пашков проник в бассейн Амура новым путем — из бассейна Енисея.[2] Им был построен г. Нерчинск, и в 1666 г. туда явился первый китайский посланец.

§ 95. Патриарх Никон.

Присоединение юго-западной Руси к Московскому государству совпало с глубочайшим кризисом национально-государственного сознания московских людей. Кризис этот связан был главным образом с личностью и действиями патриарха Никона. Кризис принял двоякую форму — он коснулся прежде всего вопроса об отношениях церкви и государства, царя и патриарха, и затем также вопроса о церковном обряде — раскол старообрядства. Новгородский митрополит Никон поставлен был в патриархи 25 июля 1652 г. Никон происходил

[1]) Императором в Китае был тогда Шуен-Че (1644—1662), первый император манчжурской династии.

[2]) Деятельность Пашкова, имевшая большое значение для укрепления русской государственности в восточной Сибири, описана односторонне — отрицательно в житии протопопа Аввакума (см. ниже стр. 178).

из крестьян Нижегородского уезда, был сначала сельским священником, затем перешел в Москву. По смерти детей, он убедил жену постричься в монахини и сам постригся в монахи в Соловках на Белом море. Впоследствии Никон был поставлен игумном Кожеозерской пустыни (в Онежском крае), а затем игумном Новоспасского монастыря в Москве. Еще в этот период Никон приобрел необычайно большое влияние на царя.

Никон взошел на патриарший престол с мыслями о незыблемом утверждении православного царства на твердых и истинных основаниях, — согласного делания царя и патриарха. Высокое представление Никона о патриаршем сане сказалось в тех „условиях", которыми Никон обставил свое согласие стать патриархом. Царь и весь собор духовенства обещали Никону „послушати его во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго". Никон официально получил титул „великого государя", подобно тому, как в свое время Филарет. „Условия" Никона были приняты царем Алексеем не как нечто внешнее и постороннее. Наоборот, царь Алексей воспринимал их несомненно, как истинные и праведные слова, как выражение своих собственных дум и мечтаний. С другой стороны, и новый патриарх не мог ощущать „светской" государственной власти, как силы посторонней для себя. Несомненно, в лице „богоизбранной двоицы" царя Алексея и патриарха Никона произошло в первые годы патриаршества Никона действительное об'единение церкви и государства, подобное тому, которое было во времена Филарета и Михаила. Политика государственная и политика церковная должны были совершенно сливаться. Обе были проникнуты одними и теми же мыслями; обеими руководили одни и те же люди.

Ближайшим вопросом внешней государственной политики этого времени был вопрос малороссийский. Это был вопрос о присоединении к Московскому царству западных русских областей, которые московские князья еще в XV веке считали своей вотчиной. Вопрос был несложный, если бы его рассматривали только с точки зрения внешней, „светской" государственности. Присоединение тогда зависило бы только от удачи московского оружия и успеха московской дипломатии. Но московское правительство не могло рассматривать вопрос только с этой внешней точки зрения. Московская Русь не на словах только была православным царством. Водители этого

царства считали задачею своею не только внешнее устроение жизни русского народа, но и внутреннее — руководство духовною жизнью народа, т. е. в первую очередь — церковною его жизнью. И вот, устроение церковной жизни западной Руси представляло собою вопрос чрезвычайно сложный и запутанный. Западная Русь являлась особой митрополией чужой патриархии. Митрополия эта при том также носила название „всея Руси". Желая в самом титуле своем выставить права свои на западно-русскую церковь, патриарх Никон принял новый титул патриарха „всея Великия и Малыя и Белыя Руси"[1] — в параллель с расширением титула царского. В западно-русской православной церкви кипели большие внутренние силы церковно-национальной энергии. Борьба с латинством, разбивая внешнюю организацию западно-русской церкви, укрепляла внутренний ее дух. В первую половину XVII в. киевский митрополит Петр Могила произвел значительные изменения в обиходе западно-русской церкви, стремясь приблизить ее к церкви греческой. Если царь Алексей и патриарх Никон желали присоединить западную Русь к православному царству, они должны были создать условия, при которых западно-русская церковь по внутреннему побуждению захотела бы итти под высокую руку патриарха московского. Для этого нужно было православную церковь на Москве во всем ее быту и организации согласовать с православною церковью в Киеве. Такое согласование в обряде и было действительно предпринято патриархом Никоном, параллельно с мерами московской дипломатии, направленными к присоединению юго-западной Руси — мерами, которые предпринимались Великим Государем царем Алексеем Михайловичем несомненно в полном согласии и совете с богомольцем его Государем патриархом Никоном.

В понедельник первой недели великого поста (22 февраля) 1653 г. состоялась первая дума царя с боярами о принятии в подданство Малой России. Три недели спустя (14 марта) „свершися государская мысль в сем деле". Тогда же грянул первый удар Никона по старому правоверию — перед наступлением великого поста разослана была по московским церквам память о поклонах и троеперстии („по преданию св. апостол и св. отец не подобает в церкви метание творити на колену,

[1]) Вместо прежнего „всея Руси".

но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились"). От этой памяти у крепких приверженцев русской старины, как протопоп Аввакум, „сердце озябло и ноги задрожали".

8 января 1654 г. происходила Переяславская рада; в начале марта приехали в Москву от Хмельницкого полковники Зарудный и Тетеря бить челом о вольностях гетмана и войска запорожского. Утверждая статьи об этих вольностях, на Москве сделали оговорку относительно того, чтобы митрополиту киевскому „быть под благословением" Никона. Тогда же, в марте или апреле 1654 г., созван был в Москве церковный собор, который одобрил действия Никона по исправлению старых книг и обрядов.

Деятельность патриарха Никона по реформе церковного обряда вызвала глубокое возмущение в толщах русского православного общества, при том как раз наиболее искренне чувствовавшие церковные люди оказались особенно затронутыми в своих чувствах. Действия Никона могли показаться направленными против всей идеологии Третьего Рима, которая владела русским сознанием с XV века. Москва — Третий Рим, и вдруг оказывается на Москве в самой сердцевине ее — в церковной жизни, непорядки и ошибки, которые надо исправлять, сообразуясь с указаниями тех греков, которые со времен Флорентийской унии сами то более чем подозрительны по латинству. Между Никоном и старообрядцами происходило однако явное недоразумение, т. к. Никон, несмотря на свое пристрастие ко всему греческому, по существу также проникнут был сознанием вселенского величия русской церкви и русского патриарха.[1]

§ 96. Падение патриарха Никона и раскол старообрядства.

Титул „великого государя" не был для Никона пустою кличкою. Никон деятельно и энергично вмешивался в ход дел не только собственно церковных, но и государственных. В 1654 г., уезжая на Литовскую войну, царь Алексей официально вручил патриарху Никону управление всем государством и попечение над всею царскою семьей. Властный и резкий характер Никона

---

[1] Эта сторона взглядов Никона нашла себе яркое выражение в тех дополнительных статьях, которыми Никон снабдил печатное издание Кормчей книги.

доставил ему много врагов как среди подчиненного духовенства, так, в особенности, среди царских бояр и придворных. В свое время бояре подчинялись патриарху Филарету, так как Филарет был государев отец и один из самых родовитых бояр. Но Никон был человек без роду, без племени при царском дворе. Никон держался только добровольным решением царя Алексея разделить свою власть с патриархом. Но с годами расположение царя Алексея стало изменяться. Участие в победоносных походах 1650-х годов закалило волю царя Алексея и придало ему самостоятельности. По возвращении царя в Москву, начались размолвки между ним и патриархом. Однажды Никон жаловался царю на то, что царский окольничий Хитрово избил патриаршего стряпчего. В ответ царь послал сказать патриарху, что сам на него гневен за то, что он именуется „великим государем". После этого Никон самовольно оставил патриаршество и после литургии в Успенском соборе (10 июля 1658) снял с себя патриаршее облачение, а затем уехал в построенный им незадолго перед тем Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим) за 50 верст от Москвы. Своим самовольным от'ездом Никон ввергнул русскую церковь в тяжелые нестроения. Избирать нового патриарха было нельзя, т. к. от сана патриарха Никон не отказался. Управление русской церковью фактически перешло к царю Алексею. В 1660 г. собор русского духовенства большинством постановил лишить Никона патриаршего сана. Но меньшинство энергично протестовало, и царь Алексей не решился утвердить мнение большинства.

Решено было созвать на Москве „великий собор" с участием всех восточных патриархов. Такой собор состоялся осенью 1666 г. Александрийский и Антиохийский патриархи приехали лично, — Константинопольский и Иерусалимский прислали своих апокрисиариев (представителей). Обвинителем Никона выступил сам царь Алексей. Собор единогласно присудил Никона к лишению патриаршего сана и священства. Как простой инок, Никон сослан был в Ферапонтов монастырь у Белоозера.[1] Осуждение Никона вызвано было причинами внутренне-политического характера — взаимоотношениями царя и патриарха.

[1]) Никону разрешено было переехать в Воскресенский монастырь только в 1681 г. (при царе Федоре Алексеевиче). Никон умер по дороге близ Ярославля.

Реформа же обряда, начатая Никоном, не была прекращена и борьба со старообрядством продолжалась и без Никона.

Реформа обряда еще при Никоне утверждена была собором русских архиереев в 1654 г. (только еп. Павел Коломенский отказался признать нововведения). Постановления московского собора Никон послал для утверждения восточным патриархам (в 1655 г. на Москве было получено утверждение Иерусалимского патриарха). Никон лично следил, чтобы по церквам рассылались исправленные богослужебные книги, и точно соблюдалось бы троеперстие. Великий собор 1666—67 гг., осудив патриарха Никона, вместе с тем утвердил дело его церковной реформы и наложил клятвы на старообрядцев. Таким образом — окончательный раскол старообрядства в русской церкви относится к 1666—67 гг. После этого борьба церковно-правительственной власти со старообрядцами вступила в решительный фазис.[1] Когда монахи Соловецкого монастыря отказались признать „никонианские новшества", в Соловки посланы были московские войска, которые начали правильную осаду монастыря, длившуюся 8 лет (1668—1676). Наиболее упорных старообрядцев после собора 1666—1667 гг. стали подвергать казни (в 1682 г. сожжен был и престарелый протопоп Аввакум.[2])

§ 97. Бунт Стеньки Разина.

Время царствования Алексея Михайловича, обильное внешними событиями, было вместе с тем временем постоянных внутренних волнений и народных бунтов. В этом сказывались, конечно, еще отклики Смуты. Летом 1648 г. перед созывом Уложенного собора, в Москве был такой народный мятеж, что „весь мир качался".[3] В 1662 г. в Москве вспыхнул народный мятеж из-за падения ценности введенных тогда впервые ассигнаций (в виде медных денег). Но самым страшным был мятеж Степана (Стеньки) Разина.

---

[1]) Но еще и до этого времени против отдельных старообрядческих деятелей принимались суровые меры (еп. Павел Коломенский был сослан после собора 1654 г. и погиб в ссылке; еще ранее сослан в Сибирь протопоп Аввакум).

[2]) Протопоп Аввакум написал сам свое „житие" — одно из величайших произведений русской литературы, но, конечно, вовсе не „бесхитростное" (как иногда считается), а тонко обдуманное.

[3]) Самый созыв Уложенного собора был отчасти вызван желанием внести успокоение в народные массы.

Разин был атаманом „голытьбы" на Дону. В поисках добычи и пропитания (для добычи „зипунов") большая ватага донской казачьей голытьбы во главе с Разиным бросилась вниз по Волге в Каспийское море и морем вошла в устье р. Яика, где обосновалась на зиму 1667—68 гг., войдя в дружбу с калмыками. В 1668 г. казаки эти бросились на персидские владения по юго-западному побережью Каспийского моря. Казаки укрепились на острове близ персидских берегов и в течение нескольких месяцев свезли туда огромную добычу. В 1669 г. казаки вернулись с добычей на Дон. Астраханские царские воеводы пропустили их, отобрав только часть взятых ими пушек. Разин вернулся на Дон с громким именем славного атамана. Теперь он счел себя достаточно сильным, чтобы выступить прямо против Москвы. В 1670 г. Разин начал свои действия на Волге. Им были взяты города Царицын, Астрахань, Саратов, Самара. Воевод и церковные власти Разин подвергал мучениям и смерти; низшее городское население и крестьян Разин записывал в казаки. Чтобы придать вид законности своему движению, Разин распускал слух, что у него в ставке московский царевич и патриарх. Мятеж Разина охватил огромное пространство — все среднее и нижнее Поволжье. Разин пытался всюду в захваченных им городах ввести новый административный строй — на началах выборности властей по образцу казачьего круга. К казакам присоединялись не только русские крестьяне, но также инородцы (мордва, черемисы, татары). Разин дошел до Симбирска. Здесь он был разбит войсками кн. Ю. Барятинского. Разин бежал на Дон, но был схвачен домовитыми казаками и выдан Москве. В том же (1671) году Разин был казнен.

§ 98. Внешняя политика России в последнюю треть XVII в. (1667—1696).

Борьба между Польшей и Россией за Малую Русь осложнена была внутренними междоусобиями в самой Малой Руси —Украине. Произошло разделение на правобережную Украину (тянула к Польше) и левобережную (тянула к Москве); каждая часть имела своего гетмана. Среди малороссийского казачьего войска образовалась также партия противников и Москвы и Польши. Партия эта тянула Малую Русь в сторону Турции. Турецкая ориентация не представляла ничего необыч-

ного для православного и для славянского народа. В течение XIV—XV веков и среди греков и среди сербов были сторонники турецкой власти, предпочитавшие эту власть латинскому господству. То же явление повторялось на Украйне XVII в. Часть казаков предпочитала мусульманскую Турцию латинской Польше. В пылу борьбы за сословно-войсковые привилегии, эта часть казаков ослеплена была непримиримою ненавистью также и по отношению к Москве. Гетман Дорошенко поддался турецкому султану, и весною 1672 г. Турция об'явила войну России и Польше. В августе месяце турки взяли главный оплот Польши с юга — крепость Каменец. Вслед за тем турки заняли г. Чигирин (столицу правобережных гетманов). Турецкая война тянулась (с перерывами) почти десять лет. Наконец, в 1681 г. был заключен договор с турками в г. Бахчисарае (20-летнее перемирие). Москва уступила туркам все земли на правом берегу Днепра, кроме Киева.

Перемирие с Турцией для московских политиков времени Федора Алексеевича и царевны Софии Алексеевны был однако лишь временною передышкою. Через несколько лет московское правительство дало себя вовлечь в новую войну с турками под польским влиянием, которое стало очень сильно в 80-х годах XVII в. при московском дворе. В начале 1680-х годов против Турции составилась большая латинско-униатская коалиция, в которой душою был Рим, а главными деятелями Венеция и Польша. И Венеция и Польша стремились использовать для борьбы с Турцией силы самого православного Востока, опутав их униатской идеей. В 1683 г. начались действия коалиции. Польский король Ян Собесский отразил турок от Вены (первый удар, после которого турецкое могущество постепенно стало падать). С 1684 г. венецианцы начали действовать в Греции, вытесняя оттуда турок. Польша всеми силами стремилась вовлечь в коалицию и Москву. Осенью 1684 г. шли переговоры между московским послом Украинцевым и малороссийским гетманом Ив. Самойловичем о постоянном союзе с Польшей против турок и татар. Самойлович выступил ярым принципиальным противником новой системы московской политики и выразил мнение о том, что мусульманская Турция для православных народов лучше, чем латинский запад. Самойлович писал в Москву так: „Под игом Турецким обретаются народы православной греческой веры, Валахи, Молдаване, Болгары, Сербы, за ними много-

численные греки, которые все от папина начальства укрываются и утешаются одним именем русских царей, надеясь когда-нибудь от них получить отраду. Известно, что папежаны усердно хлопочут в Иерусалиме овладеть Гробом Господним. Если бы чрез вступление царских величеств в союз, цесарю римскому и королю польскому посчастливилось овладеть турецкими областями и принудить тамошние народы к унии, в самом Иерусалиме возвысить Римский Костел и понизить Православие, то от этого все православные народы получили бы неутолимую жалость". Точка зрения, которую защищал Самойлович, была традиционною точкою зрения православного востока.[1]

Однако на Москве к этому времени стали уже забывать прежние заветы политического делания. В XVI в. московские государи совмещали идеи православного царства и православной политики с политикой дружественной по отношению к мусульманскому миру. В средине XVII в. при Алексее Михайловиче и патриархе Никоне на Москве возобладали мысли „чистой" православной политики — без соблюдения связей с системой мусульманского мира. Теперь, в последней четверти XVII в. маятник московской политики качнулся дальше на запад: воспринята была польско-униатская мысль о союзе „христианских" (латинских и униатски настроенных) государей против мусульманской Турции, которую безуспешно папские агенты старались внушить московским государям XVI в. и которую пытался провести в жизнь первый Лжедмитрий во время Смуты. Москва пошла в хвосте латинско-униатской коалиции. Это обстоятельство было в сущности полным крушением идеи Третьего Рима в международной политике Москвы. В 1686 году московские дипломаты заключили „вечный мир" с Польшей и союз с нею против турок и татар. Москва однако мало выгадала от нового направления своей международной политики: походы кн. Голицына на Перекоп (в 1687 и 1689 г. г.) окончились совершенной неудачей. Понадобилась смена правительства на Москве и чрезвычайная энергия юного царя, чтобы борьба с Турцией увенчалась успехом (взятие Азова в 1696 г. после двух походов русской рати).

---

[1] Почти буквально повторил во второй половине XIX в. мысли Самойловича Н. Я. Данилевский в сочинении „Россия и Европа" (стр. 343—345 по 4-му изд. 1889 г.).

Одновременно с неудачною турецкою войною 1680-х годов, на крайнем востоке, на Амуре, шла борьба с китайцами за крепость Албазин (после того, как посольство Николая Спафария в Китай в 1675 г. не привело к разрешению недоразумений). В 1689 г. боярин Ф. Головин заключил в Нерчинске мирный договор с Китаем: Россия отказывалась от всего течения Амура (с китайской стороны вели переговоры иезуиты Жербильон и Перейра).[1] В 1692 г. был отправлен послом в Китай из Москвы Елизарий Избрант (голштинец родом) для заключения торгового договора. Посольство было безуспешно (Избрант вернулся в Москву в 1695 г.), но служило проявлением интереса московского правительства и в частности — молодого царя Петра Алексеевича — к Востоку.[2] Несколько раньше (в конце 1670-х годов) начались попытки завязать дипломатические сношения с Индией, куда послан был от Москвы казанский татарин мусульманин Касимов. Касимову, как мусульманину, предложили поступить на индийскую службу, но он отказался. Как московского же посла, Касимова в Индию не пустили. В 1695 г. в Индию отправлен был из Москвы купец Семен Маленький для того, чтобы наладить торговые сношения. Маленький добрался до Индии через Персию. В декабре 1696 г. он проехал морем из Бендер-Аббаса в Сурат; был в Агре и в Дели, был принят императором Ауренгзибом.[3] Маленький вернулся тем же путем в Персию, но умер в Шемахе на пути из Персии в Россию.

§ 99. Греческое и западное культурное влияние во второй половине XVII в.

Время царя Алексея и патриарха Никона было эпохою сильного греческого влияния не только по отношению к церкви, но по отношению и к другим сторонам жизни русского народа. Сильное влияние оказывало в этот период греческое (византийское)

[1]) Иезуиты обманули Головина, сообщив о приближении сильного китайского войска (чего в действительности не было). — Характерно, что на китайском Востоке иезуиты откровенно работали во вред России, в то время как на польском Западе прикрывались личиною дружбы.

[2]) Еще в 1691 г. выдающийся знаток Востока, амстердамский бургомистр Витзен, написал письмо царю Петру, обращая его внимание на важность установления торговых сношений с Персией и Китаем.

[3]) Ауренгзиб (1659—1707) — последний из Великих Моголов.

право на русское право (напр. уголовное). При царе Федоре Алексеевиче в Москве основано было высшее богословское училище (славяно-греко-латинская академия). Преподавателями приглашены были греки бр. Лихуды. При Федоре Алексеевиче (1676—1682) и особенно при царевне Софии Алексеевне (правила при своих малолетних братьях Петре и Иване Алексеевичах 1682—1689) чрезвычайно усилилось в Москве западное влияние (польско-латинские навыки). Проводниками этого западного влияния были преимущественно западно-русские духовные деятели. Польское влияние в религиозно-церковной жизни выразилось между прочим в так называемой „хлебопоклонной ереси", которой придерживались Сильвестр Медведев и др.[1] Сильвестр Медведев был другом Ф. Шакловитого, начальника стрельцов.[2] Поэтому во все время правления Софьи Сильвестр Медведев мог беспрепятственно излагать свою ересь. Положение переменилось лишь, когда царь Петр устроил переворот и заточил Софью в монастырь (1689). 17-ти летний Петр Алексеевич после переворота продолжал лично держаться в стороне от государственных дел. Он занят был своими „марсовыми" и „нептуновыми" потехами (воинскими и корабельными затеями) и продолжал свою бесчинную (с точки зрения порядков царского обихода) жизнь, которой научила его Немецкая Слобода в Москве. Управление государством вели царица Наталья и патриарх Иоаким (а после смерти последнего в 1690 г. — патриарх Адриан). Это были годы церковно-националистической реакции. Иноземцы перестали пользоваться покровительством государственной власти. Киевские ученые монахи были заподозрены. Церковный собор 1690 г. твердо и решительно осудил хлебопоклонную ересь. Вспышка церковно-православной реакции была однако кратковременна. Петр подрастал, и с началом его действительного управления государством широкой волной должны были хлынуть на Русь уже не латинско-униатские, а протестантски-рационалистические воззрения на жизнь и веру. Русская церковь, подорванная расколом старообрядства, уже не имела сил управлять духовной жизнью русских людей.

[1]) Ересь касалась времени пресуществления св. Даров за литургией. По латинскому учению пресуществление совершается при произнесении священником слов „Приимите, ядите..." По православному учению, пресуществление совершается позже, когда священник призывает на хлеб и вино Духа Святого.

[2]) Шакловитый поставлен был во главе стрельцов после казни кн. Хованского в 1682 г.

ПЯТЫЙ ПЕРИОД.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛЕСА И СТЕПИ
1696—1917.

ГЛАВА XIII.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ.

§ 100. Внешняя политика Петра от взятия Азова до Гангутской победы.

Взятие Азова (1696) было для Петра не завершением борьбы с Турцией, а только ее началом. Продолжение борьбы Петр представлял себе так, как представляли это почти все руководители русской внешней политики последней четверти XVII в.: при помощи большого союза христианских держав против турок.

Для утверждения и расширения такого союза весною 1697 г. Петр отправил чрезвычайное посольство в Европу — к римскому папе, римскому (германскому) императору, отдельным немецким государям, в Голландию, Англию, Венецию.[1] Маршрут посольства был: Рига (тогда шведский город), Курляндия, курфиршество Бранденбургское (позднейшая Пруссия), Голландия, Англия, опять Голландия, Вена. Оттуда Петр должен был ехать в Венецию, но в это время из Москвы пришло известие о стрелецком бунте, и Петр поспешно бросился назад в Москву. Таким образом Петр не завязал прямых отношений с главным в то время противником турок — Венецией. Вообще, посольство было совершенно неудачно в смысле достижения цели, поставленной тогдашней русской дипломатией, т. е. укрепления все-европейского союза против турок. Европа была занята борьбою Габсбургов и Бурбонов.

Не достигнув прямой своей цели, русское посольство 1697—1698 сыграло все же большую роль. Оно отвело внимание Петра от турок совершенно в иную сторону. Петр увидел, что в ряде прибалтийских стран Европы (Бранденбург—Пруссия,

[1]) В свите посольства состоял инкогнито и сам Петр под именем „Преображенского полка урядника Петра Михайлова".

Польша, Дания) назревает мысль о борьбе со Швецией (которая владела тогда почти полным кругом земель по Балтийскому побережью). Петр решил воспользоваться обстоятельствами и принять участие в подготовлявшейся борьбе. Таким образом, Петр поехал в Европу с мыслью о борьбе против турок, а вернулся с мыслью о борьбе против шведов. Вернувшись в Москву (в августе 1698 г.) Петр прежде всего занялся розыском по стрелецкому бунту (который был подавлен еще до возвращения Петра). Вслед затем Петр начал подготовляться к борьбе со Швецией. Он заключил в этих видах формальный союз с польским королем Августом II и датским королем Христианом. Петр не соглашался однако начать новую войну раньше, чем не будет закончена прежняя — с турками. Летом 1700 г. русский уполномоченный Е. И. Украинцев заключил в Константинополе мирный договор с Турцией (Азов остался за Россией). Тотчас по получении известия о мире с Турцией, Петр двинул войско к шведскому городу Нарве на Финском заливе (следуя привычному московскому плану войны со шведами). Война со Швецией, как известно, началась крайне неудачно для Петра и его союзников. Русское войско было разбито под Нарвою. Считая, что нарвская победа покончила с русскими военными силами, шведский король Карл XII устремился против Августа и на некоторое время, по выражению Петра, „увяз в Польше". Это обстоятельство спасло Петра. Нарвская неудача не сломила воинской энергии Петра, а наоборот дала ей мощный толчек. Началась лихорадочная деятельность Петра по переустройству русской армии на новых началах. В ближайшие годы, отправив русские вспомогательные отряды на помощь Августу в Польшу и Литву, Петр главное внимание обратил на балтийское побережье. В течение 1701—1704 гг. Петр прочно овладел Ижорской землей (Ингрией), основав (в мае 1703 г.) новый город — Санктпетербург.

Вслед за тем начались однако новые затруднения внутренние и внешние. В 1705 г. вспыхнул бунт в Астрахани (против „бояр и немцев"), тогда же начался башкирский бунт (подавленный лишь в 1709 г.), а в 1707 году восстание донского казачества, вызванное тем, что Петр послал на Дон войско возвращать беглых „воров". „Голытьба" под предводительством Кондратия Булавина осилила „домовитых казаков"; восстание приняло грозные размеры. Петру пришлось отправить большие воинские силы на Дон. Осажденный в Черкасске, и не видя

спасения. Булавин застрелился (1708); сообщники его бежали на Кубань. Все эти восстания подавлены были с величайшим трудом. Одно время казалось, что восстанет весь юго-восток России. Положение спасли калмыки (астраханские); калмыцкий хан (тайша) Аюка прислал почти все свои воинские силы (свыше 20 тыс. человек) для восстановления порядка.

Одновременно надвигалась и внешняя опасность. Карл выгнал Августа из Польши, погнался за ним в пределы Саксонии и принудил заключить сепаратный мир (1707); в Польше под давлением Карла избран был новый король (по Литве — великий князь) Станислав Лещинский, естественно начавший поддерживать уже Карла. В конце 1707 г. шведы двинулись на русскую землю. В самом начале 1708 г. Карл взял г. Гродно, причем русское войско едва успело уйти от разгрома. Из Гродна Карл пошел на Могилев. Петр ожидал дальнейшего движения шведов на Смоленск и Москву; Москву спешно начали укреплять. Но Карл неожиданно повернул на юг, в Малороссию, не дождавшись прибытия из Лифляндии вспомогательного корпуса генерала Левенгаупта, который вез большие военные запасы и продовольствие. Карл пошел в Малороссию, надеясь на измену гетмана Мазепы. Мазепа действительно уже с 1707 г. начал вести переговоры с новым польским королем Станиславом Лещинским об отпадении от Москвы. Однако Карл переоценил силы Мазепы. Мазепа перешел к Карлу лишь с незначительным отрядом казаков. Не дождавшись в Могилеве Левенгаупта, Карл совершил крупную ошибку. В сентябре 1708 г. Петр разгромил корпус Левенгаупта при дер. Лесной (на р. Соже), при чем захватил весь его громадный обоз. Развязка пришла в следующем 1709 г. Петр считал нужным во что бы то ни стало спасти Полтаву от Карла и Мазепы (Полтава являлась ключем к дороге на Белгород и Воронеж — а в последнем городе была главная база азовско-донского флота Петра и большие запасы хлеба). Исход „генеральной баталии" под Полтавой решен был главным образом превосходством артиллерии Петра. Шведская армия была совершенно разбита; через несколько дней оставшаяся часть ее сдалась Меньшикову, который настиг шведов при переправе через Днепр. Только сами Карл и Мазепа успели перебраться через Днепр с небольшим числом свиты и укрылись в Турции (первоначально в г. Бендерах на Днестре). „Преславная виктория" под Полтавой имела громадное значение. Ста-

нислав Лещинский должен был уехать из Польши (Август снова об'явил войну Швеции).

Карл не спешил вернуться из Турции в Швецию, а старался использовать свое пребывание в Турции, чтобы подвинуть турецкого султана на войну с Россией. Интриги Карла увенчались наконец успехом, и в конце 1710 г. Турция об'явила войну России. Петр решил вести не оборонительную, а наступательную войну. Отказавшись еще в 1697—98 г. г. от мысли европейского союза против Турции, Петр вернулся к программе Алексея Михайловича и захотел использовать в своих целях настроения православных подданных султана (славян, румын и греков). Петр заручился положительными обещаниями помощи от Молдавского и Валашского господарей (Кантемира и Бранкована). В расчете на эту помощь Петр пошел через Молдавию к Дунаю с небольшим сравнительно войском (ок. 40 тыс. чел.). Однако и это войско быстро начало страдать от отсутствия провианта (который взялись поставить господари, но не сумели исполнить своего обещания). Дойдя до р. Прута, Петр был окружен превосходящими по численности турецкими войсками (до 200 тыс. чел.). Петр считал необыкновенной для себя удачею, что турецкий визирь согласился вступить в переговоры о мире. Петр должен был уступить туркам Азов, на взятие которого употреблено было столько усилий.

Прутский поход Петра подорвал его военный престиж, только что приобретенный Полтавской победой. Это обстоятельство затянуло шведскую войну. Впрочем, Петр продолжал вести эту войну с напряженной энергией. В 1714 г. русский флот одержал полную победу над шведским при Гангуде; Петр занял Аландские острова, откуда можно было грозить уже самому Стокгольму. Это был действительный перелом войны.

Увлеченный шведской войною, Петр в первое десятилетие XVIII в. обращал мало внимания на восток[1] и не использовал выгодных возможностей, открывавшихся для русской политики в Туркестане заявлениями хивинского хана о желании принять русское подданство (1703). Интенсивнее был в это время интерес Петра к Дальнему Востоку. В 1697 г. казачий пятидесятник Атласов занял Камчатку и встретил там потерпев-

[1]) Хотя 18-го июня 1700 г. был издан указ об обучении русских людей восточным языкам для службы по сношениям с Востоком.

шего кораблекрушение японца Денбея. В 1701 г. Атласов был в Москве и рассказал о Денбее. 16 апр. 1702 г. последовал царский указ о том, чтобы прислать в артиллерийский приказ „японского государства иноземца Денбея" для обучения русскому языку и грамоте, и как он Денбей русскому языку и грамоте научится, — и ему Денбею учить своему японскому языку робят человек четырех или пяти". В 1707 году была послана в Монголию русская православная миссия во главе с Иларионом Лежайским (духовным из малороссиян).

§ 101. Петр Великий и его программа.

Имя „Петра Великого" сделалось символом и программой целого направления русской мысли — преклонения перед Западом. С именем этим связано „превращение России в Европейскую Державу".

В таком употреблении имени Петрова кроется однако значительное недоразумение. Исторический Петр далеко не во всем был похож на Петра програмного.

Исторически справедливо, конечно, утверждение, что именно Петр резко и безудержно начал прививать русскому обществу европейские моды и привычки — от технических навыков по постройке кораблей и морской номенклатуры до европейского платья и прически включительно. Неоспоримо также то пристрастие к протестантизму, которое ярко проявилось во всех действиях Петра и которое заменило собою латинско-польские влияния 1680-х годов. Образ действий и мыслей Петра ломал традиционный образ мыслей московского придворного общества, рвал с московской политической идеологией, вносил величайшую путаницу в народное мировоззрение. И все таки, Петр не был тем принципиальным „западником" и „европейцем", какими стали многие продолжатели Петрова дела. Петр был и оставался в своих безудержных увлечениях глубоко русским человеком, и вся программа его деятельности сводилась к мысли о России. Европа была для Петра прежде всего школою научных знаний и технических навыков. И надо сказать, что в его время Россия, конечно, многому могла и должна была учиться у Европы. К концу XVII в. Россия во многом не стояла на уровне развития науки и техники, на котором тогда стояла Европа. XVI и XVII века — время быстрого технического прогресса

Европы. До XV в. Азия стояла впереди Европы в смысле научно-технических достижений. Европейские путешественники, попадая в Индию и Китай, чувствовали, что попадают в страны высшей культуры. Турки и монголы принесли с собою в переднюю Азию и Европу новые навыки техники (многих ремесл, военного дела и т. д.). Народы, имевшие дело с турками, как венецианцы, явились проводниками новых идей в Европе. С XVI века начался упадок турок и монголов и под'ем Европы. Русь в XIV — XV вв. стояла на высоком техническом и культурном уровне (напр. в области военного дела) благодаря тому, что была под турецко-монгольским влиянием. Русь следила и за прогрессом европейской техники и знания, но не поспела за быстрым темпом прогресса европейской материальной культуры в XVI — XVII веках. Действия Петра Великого в значительной степени об'яснялись простой материальной необходимостью: если бы Русь не стала на уровень европейской техники, она попала бы в европейское рабство, сделалась бы европейской колонией. Для защиты русской самостоятельности необходимо было овладение европейской техникой. Петр это понял, и на овладение этой техникой устремил все силы свои и своего народа. Но последователи Петровы при этом перегнули палку в другую сторону: стали воспринимать европейскую культуру не ради защиты русской самостоятельности и самобытности, а ради самой этой европейской культуры. В этом Петровы последователи нарушили завет, который предание приписывает именно Петру: „Европа нужна нам на сто лет, а там мы можем к ней повернуться задом". Петр сам был отчасти виною последовавшей беспринципной европеизации: ибо он сам разрушал устои древнерусской веры и быта, православную Русь превращал в протестантское „регулярное государство". Любой гвардейский офицер по мысли Петра способен был управлять русской церковью в качестве обер-прокурора св. Синода. Непристойные церемонии всешутейшего и всепьянейшего собора, высмеивавшие „князя — папу" и „князя — патриарха", видимо составляли пародию на церковные обряды вообще. А Петр сам играл видную роль в этой пьяной пародии.[1] Всему этому были основания и личные и исторические. Исторические — потому что основа древне-русского государства — православ-

[1]) Носил „сан" дьякона.

ная церковь — была расшатана и надорвана расколом старообрядства. Личные основания: протестантский уклад Петровой души и религиозности. Родившись в православной царской семье, и восприняв традиционные навыки к культу твердой власти, Петр вместе с тем одарен был тою рационалистическою простою религиозностью, которая часто свойственна русскому казаку и крестьянину и которая нашла себе книжное и умственное подкрепление в налете протестантизма, который Петром был воспринят в немецкой слободе и за границею. Петр по всему своему душевному укладу был типично-русским человеком, но по своему религиозному мировоззрению он не был типично-русским царем. В душевном облике Петра было много черт, напоминавших Ивана Грозного. Но умственный багаж Петра и все направление мысли были у Петра совсем иные, чем у Ивана.

Иван Грозный, следуя указаниям митрополита Макария, венчался на царство стремясь осуществить исторические идеалы Византии. Петр Первый учредил в 1711 г. Сенат, вероятно в уме своем приравнивая Государство Российское к Империи Римской. И через 10 лет (по заключении мира со шведами) восхищенные сенаторы поднесли Петру титул Отца Отечества, Императора, Великого (Pater Patriae, Imperator, Maximus!). Основная разница между пониманием государственной власти в Риме и Византии уловлена была в самом существе дела. Вместо византийского строя церковной империи (православного царства) устанавливался строй римской светской империи (не царства и не православного).

Царь и Патриарх — богоизбранная и богомудрая Двоица — таково было определение высшей государственной власти московской эпохи. А в Духовном Регламенте 1721 г. отмена патриаршества оправдывалась тем, что „от единого собственного [т. е. особенного] правителя духовного можно опасаться отечеству мятежей и смущения, ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной". 20 декабря 1721 г. синодальные архиепископы „словесно приказали": в Московском Успенском Соборе спрятать в ризницу с места патриаршего посох митрополита св. Петра, а у гроба св. Петра вместо пудовых свечей поставить фунтовые. Тогда же велено было „патриаршему месту чести не отдавать"... Так символически из'ымалось русское государство из под церковного благословения... Император Всероссийский не нуж-

дался в посредстве Церкви между Богом и собою. Еще за несколько лет до принятия императорского титула и учреждения св. Синода Петр так определил свою власть (в воинском уставе 1716 г.): „Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен".[1]

§ 102. Армия в политике Петра.

Одна мысль, одна забота охватила Петра в первые годы XVIII века: мысль об армии, забота об ее устройстве, снабжении и продовольствии. Русская регулярная армия нового строя — детище Петрово. В это детище Петр вложил всю свою гениальную душу. Русская армия — наиболее прочное и наиболее славное создание Петра. Старинная русская стратегия и тактика заменена была новым строем, который основан был на европейской технике, но которому Петр сумел придать не отраженное, а подлинное бытие. Петр не был рабским подражателем западных образцов. Он внес свои собственные думы и мысль в устройство и боевую жизнь русской армии (сосредоточение артиллерии, действие большими массами). Секрет дисциплины и организации Петровской армии заключался в исключительной роли гвардейских полков, в которых рядовыми были прирожденные офицеры-дворяне. Петр построил таким образом русскую армию, изменив ее, в сущности на тех же принципах, на которых держалась и прежняя московская армия (и которые шли еще от Чингисхана); только эти принципы были переработаны на основе новой военной техники. В годы военного напряжения Петр все внимание свое обращал на армию; следующая забота его была о материальных средствах, нужных для армии („деньги суть артериею войны"), — в связи с тем о под'еме промышленности и государственных финансов. На заднем плане для Петра в первую половину его царствования был вопрос о правильном устройстве административного механизма. Лишь после Гангудской морской победы над шведами (1714), чувствуя себя спокойно относительно исхода шведской войны, Петр мог отдать больше внимания вопросам внутреннего управления.

[1]) Окончание определения: „по силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять".

После Гангутской морской победы Петр уже не боялся Швеции.[1] Внимание Петра отвлечено было теперь на Восток. Постепенно все отчетливее для самого Петра вырисовывались очертания грандиозной системы восточной политики. Петр не забывал обратно окна в Европу, но в сущности уже поворачивался к Европе задом и становился лицом к Востоку.

Восточная политика Петра имела две главных задачи: войти в тесное соприкосновение с Индией и с Китаем.

В 1714 г. русская духовная миссия во главе с Иларионом Лежайским была переброшена из Монголии в Пекин (где обосновалась в 1716 г.). О. Иларион умер в 1717 г., но ученики его остались в Пекине. Через два года (1719) Петр отправил в Китай светскую дипломатическую миссию, во главе которой стояли Измайлов и Ланге. Посольство достигло Пекина в 1720 г. и было принято китайским императором. Русские послы подчинились требованиям китайского этикета под условием, что и китайские послы в России будут подчиняться требованиям этикета русского. Русским послам однако не удалось добиться прочной дипломатической связи с Китаем. Измайлов уехал из Китая уже в 1721 г. Ланге оставался еще в Пекине, но должен был уехать в следующем году, т. к. навлек на себя неудовольствие китайцев тем, что пытался вступить в сношения с представителями Кореи (которая тогда находилась в вассальной зависимости от Китая). Неудача не ослабила однако настойчивости Петра, и он стал подготовлять новое чрезвычайное посольство в Китай. Во главе этого посольства был поставлен граф Савва Владиславич Рагузинский (добравшийся до Китая уже после смерти Петра). Продолжались попытки завязать сношения и с Японией (в 1714 году был привезен в Петербург японец Санима, которого выбросило морем на Камчатку еще в 1710 г.).

Бóльшее место, чем Китай, занимала в политике Петра Индия, хотя Петру и не удалось завязать с Индией непосредственные сношения. План действий, в направлении к Индии, первоначально выработанный Петром, заключался в подчинении русскому влиянию ханств Хивы и Бухары. Предполагалось поместить в этих

[1]) Переговоры о мире со Швецией Петр вел в 1717—1718 гг., но они были прерваны смертью Карла XII. После того война продолжалась еще три года (Ништадский мир 30 авг. 1721 г. — Россия удержала Ингрию, Эстляндию и Лифляндию).

ханствах русские военные отряды в качестве ханской гвардии. Это укрепляло бы власть ханов внутри их стран, но ставило бы их под совершенный контроль России. По сведениям, добытым от туркмен, у Петра составилось представление о том, что Аму-Дарья впадала раньше не в Аральское, а в Каспийское море. Петр хотел попробовать отвести Аму-Дарью вновь в Каспийское море, чтобы таким образом открыть водный путь из Астрахани к границам Индии. В 1714 г. кн. Бекович-Черкасский получил задание обследовать восточный берег Каспийского моря; им было обнаружено сухое старое русло Аму-Дарьи. Бекович вернулся в Астрахань в 1715 г. Тогда же А. П. Волынский, ехавший посланником в Персию, получил поручение проведать, нет ли реки из Индии в Каспийское море. В 1716 г. Бекович получил новую инструкцию и значительный военный отряд в свое распоряжение. Ему было предписано построить крепости как на Каспийском, так и на Аральском море, и из Аральского моря отправить купчину по Сыр-Дарье до города Еркети.[1] Бекович исполнил сначала первую часть инструкции (построил три укрепления по восточному берегу Каспийского моря) и вернулся в Астрахань в начале 1717 г. Одновременно Петр думал пробить путь к Еркети с другой стороны — со стороны Иртыша, где к русским владениям примыкали владения чжунгарского (ойратского) государства. В 1715 г. в направлении Ямышева озера (где построено было укрепление) двинут был сравнительно сильный (до 3 тыс. чел.) отряд Бухгольца. Отряд Бухгольца был однако разбит калмыками. Бухгольц принужден был бросить Ямышеву и отойти на север, где им была построена новая крепость Омск (1716). Еще бóльшей неудачей кончилась новая экспедиция Бековича. В 1717 г. Бекович двинулся с сильным отрядом (до 4 тыс. чел.) мимо западного берега Аральского моря и благополучно достиг Хивы. Но хивинский хан обманул Бековича притворным подчинением. Бекович согласился разделить свои силы на 5 отдельных отрядов, которые были изменнически уничтожены хивинцами (погиб и сам Бекович). Неудачи Бухгольца и Бековича-Черкасского не остановили однако Петра. В 1721 г. в Бухаре и Хиве был русский посол Беневени, собравший новые сведения о течении р. Аму-Дарьи. Со стороны

[1] Имелся в виду г. Яркенд в восточном Туркестане — ошибочно предполагалось, что город этот стоит на Сыр-Дарье. Нужно отметить, что в 1716 г. в Сенате расспрошен был единственный оставшийся в живых спутник купца Семена Маленького о поездке в Индию в 1695—96 гг.

Иртыша продолжалось продвижение русских отрядов. В 1718 г. основан был Семипалатинск, в 1720 г. — Усть-Каменогорск. Так возникла „Иртышская линия" укреплений.

После окончания шведской войны Петр мог уже всецело отдаться восточным делам. В 1722 г. Петр начал войну с Персией. Русская армия пошла из Астрахани на юг по западному побережью Каспийского моря (были заняты города Дербент, Баку). По миру 1723 г. Россия получила от Персии всё западное и южное побережье Каспийского моря (Дагестан, Ширван, Гилян, Мазендеран). Персия представляла для Петра лишь этап на пути в Индию. А. П. Волынский вспоминал так о персидском походе Петра: „По замыслам Его Величества, не до одной Персии было ему дело. Ибо, еслиб посчастливилось нам в Персии, и продолжил бы Всевышний живот его, конечно бы покусился достигнуть до Индии, а имел в себе намерение и до Китайского государства, что я сподобился от Его Императорского Величества сам слышать". По окончании Персидской войны Петр задумал установить морскую связь с Индией. В декабре 1723 г. было отправлено из Ревеля два фрегата под командою вице-адмирала Вильстера, при котором состояли доверенные лица Петра, капитан Мясной и капитан-поручик Киселев. Вильстеру даны две секретные инструкции; одна предписывала захват Мадагаскара, другая — „вояж до Ост-Индии, а именно до Бенгаля". Фрегаты должны были итти секретно под видом торговых кораблей. Экспедиция Вильстера не могла быть осуществлена, т. к. данные ему фрегаты оказались негодными для дальнего плавания (один корабль дал течь как только вышел в открытое море).

Одновременно с Персидским походом Петра, сделана была попытка продвижения и в Чжунгарии. После построения Иртышской линии калмыцкий владетель Цэван-Рабтан согласился признать себя русским подданным с тем, чтобы русские помогли ему против китайских войск императора Канси. Чтобы окончательно договориться с калмыками, в 1722 г. к ним был послан капитан И. Унковский. Однако ко времени посольства Унковского политическая обстановка изменилась. Император Канси умер (1722) и наступление китайцев прекратилось. Цэван-Рабтан не нуждался в помощи русских и даже боялся этой помощи. Тем не менее в 1724 г. с Унковским приехал в Россию калмыцкий посол Дорчжи; ему „о подданстве не приказано (было) просить", а только о дружбе.

ГЛАВА XIV.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XVIII—XX В. В.

Черты внутреннего строя и политического быта.

§ 104. Отношение императорской власти к религии и церкви.

В первые годы после смерти Петра, в русских правящих кругах наметился некоторый поворот в понимании религиозной природы верховной власти.

Прежние идеалы православной государственности начали вновь проступать в сознании и действиях лиц правящего круга. Уже в „тестаменте" Екатерины I (1727) говорилось: „Никогда Российским Престолом владеть не может, который не греческого закона".

Реакция стала совершенно очевидна при новом государе Петре II-м.

Сын царевича Алексея,[1] Петр II знаменовал собою целую культурную программу — поворота к старому. Императорский двор переехал в Москву (хотя новая столица С.-Петербург и не была официально разжалована). Старая церковная партия начала брать верх над новыми церковными порядками; начались толки о восстановлении патриаршества (для чего был и подходящий кандидат — ростовский митрополит Георгий Дашков, из великороссиян.).[2] Все рушилось со смертью Петра II.[3]

В числе кондиций, подписанных императрицей Анной Иоанновной при ее вступлении на престол, по требованию Верховного Тайного Совета значилось: содержать и распространять православие. Но кондиции, как известно, были разорваны, и в дальнейшем Анна во многом пошла путями Петра Первого. Двор вернулся в С.-Петербург. Церковная политика Анны была в сущности развитием церковной политики Петра. Анна стремилась подавить мечты о восстановлении церковной самостоятельности, тем более патриаршества. Против архиереев, заподозренных в недостаточной лояльности к правительству,

---

[1]) Царевич Алексей был, как известно, противником реформы своего отца, сторонником московской старины. За свои взгляды царевич Алексей поплатился жизнью.

[2]) Это было как бы повторение церковной реакции времени патриархов Иоакима и Адриана.

[3]) Петр умер от оспы в 1730 г.

применена была система террора (под руководством Феофана Прокоповича).

Весь XVIII век был мало благоприятен для развития религиозно-церковных настроений. Это был век рационализма и „просвещения".

Подчиняясь духу времени, лично набожная и религиозная Елизавета Петровна (1741—1761), любительница церковного пения, держала церковь и духовенство в положении подчиненном.[1]

Племянник ее Петр III (голштинец) был в душе протестант, а кроме того и масон; Петр III не скрывал своего враждебного отношения к православной церкви; только краткость его царствования (шесть месяцев) спасла русскую церковь от явного преследования.

Далека была от идеалов православного царства и Екатерина II (1762—1796). Екатерина была яркою представительницею европейского образования и европейской культуры XVIII века (века „просвещения"). Екатерина переписывалась с Вольтером и энциклопедистами. Как истая представительница рационалистического „просвещения", Екатерина относилась свысока и с недоброжелательством к религии и церкви.

Русская церковь и русское духовенство достаточно испытали на себе „просвещенное" отношение императрицы. Наиболее типичными примерами такого отношения было дело Арсения Мацеевича и закрытие монастырей.

Указом 1764 г. была дана сила закона докладу особой комиссии (из двух духовных лиц и пяти светских) об отобрании церковно-монастырских имуществ в Коллегию Экономии. В результате реформы было уничтожено четыре пятых русских монастырей.[2]

Это был сокрушительный удар по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа.

Ростовский митрополит Арсений Мацеевич подал протест против отобрания церковных имуществ.[3] По требованию Ека-

---

[1]) Характерно, что при Елизавете духовенство устранено было от выборов в комиссию для составления нового уложения — это повторилось затем и при Екатерине.

[2]) Из 732 мужских монастырей (не считая юго-западного края) оставлено 161; из 222 женских — всего 39.

[3]) В частности против того, чтобы светские лица входили в алтарь и касались церковных сосудов.

терины Синод осудил владыку Арсения. Святитель был лишен сана, монашества, переименован в Андрея Вреля и посажен с заклепанным ртом в Ревельскую крепость.[1]

Роль суррогата церкви в дворянском (отчасти и купеческом) обществе времен Екатерины стали играть масонские ложи, нашедшие себе громадное распространение и образовавшие несколько „систем" (во главе одной из них, английской, стоял И. П. Елагин, сенатор и член Главной Дворцовой Канцелярии). Едва ли не четверть первых восьми классов тогдашней русской бюрократии участвовало в масонских организациях.

Среди масонских организаций выделились также организации мистического масонства, которое представляло собою идейную оппозицию масонству рационалистическому. Эта идейная оппозиция связалась с консервативной политической оппозицией против Екатерины. Масоны шведской системы и розенкрейцеры начали группироваться вокруг сына и наследника Екатерины, цесаревича Павла Петровича (которому в 1772 г. исполнилось 18 лет).

Опасения политической интриги в пользу Павла Петровича заставили Екатерину принять решительные меры против масонства (общее закрытие масонских лож; разгром розенкрейцерского кружка в Москве; — заключение главного деятеля этого кружка, Новикова, в Шлиссельбургскую крепость).

Совершенно иных, чем Екатерина, воззрений на религию и церковь держался Павел Петрович.

В виде протеста против рационалистических взглядов Екатерины Павел развил в себе взгляды на мистическую и религиозную подпочву государственной власти. Так, утоляя духовную жажду не из церковного, а из внецерковного источника, Павел пришел к выводам о ценности также и церковной религиозности, при чем однако он склонен был делать мало различия между православием и латинством.

Считая нужным покровительствовать церкви, Павел ставил себя самого в положение руководителя церкви. Таким образом Павел пришел к той же точке зрения, что в свое время и Петр Первый — т. е. к мыслям о власти императора над церковью, только при этом Петр и Павел исходили из разных оснований: Петр мало ценил мистическую сторону церкви и стремился к секуляризации государства; Павел, наоборот,

[1]) Арсений Мацеевич скончался в 1772 г.

высоко ставил мистическую сторону религии и стремился к оцерковлению государства. Этим путем он пришел к формуле о том, что Государь есть глава церкви.[1]

Первая четверть XIX в. — время Александра I — есть время усиления в русском обществе внеконфессиональной религиозности. Выражением этих настроений во внешней политике был „Священный союз" (1815). Фактический руководитель этого союза, Александр I, становился главою уже не только русской церкви, но христианских церквей вообще.[2]

Начиная с Николая I, положение православной церкви и духовенства в Российской Империи меняется. Императорская власть придает церкви уже больше значения. Церковь приобретает внешний почет. Но внутренне церковь продолжает быть скованною до — 1917 г.

§ 105. Императорская власть. — Дворянство и крестьянский вопрос.

Церковная реформа Петра — наиболее слабое место во всей его системе (так же, как военная реформа — наиболее сильное место). Подгоняя православную церковь под общий ранжир своего регулярного государства, Петр заколачивал выход главному духовному источнику силы и крепости русского государства. Между крайними полюсами — положительным и отрицательным — могут быть размещены прочие петровские реформы — административная, сословная, промышленная, финансово-податная и проч.

Реформы Петра, охватывая различные стороны русской жизни, служат главным целям Петра — военному преобразованию и внешней политике.

В соответствии с новой табелью военно-административных чинов поставлено было Петровское дворянство (табель о рангах 1722 г.). Лестница в 14 ступеней отделяла разночинца от первого сановника в государстве. Первый обер-офицерский чин по во-

[1]) Формула эта была выражена в уставе о престолонаследии (1797). Позже она попала в примечание к 42 ст. Основных Законов (1832).

[2]) Отражением этого во внутренней политике Александра было учреждение „Министерства духовных дел и народного просвещения" (1817). Религиозность ставилась во главу просвещения, но не православная, а внеконфессиональная религиозность. Православная церковь, на ряду с другими православными и даже иноверными церквами, оказалась подчинена даже не императору, а одному из его министров.

енной службе и первый штаб-офицерский по штатской давали потомственное дворянство.

Дворянство имело таким образом служебный характер. Служба — военная и штатская, первая в особенности — давала постоянный приток свежему элементу в дворянство.

Все сословия были поставлены на служебную ногу. Все должны были служить государству, начиная с самого царя. Фабриканты и купцы несли финансовую службу государству. Крестьяне содержали дворян и фабрикантов, и вместе с тем были податною основою государства. В 1717—1718 гг. начата была податная реформа — установлена подушная подать. Каждая „душа" мужского пола должна была платить.[1]

Вскоре после смерти Петра высшее сословие — дворянство — начало обнаруживать стремление освободиться от обязательной службы и принять участие в государственной власти.

Возбуждением дворянской массы старались воспользоваться представители старых боярских родов, потерявших при Петре свое политическое значение.

Вскоре после смерти Петра возникло новое верховное учреждение, в руках которого сосредоточилась правительственная власть — Верховный Тайный Совет. Совет этот стал выше Сената. В состав его входили главные государственные деятели Петровской эпохи — Меньшиков, Толстой, Головкин, Апраксин, Остерман и кн. Голицын. За исключением последнего, всё это были люди новые, неродовитые, выдвинутые службою, а не отечеством. Вскоре, однако, состав Верховного Тайного Совета изменился. Уже в кратковременное царствование Петрова внука (Петра II) из петровской чиновной знати в Совете остался один

---

[1]) Кроме лиц дворянского сословия. — Размер подати определялся потребностями армии. Необходимый ежегодный расход на армию ок. 4 милл. рублей; количество населения мужского пола — ок. 5 миллионов душ: отсюда первоначальный размер подати с каждой души ок. 80 копеек. Подушная подать была краеугольным камнем русского государственного бюджета в XVIII веке (свыше 50% бюджета государственных доходов в конце царствования Петра). Подушная подать связана была с крепостным правом, т. к. главными плательщиками ее были крепостные крестьяне, и помещичьи конторы составили естественную административно-податную сеть. Поэтому существование крепостного права в служилом Петровском государстве тесно связано было с подушной податью. Когда удельный вес подушной подати в русском доходном бюджете стал быстро падать (в XIX в.), для тогдашних государственных деятелей стала возможною отмена крепостного права.

Остерман; прочие члены Совета были из старой знати (двое кн. Голицыных и трое кн. Долгоруких).

После ранней смерти Петра II разыгралась знаменитая попытка членов Верховного Тайного Совета (верховников) заменить императорское самодержавие аристократической олигархией. Разлад между верховниками и офицерско-дворянской массой позволил императрице Анне Иоанновне (племяннице Петра I) разорвать „кондиции", на основе которых она была приглашена царствовать (1730).

Неудачею „затейки" верховников не кончилось политическое недовольство дворянства в XVIII в. Власть постепенно шла навстречу дворянству. 18 февр. 1762 г. Петр III подписал манифест, которым предоставлялась всему российскому дворянству вольность и свобода. Дворянская вольность об'явлена была „на вечные времена фундаментальным и непременным правилом". Манифест Петра III был в сущности зародышем дворянской конституции.

Все усилия Екатерины II направлены были к тому, чтобы не дать развиться этому зародышу.

Екатерина искусно лавировала между различными людьми и настроениями, тонко и мастерски выбирая свой собственный путь.

В первое десятилетие Екатерининского царствования дворянство будировало против власти; составлялись постоянные заговоры, направленные против личности императрицы и стремившиеся к ограничению самодержавной власти.[1]

В противовес политическим вожделениям дворянства, Екатерина выдвинула интересы городского класса и крестьян. По инициативе императрицы, в Вольном Экономическом обществе и в Комиссии для сочинения нового Уложения поднят был вопрос об ограничении крепостного права на крестьян.

Комиссия для сочинения нового Уложения (1767—68), собранная из депутатов разных сословий (кроме духовенства и крепостных крестьян), не могла прийти к определенным результатам в своей работе именно из-за внутренней междусословной розни.

Моментом перелома в отношениях правительственной власти и дворянства был Пугачевский бунт (1771—1774), подавленный лишь с величайшим напряжением правительственной воли.

[1]) Один из заговоров имел целью возвести на императорский престол вместо Екатерины лидера дворянской партии, идеолога теории дворянского „монаршизма", князя Щербатова.

Пугачевский бунт примирил дворянство с самодержавной императорской властью. Дворянство, напуганное Пугачевщиной, стало лояльно по отношению к власти. Со своей стороны Екатерина знаменитою жалованной грамотою подтвердила право „благородных" владеть населенными имениями.

Тем не менее Екатерина до конца жизни лелеяла мысль о поднятии городского сословия, которое могло бы быть опорою власти и гражданскому порядку в случае новых политических шатаний в дворянстве. Внимание свое к городскому состоянию Екатерина подчеркнула между прочим тем, что одновременно с Жалованной Грамотой дворянству издала и жалованную грамоту городам — Городовое Положение (1785).

Вся дальнейшая внутренняя политика русских государей была построена на постоянном лавировании между различными сословиями. Против политических требований дворянства, правительство всегда выдвигало крестьянский вопрос.

Боязнь отмены крепостного права и потери таким образом социальной почвы под ногами заставляла дворянство, в его целом, постоянно склоняться перед императорской властью. С этой точки зрения чрезвычайно характерна политическая борьба в начале царствования Александра I.

Актом 8 сент. 1802 г. Сенату[1] было предоставлено право возражать против несогласных с законами высочайших указов (нечто в роде droit de remontrance французских парламентов XVIII в.). Вскоре Сенат захотел воспользоваться своим правом, считая, что правительство нарушает дворянские привиллегии.[2]

---

[1]) Сенат этого времени был средоточием дворянской оппозиции.

[2]) В декабре 1802 г. рассмотрен был Комитетом Министров и утвержден государем доклад Военного Министра о том, чтобы дворян, не дослужившихся по армии до первого обер-офицерского чина, не увольнять в отставку, пока они не прослужат по крайней мере 12 лет в унтер-офицерских чинах. Доклад был отправлен в Сенат для опубликования. Через несколько дней один из сенаторов (гр. Северин Потоцкий) подал особое мнение, находя, что новое распоряжение противоречит жалованной грамоте дворянству. 16 янв. 1803 г. общее собрание Сената согласилось с Потоцким. В марте сенатская депутация была принята государем, ответившим, что по этому поводу будет издано особое узаконение. 21 марта 1803 г. действительно последовал указ о том, что право Сената делать вседоданнейшие представления относится только к законам и указам, опубликованным до 1802 г., указы же, состоявшиеся после этого года, должны приниматься Сенатом к безусловному и неотложному исполнению.

В ответ на дворянские притязания Сената, в обстановке значительного политического возбуждения в русском обществе, Александр I повторил шахматный ход своей бабки.

20 февраля 1803 г., официально по инициативе гр. С. П. Румянцева, издан был указ о „свободных хлебопашцах". Этим указом предусматривался отпуск на волю крестьян с землею (впрочем, только по собственному желанию помещиков).

Практически действие указа было невелико. Но указ имел громадное принципиальное значение. „Белой грамоте" дворянства (жалованная грамота 1785 г.) противопоставлялся теперь призрак „красной грамоты" (освобождения крепостных с землею). Дворянство уступило — Александр I на этот раз выиграл политическую игру.

Другой тревожный момент — нашествие Наполеона в 1812 г. В дворянских кругах русского общества существовали значительные опасения того, что Наполеон будет бить не только воинским оружием, но также оружием социальной пропаганды, пользуясь горючим материалом крепостного права. В русском обществе ходили определенные слухи и предположения об отмене Наполеоном крепостного права в России. Однако, Наполеон проявил сравнительно очень мало интереса к этой стороне дела, полагая главную силу свою в правильной войне. Между тем, как раз ведение правильной войны с Россией представляло для Наполеона почти непреодолимые технические трудности. В руководящих русских кругах задолго был предусмотрен план „скифской войны", т. е. отступления вглубь страны с целью использования русского пространства.[1]

Организация социальной революции в России — была единственным шансом успеха для Наполеона при этой „скифской" системе войны. Занятие Москвы Наполеоном могло бы иметь значение лишь для создания центра русской социальной революции. Наполеон, однако, не захотел или не сумел организовать русскую социальную революцию.[2]

Устранение Наполеона снимало угрозу социальной революции в России. Выдвинулся опять призрак политической (дворянской) революции (тайные общества, декабристы).

---

[1]) Из русских деятелей особенными приверженцами такого плана войны были адмирал Мордвинов и генерал Барклай-де-Толли.

[2]) К тому же в тогдашнем русском обществе не было готовых руководителей социальной революции, какие в наши дни нашлись в лице Ленина и коммунистической партии.

Дворянский бунт декабристов заставил Николая I возбудить крестьянский вопрос сверху (секретные комитеты; указ об обязанных крестьянах 1842 г., устройство быта казенных крестьян и пр.).

Крестьянский вопрос решен был 19 февраля 1861 г., но решение это было половинчато. Крестьяне получили свободу от власти помещиков, но не получили гражданского полноправия (были прикреплены к общине, взамен прикрепления к помещику).

После 1861 г. в совершенно новой политической обстановке, при новом взаимоотношении различных слоев общества, правительственная власть продолжала придерживаться прежней тактики — лавирования между всеми, чтобы никого не допустить к политическому властвованию.

Старые приемы уже не соответствовали, однако, новой обстановке. Дворянство было ослаблено и политически разбито, а вместе с ним разбита была и сама правительственная власть.

Российское Императорское правительство сохраняло после того в течение нескольких десятилетий аппарат власти, но социальная и политическая основа под ним быстро исчезала. Дворянство, руководящее сословие русского государства начала XVIII в., превратилось к началу XX века в сословие, политически бессильное. Власть разрушила прежний правящий слой и не с'умела создать взамен нового.

ГЛАВА XV.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XVIII—XX В. В.

Черты внешней политики и территориального расширения.

§ 106. Общий характер русской внешней политики XVIII—XX в.в.

При Петре Российская Империя вошла в более тесные соприкосновения с европейскими государствами, чем это было раньше в Московское время (особенно до половины XVII в.). Сам Петр умел разбираться в новых взаимоотношениях и направлять их в своих целях. Но после Петра русская политика запуталась во взаимоотношениях с различными европейскими державами (Францией, Римско-Германской Империей). Россия

была постепенно втянута в дипломатическую игру этих держав, при чем из игрока делалась часто игрушкою. Почти два столетия после Петра русская дипломатия обращала внимание преимущественно на политику европейских держав. Этому способствовал и личный состав русского дипломатического корпуса, в котором чувствовалось решительное преобладание европейцев, сперва немцев, затем также французов, итальянцев и др. Переполнение нашего дипломатического корпуса иностранцами стало особенно заметно при Александре I, когда русской дипломатией руководили сперва поляк (Чарторийский), а потом немец (правда обрусевший — Нессельроде). Апогея достигло это явление (как это ни странно на первый взгляд) при Николае I, когда чуть ли не $^4/_5$ наших дипломатов не были коренными русскими людьми, но или слегка обрусевшими или даже вовсе не обрусевшими иностранцами. Со времени Николая I явление это шло постепенно на убыль, но оно оставило неизгладимые навыки и традиции в русской дипломатической практике. Русская дипломатия искусно разбиралась в тонкостях дипломатических отношений между европейскими державами, но часто бывала совершенно неосведомлена в отношении Востока.[1] Если Россия могла вести хоть более или менее удачную и правильную политику на Востоке, то этим она обязана главным образом не профессиональным дипломатам, а администраторам (Татищев, Кириллов, Неплюев — в XVIII в.; гр. Муравьев-Амурский и др. в XIX в.) и военным (Потемкин и др. в XVIII в., Ермолов, Муравьев-Карский, Кауфман-Туркестанский и др. в XIX в.).

Среди руководителей русской дипломатии за последние два века бывали блестящие таланты (самый крупный из них, конечно, Александр I), но деятельность их приверженностью к европейской дипломатической системе увлекалась в сторону от основного русла русского исторического развития. Характерною чертою лучших проявлений русского дипломатического гения была широкая принципиальная постановка международных вопросов (акт вооруженного нейтралитета 1780 г., план федеративного переустройства Европы в инструкции Новосильцову 1804 г., акт Священного Союза 1815 г.). Однако, самая поста-

[1]) Витте пишет в своих мемуарах об одном из министров иностранных дел Имп. Николая II, кн. Лобанове-Ростовском: „Кн. Лобанов-Ростовский был человек очень образованный, он знал всё, что касается Запада, Дальний же Восток его никогда не интересовал, и он ничего о нем не знал".

новка этих вопросов (как видно отчасти и на выше приведенных примерах) страдала от той же однобокой (европейской) ориентации русских дипломатических усилий.[1] В русской дипломатической практике XVIII—XX в. в. боролись постоянно два направления: интернационалистическое (фактически-евроцеизующее) и самодовлеюще-русское (евразийское). Первое направление представлено было главным образом профессиональными дипломатами, второе — главным образом военными и администраторами. К первому направлению следует отнести все попытки вмешаться в европейские дела, как XVIII, так XIX и XX вв., второе направление выражалось в упорном (часто глухом) противодействии этим попыткам.[2] Второму направлению Россия обязана рядом успехов на Востоке.

§ 107. Западная Русь. — Польский вопрос.

Существенною исторической задачей, завещанной Русской Империи от Московского Царства, было об'единение всех западно-русских земель. Задача эта разрешена была Российской Империею не полностью, но в значительной своей мере. Разрешение задачи являлось одновременно разрешением польского вопроса, т. к. большая часть западно-русских земель к началу XVIII в. находилась в обладании Польши.

Во время московско-польского сближения конца XVII и первой половины XVIII в. в. быстро продолжалась насильственная латинизация и полонизация уцелевших в Польше русских культурных организаций (в частности церкви и школы).

Вопрос о правах православного населения в Польше поднят был только в 1760-х гг. при Екатерине Белорусским епископом Георгием Конисским. По соглашению с прусским королем Фридрихом II, хлопотавшим о правах протестантской польской шляхты, русский посол в Польше, кн. Н. В. Репнин обратил внимание на права „диссидентов" (т. е. христиан не латинян) в Польше. Польский сейм отвергнул петицию о правах диссидентов. После этого образовались три „конфедерации" (союза) шляхты против сейма (конфедерация православных, протестантов и латинян, желающих дать права диссидентам). Русские

[1]) Эта же однобокость привела в тупик Гаагской конференции 1899 г. русскую миротворческую идею.

[2]) Яркий пример — конфликт между Александром I-м и Кутузовым после сокрушения Наполеоновой армии. Кутузов считал, что война окончена изгнанием Наполеона, и итти на Запад не хотел.

войска были введены в Варшаву и вожди крайней латинской партии были арестованы. Тогда сейм согласился издать закон об уравнении диссидентов в правах с католиками (1767). В ответ образовалась (в г. Баре) конфедерация крайней латинской партии. Насилия барских конфедератов против православного населения вызвали отпор в виде восстания т. наз. „гайдамаков". С обеих сторон было проявлено много жестокости (в 1766 г. гайдамаки под начальством Железняка и Гонты вырезали целый город Умань, населенный преимущественно евреями). Король Станислав-Август был бессилен справиться со смутою и просил Екатерину прислать русские войска для водворения порядка. Войскам этим пришлось вести длительную борьбу с конфедератами, которым содействовали — открыто Франция и, менее заметно, — Австрия. Благодаря в значительной степени стараниям Франции, Турция об'явила войну России (см. ниже § 108). Не имея сил вследствие турецкой войны проводить свою политику в Польше, Екатерина вынуждена была допустить вмешательство в польские дела Австрии и Пруссии. Так произошел первый раздел Речи Посполитой, по которому Пруссия получила земли с польским населением (Западную Пруссию), Австрия — земли с польским и русским населением (Галицию), Россия же — области с населением чисто русским (Полоцк, Витебск, Могилев).

Немедленно по окончании второй турецкой войны пришлось разрешать новые затруднения в Польше. Под влиянием революционных идей, шедших из Франции, в Польше произошли крупные перемены. 3 мая 1791 г. сейм принял новую конституцию. Отменено было право liberum veto, усилена центральная власть. Конституция 3 мая превращала прежнюю Речь Посполитую в централизованное государство (Великое княжество Литовское формально инкорпорировано в состав Польши). По отношению к развитию политических идей в польском обществе конституция 3 мая играла роль крупного революционно-либерального достижения. Но по отношению к Литве и западной России конституция 3 мая была завершением политики насильственной полонизации. Высоко ставя права польского гражданина, конституция 3 мая безжалостно попирала права литовского и русского населения. Провозглашение конституции 3 мая вызвало междуусобие в Польше. Недовольная новой конституцией консервативная часть польской шляхты образовала конфедерацию (в Тарговицах). По просьбе конфедератов Россия отправила в Польшу

войска, занявшие Варшаву. Произошел второй раздел Польши (1793). Россия присоединила себе значительную часть западно-русских земель Польши (Минск, часть Волыни, Подолье[1]); Пруссия присоединила Познань; оставшаяся часть королевства Польского должна была отказаться от конституции 3 мая. В 1794 г. в Варшаве и Кракове произошло восстание, организованное польскими патриотами, которые не могли так легко примириться с судьбой своей страны. Русский гарнизон Варшавы должен был отступить из города после страшных потерь (ночью было вырезано до 2 тыс. спящих русских солдат). Провозглашено польское революционное правительство во главе с ген. Косцюшком[2]; это правительство об'явило войну Пруссии и России. Екатерина двинула против Польши отборные русские войска во главе с Суворовым. Суворов взял штурмом Прагу, предместье Варшавы (1794).[3] После этого Польша надолго перестала существовать, как отдельное государство. По третьему разделу (1795) Пруссия получила Мазовию (с Варшавой), Австрия — Малую Польшу (с Краковом); Россия получила Курляндию, Литву и западную часть Волыни (т. е. области с русским, литовским и латышским населением). В результате польских разделов, Россией были воссоединены все юго-западные русские земли (за исключением Холма, Галича, Угорской Руси и Буковины).

В эпоху борьбы Наполеона и Александра I Польша снова появилась на политической карте Европы, сперва в виде государства, зависимого от Наполеона (Княжество Варшавское), потом от Александра („Царство" Польское присоединено к России трактатами 21 апр. — 3 мая 1815 г.). 15 (27) ноября 1815 г. Александр даровал новому Царству Польскому либеральную хартию и подтвердил свои либеральные и полонофильские чувства в речи при открытии первого польского сейма (1818). Польская конституция была отменена при Николае I в ответ на польское восстание против России 1830—1831 гг.[4]

---

[1]) Граница между Польшей и Союзом Советских Республик после войны 1920 г. приблизительно соответствует русско-польской границе после второго раздела.

[2]) Король Станислав-Август был арестован.

[3]) Косцюшко был еще ранее разбит и взят в плен ген. Ферзеном под Мацеёвицами.

[4]) Восстание это не может быть об'ясняемо внутренне-польской политикою Николая. При всем своем несочувствии конституционным принципам

Согласно Органическому статуту 1832 г. Польше оставлены были лишь некоторые государственно-правовые особенности; после восстания 1863 г. отменены были и эти особенности, и бывшее „Царство Польское" обращено в „Привисленский край". Так, помимо первоначальных намерений русской власти, к России были присоединены не только собственно русские области, но также и значительная часть этнографической Польши.[1] Этим польский вопрос был вновь запутан и затуманен в русском и польском сознании. Очевидно, что нынешние попытки полонизации исконних русских земель также противоречат „национальному самоопределению", как противоречили ему попытки руссификации этнографической Польши. Вопрос о воссоединении с Россией крайних западных русских земель — Галича, Буковины, Угорской Руси — практически не возбуждался до войны 1914—1918 гг.[2] — Земли эти, входившие в состав Австро-Венгрии, ныне достались трем новым государствам — Польше, Румынии и Чехословакии.

§ 108. Черноморье. — Турецкие войны XVIII в.

Распространение русского государства до пределов Черного моря потребовало тяжких усилий. При императрице Анне правительство прибегло к испытанной московской традиции — постройке укрепленных линий. В 1731—35 гг. проведена была т. наз. Украинская линия между Днепром и Сев. Донцом (почти по границе позднейшей Екатеринославской губ. с Полтавской и Харьковской). На эту линию поселено 20 полков ландмилиции. В низовьях Дона заложена крепость св. Анны (позже переименована в крепость св. Дмитрия Ростовского — нынешний Ростов на Дону). В 1736 г. началась война с Тур-

Николай корректно соблюдал польскую конституционную хартию. Восстание следует об'яснить другими обстоятельствами: при твердом националистическом характере Николаевской политики поляки не могли больше надеяться на присоединение к Царству Польскому литовских и западнорусских губерний (на что они надеялись при Александре I).

[1]) Из состава бывшего „Царства Польского" к этнографической Польше не принадлежала Холмская область — частица древней Галицко-Волынской земли.

[2]) Косвенно большое значение для пробуждения национальных чувств в русском населении Угорской Руси имел поход Паскевича 1849 г. (усмирение венгерского восстания против Австрии). Уроженец Угорской Руси и видный угрорусский деятель А. И. Добрянский был представителем Австрии при армии Паскевича.

цией. Она была очень тяжела в виду трудности оборудования дальних походов (в Крым и Молдавию за Прут). Русские войска под начальством Миниха достигли ряда блестящих успехов (взятие Перекопа, Очакова, Азова, победа при дер. Ставучанах под гор. Хотином). Однако мир (заключенный в Белграде) далеко не соответствовал тяжести затраченных усилий и блеску достигнутых успехов. Россия получила лишь кусок степи от Юж. Буга до Таганрога; Азов постановлено было срыть и оставить в нейтральной полосе между Россией и Турцией; Россия не добилась права держать флот на Черном море. Правительство Елизаветы Петровны прибегло к усилению южной границы новыми военными поселениями. В 1752 г. на правом берегу Днепра между р. Тясмином и Синюхой было поселено 16 тыс. сербских переселенцев (из них сформировано два полка). В 1759 г. образовано новое сербское поселение на Лугани и Бахмуте (т. н. Славяносербия). Поселяне щедро наделялись землей.

С польскими осложнениями 1760-х годов (см. выше § 107) связана была новая турецкая война („первая турецкая война" Екатерины). Польская смута, затянувшая русские силы, представила благоприятный момент для Турции, чтобы взять реванш в борьбе с Россией. В разгар гайдамацкого восстания (1768), Турция, по проискам Франции, об'явила войну России под тем предлогом, что гайдамаки разгромили местечко Голту на турецкой территории. Застигнутая врасплох об'явлением войны со стороны Турции, Екатерина сумела однако найти в себе и вызвать в окружающих большую энергию для ведения турецкой войны. Был составлен смелый план одновременного ведения войны на суше и на море. Сухопутная армия (под начальством гр. П. А. Румянцева) двинулась на Дунай, а флот (под начальством гр. А. Г. Орлова) был послан из Балтийского моря в Средиземное (Архипелаг) вокруг всей Европы. В 1770 г. были достигнуты крупные успехи на обоих театрах войны. Румянцев дважды разбил турецкую армию на реках Ларге и Кагуле, а флот занял главные острова Архипелага; турецкий флот был сожжен в бухте Чесме; однако пройти в Дарданеллы Орлову не удалось.[1] Несмотря

[1]) Неудачею кончились также попытки поднять греческое восстание против турок в Морее; турки подавили восстание с чрезвычайной жестокостью; высаженные в Морее русские отряды были слишком слабы, чтобы противодействовать туркам.

ня блестящие успехи русской армии и флота, Турция далеко не была уничтожена; она не просила мира, и приходилось вести войну и дальше.

Война закончена была лишь в 1774 г. миром в Кучук-Кайнарджи (деревня за Дунаем). Условия Кучук-Кайнарджийского договора имели большое значение в русско-турецких отношениях — это был момент перелома. Россия, правда, отказывалась от Молдавии и Валахии, занятых войсками гр. Румянцова (равно как и от островов Архипелага), но зато получала устья Буга и Днепра на северо-западном побережии Черного моря (с крепостью Кинбурном), устье Дона и Керченский пролив (Азов и Керчь) в северо-восточной части Черноморского побережья. Татары крымские и азовские признаны были независимыми от Турции. Русские подданные, находившиеся в Турции (по торговым делам), были поставлены под особое покровительство. Большое принципиальное значение имело то обстоятельство, что по одному из пунктов договора Блистательная Порта (т. е. правительство султана) обещала „твердую защиту христианскому закону и церквам оного", а русские посланники уполномачивались делать представления султану по делам православной церкви. После Кучук-Кайнарджийского договора Россия прочно стала на Черном море в военно-дипломатическом отношении. Во главе управления „Новороссийским краем" поставлен был Г. А. Потемкин, который проявил необычайную энергию в устройстве нового края и поднятии его экономического благосостояния. Государственно-колонизационная деятельность Потемкина была закреплена с одной стороны уничтожением Запорожской Сечи (1775), с другой — приобретением Крыма (1783).

В 1779 г. определился существенный поворот русской международной политики. Выдвинулась идея союза с Австрией против Турции. В качестве конечной цели имелось в виду изгнание турок из Европы и воссоздание в Константинополе Греческой империи под главенством внука Екатерины II (родившийся в 1779 г. второй внук Екатерины получил имя Константина именно для возобновления византийских традиций). Под влиянием английской дипломатии Турция об'явила новую войну России (1787). Расчитывая на то, что силы России все будут отвлечены на юг, об'явила войну России и Швеция (1788). Явным образом стала готовиться к нападению на Россию и Пруссия. Окруженная врагами, Россия оказала необычайную

силу сопротивления; Императрица Екатерина II проявила удивительную стойкость и выдержанность характера. Все попытки нападения шведского флота на Петербург были отражены (1788—1789); после упорной борьбы в северном Черноморье (взятие Очакова 1788), русские войска под начальством Суворова перешли в наступление за Прут. Суворов одержал блестящие победы при Фокшанах и Рымнике (1789); вслед за тем он взял штурмом главную турецкую крепость на Дунае — Измаил (1790). Что касается Пруссии, Екатерина сумела преобстановку. Как раз в это время началась французская революция (1789). Екатерина II стремилась запутать Пруссию в борьбу против Франции. В 1791 г. в г. Яссах был заключен мир с Турцией. „Греческий проект" осуществить не удалось. Зато Россия расширила свои владения по Черноморскому и Азовскому побережью (устья Днестра и Буга на западе; обширный край между Азовским морем и Кубанью, а также Кабарда на Северном Кавказе); Крым остался за Россией. Новые земли на Кубани были закреплены поселением запорожских казаков, переведенных с Днепра.

§ 109. Черноморье. — Адриатическая политика Павла I и Александра I.

Противотурецкая политика Екатерины прочно обеспечила России часть Черноморского побережья. Захват Черноморья имел громадное значение для развития русской торговли и земледельческого под'ема русского юга. Вместе с тем явилась возможность построения наших отношений с Турцией на совершенно новых началах. Возможностью этой воспользовалось правительство императора Павла Петровича. Внешняя политика императора Павла представляет вообще крупное явление в истории русской дипломатии. Характерною чертой этой политики является попытка установить влияние России в восточной части Средиземного моря путем не войны с Турцией, а сближения с ней. В 1798 г. Россия и Турция присоединились к коалиции Англии, Австрии и Неаполитанского королевства против Франции; коалиция вызвана была желанием дать отпор завоевательной политике французской республики (в частности французские революционные армии заняли Швей-

царию, северную Италию, Ионические острова;[1] в 1798 г. генерал Наполеон Бонапарт послан был в Египет для захвата путей в Индию).

Россия заключила с Турцией особую конвенцию о союзных действиях. Турция соглашалась пропускать русский флот через Босфор и Дарданеллы (обязуясь в то же время держать эти проливы закрытыми для военных кораблей других наций). Русская Черноморская эскадра под начальством адмирала Ушакова (совместно с турецкими кораблями) отправлена была в Адриатическое море. Ушаков выгнал французов с Ионических островов и образовал на этих островах особую республику, формально под покровительством Турции, фактически же — под верховенством России. Ушакову удалось достигнуть большого влияния на Адриатическом море. В 1799 г. Черногория просила о принятии ее в подданство России. Таким образом, политика Павла привела к установлению прочной русской базы на Адриатическом море; теперь мог быть осуществлен и фактический контроль над положением всего православного и славянского населения Балкан. Желая распространить еще далее влияние России на Средиземном море, Павел принял под свое покровительство орден рыцарей св. Иоанна, владевший о. Мальтой (т. наз. мальтийские рыцари). С морскою кампаниею на Средиземном море Павел связал сухопутную, послав в помощь Австрии лучшего русского полководца Суворова (1799). Блестящие действия Суворова не были в достаточной степени использованы Австрией. Убедившись в своекорыстных действиях Австрии (а также Англии), и не желая быть игрушкою в их руках, Павел резко разорвал с бывшими своими союзниками. Вместе с тем Россия начала сближаться со своей недавней противницей — Францией. Павел симпатизировал Наполеону Бонапарту после того, как тот, вернувшись из Египта, стал фактическим диктатором Франции („первым консулом"). Перемена русской политики по отношению к Франции вовсе не означала перемены в отношении к Турции; союз России с Турцией продолжался, и адриатическая база была сохранена для дальнейшего развития русской политики на Балканах.

Адриатическая политика Павла продолжалась в первое время

[1]) Ионические острова, населенные православными греками, со Средних Веков принадлежали Венеции.

царствования Александра. Правда, 5 июня 1801 г. с Англией была заключена конвенция о взаимной дружбе, при чем Россия отказалась от своих притязаний на Мальту. Отказ от Мальты был существенной брешью в средиземноморской политике России. Но в общем, эта политика не была оставлена. Главным козырем были теперь Ионические острова. Ионические острова на некоторое время составили и политическую[1] и военно-морскую базу русской политики. В сентябре 1805 г. небольшая русская эскадра адмирала Сенявина вышла из Балтийского моря. В январе 1806 г. Сенявин прибыл на остров Корфу (Керкиру). Опираясь на Ионические острова и Черногорию, Сенявин полтора года вел героическую борьбу на суше и на море с превосходными силами Франции, а потом и Турции.[2] Тильзитский мир между Наполеоном и Александром (1807) принес с собою полное крушение русских планов на Средиземном море. Ионические острова были переданы Франции. Наполеон вызвался быть посредником между Россией и Турцией, но это посредничество ни к чему не привело.

Потеряв Ионические острова, Александр не отказывался однако от Павловской мысли достигнуть осуществления русских замыслов на Балканах и Адриатическом море (а равно и улучшения быта балканских славян) — путем непосредственного соглашения с Турцией. Именно эту миссию должен был осуществить генерал Чичагов — особо доверенное лицо Александра, посланный в 1812 году на Дунай главнокомандующим русской армии вместо Кутузова. Но Кутузов успел уже до приезда Чичагова заключить мир с Турцией, без заключения союза с ней.

§ 110. Россия, Турция и Балканы в XIX в.

Нежелание окончательного разрыва с Турцией обусловило и выжидательную политику Александра в деле греческого восстания против Турции (1820-е годы). Лишь в самом конце царствования Александр I вступил в переговоры с Англией о необходимости

---

[1]) Конституция Ионических островов (конец 1803 г.; проект переработки — в 1804 г.) была как бы пробным камнем всей либеральной международной политики Александра.

[2]) В 1805 г. Россия снова вступила в борьбу с Францией. Турция об'явила войну России в конце 1806 г. В июне 1807 г. Сенявин разбил турецкую эскадру в Архипелаге у острова Имброса.

помощи грекам против Турции. Но только уже в следующее царствование (Николая I) заключено было соглашение между Россией, Англией и Францией о помощи грекам (1827). Осенью 1827 г. соединенная русско-англо-французская эскадра уничтожила турецко-египетский флот при Наварине. Следствием была война России с Турцией 1828—29 г. г. Согласно плану императора Александра, война на Балканах, шедшая за освобождение отчасти и южных славян, должна была проходить при участии молодой польской армии. Цесаревич Константин не согласился послать польскую армию на Балканы; однако участие ее в войне символически было выражено чрезвычайною польской офицерской миссией. Война шла вяло в 1828 г. Только в следующем году русский главнокомандующий генерал Дибич нанес туркам сильное поражение (при Кулевче) и перешел за Балканы; в то же время на Закавказском фронте ген. Паскевич взял Эрзерум. Турция вынуждена была заключить мир (в Адрианополе). По мирному договору Россия получила на западном берегу Черного моря гирла Дуная, а на восточном — всё побережье от Анапы до Поти; выговорена была независимость Греции, автономия Сербии и Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

Условия Адрианопольского мира поразили тогдашний дипломатический мир Европы своею умеренностью. Умеренность эта не была результатом случайной слабости или ошибки, а наоборот следствием дальновидности и силы. Это было продолжение все той же туркофильской Павловской политики. Умеренность Адрианопольского мира дала плоды через несколько лет в знаменитом Ункиар-Искелесском соглашении между Россией и Турцией. Через несколько лет после Адрианопольского мира Турция очутилась на краю гибели вследствие внутренних смут. Египетский паша Мехмет-Али восстал против султана, и сын его Ибрагим разбил султанское войско. Турция спасена была только вмешательством России. Небольшой корпус ген. Н. Н. Муравьева отправлен был на Босфор для защиты Константинополя от египетских войск. Ген. Муравьев был одним из самых выдающихся военных деятелей Николаевской эпохи. Он отлично подготовил себя для действий на востоке (знал несколько восточных языков и мог вести все переговоры без помощи переводчиков). Результатом посылки Муравьева на Босфор было заключение Ункиар-Искелесского договора, который ставил Россию как бы в поло-

жение опекуна по отношению к Турции. Сущность Ункиар-Искелесского соглашения заключалась в том, что Босфор и Дарданеллы были признаны закрытыми для всех военных судов, кроме турецких и русских.

Ункиар-Искелесский договор был крупным достижением русской дипломатии, но Россия не сумела использовать выгод от него. Император Николай сам связал себе руки своим соглашением того же года с Пруссией и Австрией (в Мниховом Градище [Мюнхенгреце]). Отойдя от Франции и Англии, Николай сделал представителей этих стран открытыми врагами своей политики в Константинополе. Положение стало особенно натянутым после того, как Французская революционная республика превратилась в империю Наполеона III. Николай не сочувствовал бонапартизму, придерживаясь принципов легитимной монархии. Отсюда его недоброжелательное отношение к Наполеону III. С другой стороны, Наполеон стремился закрепить прочность своего внутреннего положения эффектной внешней политикой. Стремясь привлечь к себе французских католиков, Наполеон стал добиваться от Турции привиллегий для латинян в Святой Земле. Ключи Вифлеемского храма были отобраны от православных греков и переданы латинскому духовенству. Император Николай, являясь покровителем православного населения Турции (в силу еще Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г.), потребовал восстановления прав православного духовенства. Получив отказ от султана, Николай ввел русские войска в автономные (после 1829 г.) княжества Молдавию и Валахию, находившиеся однако под верховной властью султана. Осенью 1853 г. Турция об'явила войну России. В ноябре этого года русская черноморская эскадра под начальством адмирала Нахимова уничтожила турецкий флот при Синопе. После этого, в Черное море вошли английская и французская эскадры; произошел разрыв между Россией и западно-европейскими державами (к Англии и Франции присоединилась затем еще Сардиния). Особенно трудным сделалось положение России после того, как Австрия потребовала очищения княжеств Молдавии и Валахии. Николай подчинился требованию, т. к. считал, что Россия не в состоянии будет вести войну еще с Австрией (тем более, что и Пруссия держала себя очень враждебно по отношению к России). Война на Дунае (составлявшая основную часть русского военного плана) сделалась после этого невозможной.

Главные силы русской армии были отвлечены охраною русских границ от поползновений Австрии (отчасти и Пруссии). Между тем, флот русский не мог противостоять соединенному англо-французскому флоту, тем более, что технически русский флот был несравненно слабее (состоял из парусных судов, тогда как флот союзников заключал в себе много паровых судов). Осенью 1854 г. союзники высадили свои войска в Крыму (близ г. Евпатории) и двинулись на Севастополь. Севастополь спешно был укреплен (под руководством инж. ген. Э. И. Тотлебена); при входе в Севастопольскую бухту самими русскими затоплены были корабли русского флота, чтобы преградить доступ в бухту англо-французскому флоту. Началась осада Севастополя. Севастополь мог бы быть спасен, если бы Паскевич согласился прислать подкрепление из главных частей русской армии, — охранявших русскую границу от Австрии. Паскевич, однако, не соглашался на рискованный шаг. 18 февр. 1855 г. умер император Николай I Павлович от случайной простуды.[1] Вступление на престол Александра Николаевича не сопровождалось переменою военного плана. Севастополь был в сущности предоставлен самому себе. 27 авг. 1855 г. французам удалось взять Малахов Курган — ключ ко всей Севастопольской крепости. После этого русские войска оставили южную сторону (главную часть города и крепость) и перешли по мосту на северную сторону. После падения Севастополя русское оружие одержало блестящий успех на Кавказском фронте: ген. Н. Н. Муравьев взял штурмом считавшуюся неприступною турецкую крепость Карс.[2] В начале 1856 г. при посредничестве Австрии и Пруссии, приступлено было к мирным переговорам между Россией и ее противниками. Парижский трактат заключен был на тяжелых для России условиях. Россия, правда, получила обратно Севастополь (в обмен на Карс), но теряла право иметь флот на Черном море; проливы Босфор и Дарданеллы закрыты для военных судов всех наций. Наконец, — Россия отказывалась от права исключительного покровительства христианским подданным Турции (они были поставлены под покровительство всех «великих держав»).

Россия утратила право покровительствовать христианскому населению Турции; но от обязанности помогать своим

[1]) Возникли слухи о замаскированном самоубийстве Николая I.

[2]) Русские уже брали Карс в 1829 г., но по Адрианопольскому мирному договору крепость была возвращена Турции.

единоплеменникам и единоверцам — и после 1856 г. Россия отказаться не могла. К тому же, европейские державы не склонны были сколько-нибудь твердо пользоваться своим правом покровительства, и православное славянское население Оттоманской империи фактически лишилось всякого покровительства. Притеснения турками славян при сборе податей вызвали восстание против турок в Боснии и Герцеговине, а также в Болгарии. Турки пробовали подавить восстание с неимоверными жестокостями. Так как великие державы не вмешивались, Турции об'явили войну Сербия и Черногория (1876). Командовать сербскими войсками был приглашен отставной русский генерал М. Г. Черняев (деятель Туркестанских походов, см. ниже § 113). С Черняевым пришло довольно много добровольцев из России. Силы сербов и турок были, однако, слишком неравны. После геройского сопротивления под г. Алексинцем, Черняев должен был отступить.

Сербия спасена была от полного разгрома вмешательством России. После того, как Турция отказалась исполнить требование конференции европейских дипломатов в Константинополе о реформах управления славянскими землями, Александр II об'явил войну Турции (12 апреля 1877 г.). К России присоединилась и Румыния (княжество, образовавшееся в 1859 г. из соединения Молдавии и Валахии). Война была трудною, тем более, что к началу войны далеко еще не было закончено переустройство русской армии (на основах всеобщей воинской повинности). К осени 1877 г. русским войскам удалось добиться значительных успехов на Балканах и на Кавказском фронте. 16 ноября был взят Карс (в третий раз за XIX век),[1] а 28-го ноября пала Плевна, где затворилась главная турецкая армия Осман-Паши. Зимою русские войска перешли через Балканы (И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкий, М. Д. Скобелев). В феврале 1878 г. русские войска подошли к Константинополю. Успехи русских войск вызвали вмешательство Англии. Британский флот вошел в Мраморное море. 19 февраля 1878 г. в местечке Сан-Стефано (10 верст от Константинополя, на Мраморном море) были подписаны предварительные условия мира между Россией и Турцией. Турция соглашалась образовать из своих балканских владений новое княжество — Болгарию — от Дуная до Эгейского моря (со включением всего течения Вардара, т. е. всей Македонии); Тур-

[1]) В XX веке, по Брест-Литовскому миру (1918), Карс вновь отдан Турции.

ция признавала независимость Сербии, Черногории и Румынии. Россия получала гирла Дуная (уступленные ею в 1856 г.) и в Закавказье Батум и Карс. Сан-Стефанский договор возбудил против России Великобританию и Австрию; России грозила новая война. Желая избежать ее, Александр II принял посредничество Бисмарка (германского канцлера) и согласился пересмотреть условия договора на общеевропейском конгрессе в Берлине. Берлинский конгресс был полным поражением русской дипломатии и славянского дела. Территория Болгарии уменьшена была почти вдвое (Македония оставлена Турции); кроме того территория эта разрезана была на-двое (от Дуная до Балкан — княжество Болгария, на юг от Балкан, по верхнему течению р. Марицы — автономная область Восточная Румелия). Княжество Болгария считалось под главенством Турции, и лишь Сербия и Румыния признаны независимыми государствами. Кроме того, без всяких оснований, Босния и Герцеговина „временно" переданы были Австрии.

§ 111. Персия и Кавказ.

Персидский поход 1722—1723 гг. должен был, по мысли Петра, явиться лишь началом русского движения на Восток. Но именно от персидских приобретений Петра русское правительство отказалось, т. к. приобретения эти требовали много денег и солдат для защиты их.[1] Северный Кавказ (Ногаи и Кабарда) приобретен был при Екатерине II в результате турецких войн (см. выше § 108). При Павле I просила о принятии в русское подданство Грузия, не находившая себе места между Турцией и Персией. Принятие Грузии в подданство было официально оформлено при Александре I. Принятие в подданство Грузии заставило Россию выдержать новую персидскую войну, начавшуюся в 1804 г. и окончившуюся присоединением к России Дагестана, Шемахи и Карабаха.

Большое значение для устройства Кавказа и Закавказья во вторую половину царствования Александра I имела деятельность ген. Ермолова (назначенного наместником на Кавказе в 1816 г.). А. П. Ермолов был один из крупных русских государственных людей XIX в. Большой военный и административный талант, лично скромный и простой в обращении, Ермолов был

[1]) Каспийские приобретения Петра возвращены Персии в несколько приемов (в 1729, 1732 и 1735 гг.).

тверд и даже жесток, когда считал это нужным для интересов России. Уже в следующее царствование, при Николае I, в 1826 г. персы вторглись в пределы русского Закавказья. Ермолову пришлось держаться оборонительно, так как в его распоряжении было мало сил. Император Николай дал волю своей антипатии по отношению к Ермолову.[1] Вместо того, чтобы просто отправить подкрепления в распоряжение Ермолова, Николай послал на Кавказ для главного руководства всеми русскими силами другое лицо — генерала И. Ф. Паскевича. Паскевич сумел оправдать доверие Николая. Персидская армия была разбита (под гор. Елизаветполем); взята важная персидская крепость Эривань (в Армении). Когда Паскевич пошел вглубь Персии, шах просил мира; мирный договор заключен был в дер. Туркманчай (за Тавризом). Россия получила от Персии Армению по сю сторону Аракса с г. Эриванью. В течение всего царствования Николая I Россия принуждена была держать войска на Кавказе для защиты своих владений от набегов горцев. В течение долгих лет шла изнурительная горная война.[2]

Окончательное „замирение" Кавказа было осуществлено в царствование Александра II. С 1857 г. новый наместник Кавказа, кн. А. И. Барятинский начал методическое наступление в горы Дагестана против вождя „мюридов" Шамиля. Шамиль оказывал геройское сопротивление, которое однако было сломлено русскими войсками; в 1859 г. Шамиль был наконец взят в плен (в ауле Гуниб). Покорив восточный Кавказ (от Военно-грузинской дороги до Каспийского моря), Барятинский обратился к западной части Кавказа. Черкесам предложено было выселиться на равнину или выезжать в Турцию.[3]

§ 112. Средний Восток. Киргизский край в XVIII в.

К моменту смерти Петра, граница Российской Империи на Среднем Востоке шла вдавленным углом — от Алтая вниз по Иртышу до Омска, от Омска искусственной линией до верховьев р. Яика (Урала) и затем по Яику до Каспийского моря. Средневосточная степь билась в широкие ворота русских гра-

[1]) Николай I подозревал Ермолова (без достаточных оснований) в сочувствии декабристам.

[2]) К этому времени относится значительное движение „мюридизма", охватившее Дагестан и Чечню (1827—1859). „Мюриды", ревностные мусульмане, вели священную войну против „неверных".

[3]) Выехало в Турцию до 200 тыс. чел.

ниц. Река Яик была слабою преградою, и плохо „замиренные" степные народы кочевали то в пределах Российской Империи, то вне этих пределов, часто вовсе их не замечая.

Три главные этнические группы должны были приниматься в расчет русской политикой того времени: башкиры (от Яика до Камы), калмыки (нижнее Поволжье), казаки (киргизы — по обе стороны Яика). Особенное значение имели — отношения с последней группой. Казаки (киргизы) кочевали на огромном пространстве — приблизительно между Волгой, Алтаем и Тянь-шанем.[1] Киргизы делились на три орды: старшую, среднюю и младшую.[2] Притеснения со стороны калмыков заставили киргизов искать помощи у русских. Еще в 1717 г. ханы всех трех киргизских орд — Тявка, Каип и Абуль-Хаир — признали себя подданными России. Подданство это оставалось однако совершенно номинальным. В 1730 году ближайший сосед России, хан Младшей орды Абуль-Хаир вновь предложил России свое подданство. Абуль-Хаир надеялся при русской поддержке укрепить свою власть над киргизским народом. Для принятия присяги от новых подданных в степь был отправлен от русского правительства татарин мурза Кутлу-Магомет Маметов (Тевкелев). Тевкелев пробыл у киргизов два года (1731—33). Задача оказалась гораздо труднее, чем думали в России: Абуль-Хаир предлагал подданство только от себя, не приготовив почву в самом киргизском народе. Тевкелев однако с'умел преодолеть все затруднения; вся Младшая орда и часть Средней согласились принести присягу России.

На основании сведений, добытых Тевкелевым, построил свой проект сенатский обер-секретарь Иван Кириллов, один из самых выдающихся русских государственных деятелей XVIII века, воспитавшийся под непосредственным влиянием Петра. Кириллов считал, что киргиз-кайсацкая орда „всем азиатским странам и землям . . . ключ и врата" и настаивал на постройке города в устье р. Ори (в южном Урале). Планы Кириллова шли затем еще дальше. Кириллов говорил о необходимости утвердить русское владычество на Аральском море и мечтал о „подобрании бухарских и самаркандских рассы-

[1]) К югу казаки соприкасались с узбеками (Хива и Бухара), к востоку — с джунгарскими монголами (затем с Китаем).

[2]) Орды эти называются часто: большая, средняя и малая. Но эти названия не точны, поскольку с ними связаны представления не о родовитости, а о количестве. „Большая орда" была меньше других по численности.

панных провинций", т. е. о занятии Туркестана. Исходная мысль Кириллова была одобрена императрицей Анной Иоанновной, и на самого же Кириллова было возложено исполнение плана Орской экспедиции (в помощники Кириллову был назначен Тевкелев). Кириллову пришлось прежде всего по прибытии в новый край подавлять бунт башкир, которые не хотели допустить упрочения русской власти в южном Приуралье. 15 августа 1736 г. Кириллов заложил новый город при впадении р. Ори в р. Яик (город назван был Оренбургом — это позднейший город Орск).

Кириллов умер весной 1737 г. На его место был назначен русский историк и выдающийся администратор Татищев (перед этим управлявший уральскими горными заводами). Татищев нашел место нового города неудобным и решил перенести Оренбург на Красную гору (ниже по течению р. Яика). В 1742 г. новый начальник края, также выученик Петра, Неплюев перенес город в третье место, близ устья р. Сакмары (здесь Оренбург уже и остался). Еще при Кириллове началась, а при Неплюеве была закончена постройка укрепленных линий: 1) от Оренбурга до Самары, 2) верхнеяицкая, 3) нижнеяицкая — до Каспийского моря. Эти линии имели целью раз'единить башкир, киргиз и калмыков. В 1754—55 г. г. (отчасти из-за стеснительных мер тогдашнего русского правительства против ислама) вспыхнуло новое башкирское восстание под предводительством Батырши, который стремился привлечь к восстанию и киргизов, но неудачно. Неплюеву удалось раз'единить силы восставших и привлечь на свою сторону мещеряков и тептярей.[1] Много сделавший для укрепления русской власти в Оренбургском крае Неплюев не осуществил однако мыслей Кириллова о дальнейшем продвижении русской власти и утверждении ее на Аральском море.

Между тем, именно во времена Неплюева в Киргизском крае произошли события величайшего значения, показавшие необходимость энергичных действий со стороны России. Китайцы, раздраженные набегами чжунгарцев, выступили с решительными действиями против Чжунгарии. В 1756—1758 гг. чжунгарское государство было завоевано китайцами. Завоевание сопровождалось избиением (китайцами был почти поголовно

[1]) Пугачевский бунт 1771—74 г. г. также связан был с волнениями башкир. Башкиры были верными приверженцами Пугачева.

уничтожен весь ойратский народ Чжунгарии — до 1 миллиона чел.). Китайские пикеты выдвинулись до русских владений на верхнем Иртыше. Китай начал притязать и на киргизские кочевья. Соседство Китая вызвало возможность новых волнений среди подвластных России калмыков и киргизов. В 1771 г. поволжские калмыки во главе с ханом Убашей, недовольные усилением русской административной опеки, огромной частью своей орды покинули пределы России и ушли в Китай (в Монголию). Не имея достаточно сил, чтобы воспрепятствовать уходу калмыков, русские власти обратились за помощью к киргизам. Киргизы приняли участие в преследовании калмыков, нанесли им урон и захватили богатую добычу.

Правительство Екатерины II стремилось поддержать спокойствие среди турецких народов средне-восточной русской окраины, покровительствуя исламу.[1] В 1785 г. была Екатериной издана грамота о веротерпимости. В 1786 г. русское правительство начало усиленно заботиться о школьном образовании у киргизов, при чем велено было учебные книги печатать на киргизском языке (вместе с русским). На учительские должности назначались казанские муллы (за отсутствием подготовленных кандидатов среди русских и киргизов). Эти меры привели к насаждению русской властью среди киргизов ислама и средневековой мусульманской образованности.

§ 113. Средний Восток. — Киргизский край и Туркестан XIX в.

За время до 40-х годов XIX в. средне-восточные границы России мало изменились. В 1802 г. была включена в состав России полоса песков между Каспийским и Аральским морями, а в 1819 г. — угол между верхним течением Ишима, озером Балхаш и рекой Чу.[2] Положение изменилось после назначения на пост оренбургского генерал-губернатора энергичного гр. Перовского. Зимой 1839—40 г. Перовский предпринял военный поход против Хивы, чтобы «наказать» хивинцев за их разбои. Поход окончился, однако, неудачно, вследствие обилия снегов. Но в 1847 г. русский военный отряд дошел до р. Сыр-Дарьи, недалеко от впадения ее в Аральское море.

[1]) В противоположность противомусульманской политике времени императрицы Елисаветы Петровны.

[2]) Клин между верхним Уралом и средним Ишимом был включен в состав России еще при Павле (1798).

Там было построено укрепление (Раимское — позже переименовано в Аральское). Это событие явилось поворотным пунктом в истории русских средне-восточных отношений.

Раимское укрепление сделалось базой русского владычества на Аральском море. Из Оренбурга в Раимское было доставлено в разобранном виде два военных судна. Таким образом образовалась русская Аральская флотилия и осуществилась более, чем через сто лет, мысль Кириллова — „на Аральском море Российский флаг об'явить". Вследствие кокандских набегов было признано необходимым овладеть выше Раимского по Сыр-Дарье крепостью Ак-Мечетью (захвачена и переименована в форт Перовский в 1853 г.). Благодаря овладению нижним течением Сыр-Дарьи и учреждению Аральской флотилии русская граница фактически сразу передвинулась из Оренбурга до пределов Туркестана. Оренбургская укрепленная линия потеряла свое значение. К тому же времени относится выдвижение восточно-киргизской линии занятием южного бассейна оз. Балхаша (Копальское укрепление 1847 г.; Верный 1854 г.). Фактическая граница с Иртышской линии перенесена была в Семиречье.

Таким образом только через сто двадцать лет после Кириллова можно было думать о „бухарских и самаркандских провинциях". Но провинции эти не были уже „рассыпанными". С начала XIX в. в Бухаре новым ханским династиям удалось сильно укрепить ханскую власть (на основах жестокого деспотизма). Новый государственный центр возник в Ферганской долине, где один из местных узбецких князей (беков) принял также титул хана, обосновав свою столицу в Коканде. Кокандское ханство оказалось очень беспокойным соседом. Кокандцы пытались подчинить своей власти киргизов, давно принявших русское подданство. Начавшаяся борьба с кокандцами привела русскую власть к необходимости сомкнуть Сырдарьинскую и Семиреченскую линии. Для осуществления этой цели в 1864 г. генералом Н. А. Веревкиным был взят г. Туркестан, а генералом М. Г. Черняевым — Аулие-Ата и Чимкент. В 1865 г. из занятых земель образована особая Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства. Начальником новой области поставлен Черняев. 15 июня 1865 г. Черняев взял штурмом самый большой по числу жителей кокандский город Ташкент. Взятие Ташкента с ничтожными силами произвело потрясающее впечатление во всем Туркестанском

крае и в сущности решило исход борьбы.[1] Бухарский эмир пытался спасти положение кокандцев, потребовав очищения занятой русскими территории. Началась борьба с Бухарой, которую повел генерал К. П. фон Кауфман, с 1867 г. назначенный туркестанским генерал-губернатором. В 1868 г. Кауфманом занят был Самарканд. Эмир Бухарский признал себя вассалом Русского царя.

В 1869 г. Англия, встревоженная успехами русского оружия в Туркестане, предложила установить нейтральную зону между владениями России и Англии, с тем, чтобы Афганистан был включен в сферу английского влияния, а граница русского влияния шла по Аму-Дарье. В 1873 г. русская дипломатия согласилась на требования Англии; кн. Горчаков заявил о нежелании русского правительства овладеть Хивой. События сложились однако иначе; столкновение с Хивой было неизбежно в виду непрекращавшихся набегов хивинцев. В 1873 г. русские войска двинулись на Хиву со стороны как Туркестана, так и Каспийского моря (в общем количестве 13 тыс. чел. под командованием Кауфмана). Хива подчинилась суверенитету России; — часть Хивинской территории прямо была присоединена к России.[2] В 1871 г. на Китайской границе занята была Кульджинская область, т. к. смуты в Кульдже грозили спокойствию среди киргизов.[3] Кульджа была занята русскими в течение 10 лет, и в 1882 г. — „без достаточных оснований" — возвращена Китаю. В середине 1870 г. произошло восстание в Кокандском ханстве; после подавления восстания, Кокандское ханство было присоединено к России (в 1876 г. образована Ферганская область). К началу 1880-х годов относится карательная экспедиция против текинцев (взятие крепости Геок-Тепе М. Д. Скобелевым в 1881 г.). В 1884 г. без боя было присоединено к России нижнее течение р. Мургаба (с г. Мервом), и в следующем 1885 г. генералу А. В. Комарову пришлось иметь дело с афганским отрядом (Комаров разбил афганцев на р. Кушке). Этот инци-

---

[1]) В Ташкенте считалось до 100 тыс. жителей. Гарнизон кокандцев доходил до 30 тыс. чел. при 63 орудиях. У Черняева было менее 2 тыс. чел. и всего 12 орудий.

[2]) При взятии Хивы было освобождено большое количество персов — рабов.

[3]) В Кульдже произошло восстание дунганов (китайцев-мусульман) и таранчей (сартов) против Китая; Китай не мог справиться с этими восстаниями.

дент вызвал большое возбуждение в Англии и грозил войной. Однако твердость в этом вопросе императора Александра III позволила России сохранить Кушку без дальнейших споров.[1] Присоединение Туркестана к России сопровождалось рядом мер, благодетельных для хозяйственного расцвета края, в частности — возрождением в нем хлопководства.[2]

§ 114. Сибирь, Дальний Восток и Русская Америка.

Как и средневосточная русская политика XVIII—XIX веков, дальневосточная наша политика исходила также из планов и мыслей Петра. По мысли Петра состоялось отправление в Китай чрезвычайного русского посольства 1727 г. Во главе посольства поставлен был гр. С. В. Рагузинский, который сумел наконец заключить постоянный договор с Китаем (Буринский трактат, подтвержденный Кяхтинским трактатом 1728 г.). Торговые сношения русских и китайцев могли происходить только в одном пункте (Кяхта — Маймачин). Россия получила право иметь в Пекине постоянную духовную миссию (на которую было возложено и дипломатическое представительство).

По мысли Петра организована была экспедиция Беринга, имевшая задачей выяснить „соединяется ли Азия с Америкой".[3] Первая экспедиция Беринга (1724—1730) имела однако мало практических результатов. Но уже в 1732 г. подштурман Федоров и геодезист Гвоздев наткнулись в море на „Большую Землю" — Америку (Аляску). В течение следующего десятилетия (1733—1743 гг.) русским правительством организована была т. наз. „великая северная экспедиция", имевшая огромное научное значение и бывшая одним из самых замечательных предприятий в истории науки.[4] В 1741 г. капитан Беринг достиг

---

[1]) Граница Закаспийской области с Афганистаном установлена в 1887 г.

[2]) Большое значение имела постройка железных дорог. В 1885—88 г. была построена закаспийская железная дорога (от Асхабада до Самарканда); во главе постройки стоял ген. М. Н. Анненков, который вел дело с изумительной быстротой, несмотря на большие природные препятствия (сыпучие пески). В течении 1900—1905 годов построена была Оренбург — Ташкентская железная дорога (до 2000 верст протяжением).

[3]) О том, что эта задача была уже решена Дежневым в 1648 г., в Петербурге не имели сведений.

[4]) Главным организатором экспедиции был тот же Кириллов, который заложил основы новой русской политики на Среднем Востоке (см. выше § 112).

берега Америки под 58° 28′ сев. шир. Капитан другого корабля, Чириков также дошел до Америки (под 56° с. ш.), но лишен был возможности произвести высадку. С островов около Аляски команда Чирикова вывезла партию ценных мехов, возбудивших предприимчивый дух сибирского купечества. Первый „морской вояж" предприняли сержант Басов и московский купец Серебреников в 1743 г. За ними быстро последовали другие.

Во второй половине XVIII в. (при Екатерине II) основаны были постоянные русские поселения в Америке (на Аляске и прилегающих островах). Особую энергию проявил рыльский купец Григорий Шелехов, прозванный „российским Колумбом". 28 лет от роду Шелехов переселился в Сибирь, и в 1777 г. снарядил первое свое судно к Курильским островам; затем последовали плавания к Алеутским островам. В 1784 г. Шелехов составил торговую компанию с братьями Голиковыми и занял остров Кадьяк около Аляски. Из этого центра владения Шелеховской компании быстро распространились на материк. Деятельность Шелеховской компании была направлена главным образом на добывание и скупку у туземцев ценных мехов морских котиков, бобров и др.

Крупное развитие получили русские поселения в Америке в начале XIX в. Еще при Павле (в 1798 г.) основанная Шелеховым торговая компания была преобразована в „Российско-Американскую компанию", получившую монопольные промышленные и административные права в области русских колоний на Тихом океане. По уставу, утвержденному Павлом, первенствующим директором Компании должно было быть лицо из фамилии Шелехова.[1] Таким назначен был Резанов. Но руководящее значение в это время имел правитель Российско-Американской компании А. А. Баранов. В 1805 г. построена была крепость Ново-Архангельск, сделавшаяся главным пунктом русских владений на Аляске. Баранов не довольствовался собственно Аляской и строил более широкие планы. В 1812 г. им была основана колония Росс в Калифорнии. Баранов мечтал о превращении Тихого океана в Русское море. В 1815 г. им была организована экспедиция на Сандвичевы острова. Экспедиция однако кончилась неудачей (по вине ее непосредственного начальника, доктора Шеффера).[2] Широкая Тихоокеанская политика Баранова

[1]) Григорий Шелехов умер в 1796 г.

[2]) В 1818 г. Баранов должен был выйти в отставку. Он умер, возвращаясь в Россию, на корабле Русско-Американской компании в Зондском проливе, и тело его, по морскому обычаю, опущено в море.

не продолжалась после его смерти. Колония Росс в Калифорнии была передана Соединенным Штатам Америки в 1840-х годах. Между тем как раз в 1840-х годах внимание русского правительства и общества вновь было привлечено к вопросам Дальнего Востока. Бассейн р. Амура, уступленный Китаю еще в конце XVII в., не был фактически занят и освоен китайцами, представляя собою совершенно пустынную область. В начале 1840-х годов академик Миддендорф, совершив ученую экспедицию на север и восток Сибири, на обратном пути проник в область Амура и убедился в том, что она фактически никем не занята. Отчет Миддендорфа произвел сильное впечатление в Петербурге. В 1847 г., назначая ген. Муравьева на пост восточно-сибирского генерал-губернатора, император Николай I упомянул в разговоре с ним о русской реке Амуре. В морских и дипломатических кругах тогдашней России господствовало мнение, что Амур имеет малое значение для России, т. к. имеет выход лишь в Охотское море (Сахалин считался полуостровом). Капитан Г. И. Невельской, посланный в Охотское море на бриге „Байкал", решил на свой страх ознакомиться с устьем Амура и побережьем Сахалина. 30 мая 1849 г. Невельской на „Байкале" вышел из Петропавловска (на Камчатке) к восточному берегу Сахалина, а 3 сент. прошел через Татарский пролив в Аянскую бухту. Вопрос о том, что Сахалин остров, был решен, и в связи с этим транзитное значение р. Амура выступило в ином свете. 1 августа 1850 г. Невельской в устье Амура поднял русский военный флаг. „За поступки в высшей степени дерзкие" Невельской приговорен был к разжалованию в матросы, и только личное заступничество Николая I спасло Невельского от наказания.[1] Амурская область была закреплена за Россией в 1858 г. по Айгунскому договору, а в 1860 г. по Пекинскому договору приобретен Уссурийский край и северная половина Сахалина (южная находилась во владении Японии).

Вслед затем началась однако полоса уступок на Тихом Океане. В 1867 г. Аляска была продана Соединенным Штатам Америки за $7^1/_2$ миллионов долларов.[2] В 1875 г. Японии были уступлены

[1]) Николай I сказал при этом: „Где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен."

[2]) Аляска считалась бесполезною. Но вслед за ее продажею началась разработка американцами золотых приисков Аляски (сведения о золоте в Аляске были добыты и раньше русскими учеными, но на них не было обращено внимания).

Курильские острова (в обмен на южную половину острова Сахалина). Изумительна легкость, с которою правительство Александра II уступало соседям части русской государственной территории. Легкость эта выражает собою падение державного чутья в русском правительстве и обществе.[1]

Конец XIX в. и начало XX-го принесли с собою значительное оживление в русской дипломатической политике. Но в этом оживлении не было выдержанного плана и единой мысли. В 1896 г. было заключено соглашение с Китаем о взаимной защите и союзной помощи (направленное против Японии).[2] Этим соглашением Россия получала право постройки железнодорожной линии в Восточном Китае. Несмотря на это соглашение, Россия в 1897 г. заняла Квантунский полуостров с гаванью Порт-Артуром и Дальним (в форме аренды на 99 лет). Это вызвало чрезвычайное раздражение в Китае. А в 1900 г. русский военный отряд совместно с войсками европейских держав принял участие в подавлении китайского народного движения Больших Кулаков. Тогда же русскими военными силами оккупирована Манчжурия. Несколько позже (1903—04) компанией близких ко двору промышленных дельцов (Безобразов, Вонлярлярский) были получены концессии на р. Ялу в Корее, несмотря на явную опасность осложнений от этой авантюры. Японская война (от 27 янв. 1904 г. до 16 авг. 1905 г.) заставила, как известно, отказаться не только от концессий на р. Ялу, но и от всего Квантунского полуострова. Россия должна была уступить Японии южную половину Сахалина, а вскоре и дать согласие на занятие Кореи Японией. Занятие Квантунского полуострова (и концессий на р. Ялу) было авантюрою, не вызванною действительными потребностями России и находившеюся в противоречии с основными принципами русской политики. Русская неудача в японской войне исторически была повторением неудачи Кубилая во второй половине XIII в. Как в конце XIII в. Кубилай, так в начале XX в. русский император японскою авантюрою вышли из естественных пределов своей империи. Напротив, не фиктивною, а реальною была связь России с Монголией; понятно и жизненно внимание, которое Россия должна была оказывать монголь-

[1]) И то и другое были слишком заняты вопросами внутренней политики.

[2]) Соглашение это было составлено в Пекине русским уполномоченным в Китае гр. Кассини и затем китайским главным представителем Ли-Хун-Чангом подписано в Москве.

ским делам (и которое Россия перед Квантунской авантюрой перестала оказывать). Потерпев неудачу на Тихом океане, Россия более пристально начала следить за монгольскими отношениями. В 1911 году вспыхнуло монгольское восстание против Китая.[1] После этого Россия включила в сферу своего влияния соседнюю с собою т. наз. „внешнюю" Монголию. „Внутренняя" Монголия должна была вновь подчиниться Китаю.[2]

§ 115. Единство русского народа. — Заключительные замечания.

В течение XVIII—XIX в. в. Российское Государство достигло огромного распространения, окончательно сделалось — по своей территории — особым географическим миром. Русский народ почти в полном своем составе оказался в рамках единого государства. Государственное об'единение достигнуто было русским народом в течение длинного ряда веков со страшными испытаниями и величайшим напряжением сил. Однако после того, как это об'единение казалось окончательно установленным, начались попытки раскола извнутри русской народности и русского государственного единства в виде сепаратистских стремлений части деятелей украинских и белорусских.[3] Государственную самостоятельность Украины и Белоруссии сепаратисты пытаются обосновать на культурной самобытности украинцев и белоруссов. Политический раскол русского государства стремятся вывести из культурного раскола русской народности. Культурный раскол этот есть однако в сущности политическая фикция. С исторической точки зрения совершенно ясно, что и украинцы и белоруссы суть ветви единого русского народа. До монгольского завоевания в русском народе были местные и племенные различия, но не было резкого расщепления на отдельные народности. После монгольского завоевания, когда западно-русские земли подпали под власть Польши, Литвы, Угрии, Молдавии — в этих землях естественно культурная жизнь пошла обособленно и своими путями, без прямой связи с Русью восточной. Усиливались и отличия в языке, отчасти под влиянием чуждых государственных канцелярий,

[1]) Монголия издавна считала себя подвластной не Китаю, а лишь монгольской династии в Китае (павшей уже в XIV в.).

[2]) В 1926 г. внутренняя Монголия вошла в сферу влияния Союза Советских Республик.

[3]) Стремления, которые в некоторой степени были осуществлены с немецкой помощью во время последней войны.

пускавших в оборот массу латинских, польских и немецких выражений. Политические события половины XVII в. привели к воссоединению части юго-западных русских земель с восточной Русью. Это государственное воссоединение сопровождалось культурным слиянием. Большие количества южно-русской интеллигенции (главным образом, духовенства) хлынули в Москву. И в смысле культурных понятий и в смысле языка эта южно-русская интеллигенция оказала громадное влияние на все развитие русской государственности и культуры. Из уроженцев Малой России набирались главные кадры церковных, а отчасти и государственных администраторов, частью и офицерские кадры армии в течение почти всего XVIII-го в.

Новая Российская Империя произвела огромную работу культурного слияния и перемешивания всех частей русского народа. Уроженцы Малой России не только не были отброшены от общего хода русской культуры, но одно время решительно стояли во главе общерусского культурного движения. Российская государственность, российская культура, создавшаяся в итоге исторического процесса XVIII—XIX вв., никоим образом не может быть называема великорусскою государственностью или великорусской культурой. Точно также и русский литературный язык отнюдь не есть великорусский язык, но есть язык по своему происхождению общерусский.

Несомненно, отдельные ветви русского народа имеют жизненную потребность (и потому жизненное право) в употреблении своего краевого языка в повседневной жизни, школе, литературе. Но стремление совершенного культурно-государственного раскола русской народности на три различных народа, — это стремление вызывается не причинами этнически-историческими, а лишь причинами партийно-политического характера.

Русский народ един во многообразии; жил в течение веков, может жить и дальше.

§ 116. Русский народ и Россия-Евразия.

История русского народа как было уже сказано в начале этой книжки, есть постепенное освоение русским народом своего месторазвития — Евразии.

Государство, созданное русским народом в процессе исторического развития, не есть только политический механизм;

это государство есть громадный историко-культурный организм; это государство есть особый мир — особая часть света.

В состав этого мира входит не только русский народ, но также народы иного этнического состава — турецко-монгольские, финские и иные племена. Включение в мировую Державу дает отдельным краям и народностям неоценимые экономические и культурные выгоды, делает их сопричастниками мировой жизни.

Стихийный исторический процесс сплотил и продолжает сплачивать всё больше племена и народности Евразии в единое культурное целое. Это целое не может быть основано только на принципе внешнего механического единства. Это целое должно держаться внутренним чувством единства отдельных народностей Евразии (так же, как и отдельных ветвей собственно русского народа).

Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это есть **их** государство.

Исторические судьбы России и Евразии отныне нераздельно слиты между собою.

Российское Государство не должно и не может бояться внешнего многообразия составляющих его частей: под внешним многообразием таится внутреннее единство.

Русский народ есть основная сила евразийского государства; русский язык есть основная стихия евразийской культуры. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок.

Сила эта — в свободном культурном творчестве.

Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил.

Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ.

Мысли, положенные в основу настоящей книги, были отчасти высказаны автором во вступительной лекции его в С.-Петербургском Университете осенью 1913 г. (напечатана в немного измененном виде в „Научном Историческом Журнале", т. I, вып. 2, 1914, под заглавием: „О движении русского племени на Востокъ"; ср. также очерк автора: „Противъ солнца. Распространение русскаго государства къ востоку" в журнале „Русская Мысль", 1914, январь. Систематическое изложение новой точки зрения на географию России-Евразии см. в книге П. Н. Савицкого „Географические особенности России" (Прага 1927).*

Сведения по русской истории в географическом разрезе и с географической точки зрения собраны в различных томах издания „Россия" под общей редакцией П. П. Семенова-Тяньшаньского. Много данных для истории отношений России с Востоком заключается в ценной книге В. В. Бартольда, История изучения Востока в Европе и России, 2-е издание, Ленинград, 1926 (ценные библиографические указания). Библиографию важнейших работ по древней русской истории см. в книге Д. И. Багалея „Русская исторія. Т. I. Княжеская Русь" (М. 1914) и в учебнике русской исторіи М. К. Любавского (изд. Сабашникова, М. 1918); см. также известный „Обзоръ исторіи русскаго права" М. Ф. Владимирского-Буданова (последнее издание: Киев 1915). Для нового периода: А. А. Корнилов, „Курсъ исторіи Россіи XIX в." в 3 частях (Москва, изд. Сабашникова, 1918).

Для библиографии послевоенных и послереволюционных работ по русской истории нужно пересматривать повременные издания, как „Русский Исторический Журнал" (8 книг, 1915—21), сборники „Века", „Россия и Запад", „Новый Востокъ" и др. Многое печатается за последние годы в „Известиях Академии Наук С. С. С. Р."

Нет смысла здесь перечислять общие курсы и отдельные монографии по русской исторіи, которые использованы при составлении настоящей книжки. Нельзя однако не отметить, что до сих пор непревзойденною по широте кругозора и разнообразию привлеченных к рассмотрению фактов остается „История Государства Российского" незабвенного Н. М. Карамзина. Несмотря на то, что минуло более столетия со времени ее написания, не только „примечания" к этой истории, но и многие страницы ее текста (а главное — общий размах мысли) до сих пор еще не устарели... Из отдельных монографий не могу не упомянуть превосходного труда В. В. Вельяминова-Зернова, „Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ". Со времени опубликования этого труда прошло более полувека, — и тем не менее результаты его почти не вошли в наше историческое сознание...

Отмечу в заключение несколько основоположных исследований, большей частью вышедших за самые последние годы и потому не указанных в названных выше работах.

---

*) Там же обоснование понятия „месторазвитие". — Я мог пользоваться не только печатным изложением взглядов П. Н. Савицкого, но многое вынес из непосредственных бесед с ним, что и считаю долгом здесь отметить.

ДЛЯ I ПЕРИОДА имеют большое значение труды М. И. Ростовцева: „Эллинство и иранство на югѣ Россіи" (1918); Iranians and Greeks (1922); Скиѳія и Боспоръ (1925). — О славянах: L. Niederle. Slovanské starožitnosti, I, sv. IV: Původ a počátky slovanů východních (1924). K. Moszyński. Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą słowian (1925). А. А. Шахматовъ. Древнѣйшія судьбы русскаго племени (1918).

ДЛЯ II ПЕРИОДА: М. Д. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси (1913); его же, Борьба двух мировоззрений (Сборник „Россия и Запад" 1924); его же „Несторъ лѣтописецъ". М. Грушевський. Історія Української Литератури (1926—27).

ДЛЯ III ПЕРИОДА: А. Е. Пресняковъ. Образованіе великорусскаго государства (1920).

ДЛЯ IV ПЕРИОДА: А. Е. Пресняковъ. Московское царство (1918); С. Ф. Платоновъ, Иван Грозный (1924); Р. Ю. Виппер, Иван Грозный (1922); С. Ф. Платоновъ, Борис Годунов (1924); Б. Д. Грековъ, Юрьев день и заповедные годы (Известия Академии Наук, 1926); С. Ф. Платоновъ, Смутное Время (1924).

В заключение не могу не выразить искреннюю признательность за ценные советы и указания С. Г. Пушкареву, ознакомившемуся с настоящею книжкою еще в рукописи и взявшему на себя труд просмотра последних корректур книжки.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ[1] ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

П. Н. Савицкого[2]

I. Джучиев улус и Россия

В ряду политических образований, существовавших на пространстве Старого Света и обнимавших ту или иную часть нынешней территории России (СССР), — Российская Империя XVIII—XX веков занимает, в отношении территориального протяжения, промежуточное место между Монгольской Державой, в ее целом, и той частью этой державы, которая называлась „Джучиевым улусом" (кипчацко-русский улус). Российская Империя ни в один период своего существования не достигала размеров Великой Монгольской Державы, охватывавшей почти целиком Икумену (Монголосферу), включая Корею, Китай, нынешний Индо-Китай, часть передней Индии, весь Иран и значительную часть так наз. „передней Азии".[3] Но Российская Империя — больше Джучиева улуса. Правда, галицкие земли, находившиеся под властью Золотой Орды (Джучиева улуса), не входили в состав Российской Империи, как не входят в пределы СССР. Нужно отметить и то обстоятельство, что золотоордынское политическое влияние на Балканах (Болгария, Сербия) и в Молдавии, в течение некоторого времени, имело более оформленный вид, чем имело его когда бы то ни было в этих местах русское влияние (однако, и русское влияние бывало здесь временами сильно). Зато на западных и северо-западных пределах нынешней доуральско-русской (западно-евразийской) равнины русская власть проникла так далеко на запад и северо-запад, как никогда не проникало золотоордынское влияние (Прибалтика, в частности Финляндия, Эстляндия и Лифляндия, затем — Литва и Польша). В этих местах русские войска исходили и русская власть охватывала многие территории, где никогда не бывали монголы.[3] Это относится также ко всему крайнему северу Евразии (хотя, напр., Якутия при Кубилае не только принадлежала Монгольской Державе, но была „просвещаема" и хозяйственно организуема монгольскою властью). Освоение севера осталось в силе и в нынешнем СССР. Что же касается упомянутых выше северо-западных и западных земель, не входивших в состав Монгольской Державы, то они почти целиком

[1]) Геополитикой именуется наука о географическом распространении и географическом характере политических об'единений (государств).

[2]) „Геополитические заметки" предназначаются для читателя, уже знакомого с основными фактами русской истории.

[3]) В Ливонии и Литве татары действовали в XVI в. в виде особых отрядов служилых татар в составе московской рати (стр. 142—143 и др.).

отпали в течение 1915—20 годов. Однако, факт существования в устье Невы такого (созданного Империей) центра, как Петербург—Петроград—Ленинград, создает для СССР в Прибалтике существенно иную конъюнктуру, чем та, с которою должна была считаться в этих местах монгольская власть.

Если учесть место России в Прибалтике в XVIII-ом — XIX-ом — начале XX-го века, то пред нами раскроется одна из немногих сторон геополитического положения Российской Империи, которая не имеет прямых аналогов в истории монголов.[1] Русский Балтийский флот временами являлся существенным политическим фактором. Монголы на Балтийском море флота не имели вовсе.[2]

Также на восток Российская Империя проникла далее, чем распространялся Джучиев улус (еще в XVII в. русское государство перешло через Енисей и распространилось до Тихого океана: Джучиев улус в этом направлении не шел дальше Алтая; Монгольская же Держава, в ее целом, охватывала эти места). То же наблюдается на юго-востоке: во второй половине XIX в. Россия овладела предгорным и горным Туркестаном, в свое время остававшимся вне „Джучиева улуса". Огромный круг земель является общим Российской Империи и „Джучиеву улусу". Мы подразумеваем основное протяжение евразийских низменностей — равнин (нынешней доуральско-русской, западно-сибирской и туркестанской). [Сюда же относятся прилегающие части Кавказа]. Основная территория „Джучиева улуса" составляет основную часть территории новейшего русского государства. Подобно державе императоров всероссийских и власти правящих органов нынешнего СССР, власть золотоордынских ханов охватывала одновременно: бассейны Дона и Волги (в их полном составе), Киев, Смоленск, Новгород и Устюг, побережья Аральского моря (тогдашний Узбекистан) и степи позднейших Тобольской и Томской губ.[3]

---

[1]) Деятели Империи придавали большое значение положению России в Прибалтике. Вспомним хотя бы политику Петра I или Семилетнюю войну (которая сопровождалась занятием Россией ряда прибалтийских провинций Пруссии).

[2]) Также на Черном море Россия XVIII—XIX в. в. играла, до некоторой степени, роль одновременно: Золотой Орды и генуэзцев XIII—XIV в. в. Что же касается русского тихоокеанского флота, то судьба этого флота пока что представляется сходной с судьбой тихоокеанского флота Кубилая (стр. 228). Нужно заметить только, что в силу геополитического сложения Великой Монгольской Державы (см. выше), Кубилай, опираясь на значительное протяжение населенных и богатых китайских и корейских берегов, имел значительно большие шансы морской победы над Японией, чем те, на которые могла расчитывать Россия начала XX-го века. В войне с Японией русские силы висели буквально на ниточке железной дороги, среди почти совершенной хозяйственной и демографической пустоты. Этим сопоставлением рельефно выявляется легкомыслие руководителей русской внешней политики начала XX века.

[3]) Горная страна в восточной части нынешней Киргизской степи, от р. Имиля на востоке до р. Каратала на юго-западе и р. Нуры на западе была занята в XIV в. „казацкими" (киргизскими) племенами, входившими в состав Джагатаева улуса (обнимавшего нынешний Туркестан).

С геополитической точки зрения является незыблемо обоснованным то введение истории Золотой Орды в рамки русской истории, которое производит Г. В. Вернадский.[1] Даже элементарное изложение русской истории должно отныне знакомить с образами тех царей и тех темников, в деятельности которых выразились в свое время геополитические и хозяйственные тяготения, приведшие в новое время к созданию великого русского государства и в настоящее время являющиеся основой существования СССР.[2] Имена этих царей и темников должны явиться одним из символов трактовки евразийских низменностей-равнин и прилегающих

---

[1]) Историю Монгольской Державы сближает с историей Российской Империи, в числе другого, геополитическая сторона некоторых военных операций и походов, соответственно золотоордынских и русских. [В последующем перечислении руководствуемся исключительно признаком *общего* географического расположения театра военных действий и направлением движения воинских сил, не вдаваясь в *детальное* географическое сопоставление и *оставляя в стороне все прочие признаки*].

I. Польским походам монголов (стр. 75, 84) соответствуют польские походы Империи. При этом русские походы в Польшу (напр., 1794-го или 1831-го года) представляют собою более *замечательные* образцы военного искусства, чем польские походы монголов.

II. Венгерскому походу Батыя (стр. 75—76) отвечает венгерский поход Паскевича (1849 г.). Венгерский поход Батыя, выступавшего всецело на свой страх и риск, милитарно *значительнее*, чем поход Паскевича, который действовал как усмиритель, во имя поддержания Габсбургской монархии. Батый и Паскевич одинаково шли из-за Карпат.

III. Балканские походы монголов (стр. 83, 84), в геополитическом смысле, повторены задунайскими и забалканскими походами русских.

IV. Аналогом кавказских походов золотоордынских царей (стр. 84) являются кавказские войны, которые велись русским правительством. Однако, русские операции на Кавказе *шире*, чем кавказские операции золотоордынских царей.

Таким образом, *и Золотая Орда, и Россия вели войны на Кавказе и на Балканах, в Венгрии и в Польше*. Для каждой из этих держав названные области образовывали как бы „полосу военных действий", окаймлявшую их осиовные владения. Важнейшие из упомянутых золотоордынских походов относятся к XIII столетию; перечисленные русские походы принадлежат XVIII—XIX векам. Военная история *Московского* государства, в этой области, дает меньше материала для сопоставлений с военной историей монголов.

Итальянскому походу Суворова (в 1799 г.) и походам 1813—15 годов нельзя найти аналога в истории монгольских походов. Чтобы отыскать соответствующие явления, нужно углубиться в историю кочевых империй. Кони всадников, пившие воду в Дону и уральских реках, впервые *со времен Аттилы*, испили воду итальянских и галльских рек в русских походах XVIII—XIX в. в. [в походах 1813—15 г. г. участвовали, в числе других, *донские* казаки и башкирская кавалерия образованного перед тем „иррегулярного" башкирского войска]. Походы Аттилы милитарно *существеннее*, чем русские походы 1799-го и 1813—1815 годов. Аттила действовал, как самостоятельный фактор. Россия выступала в рядах сложной европейской коалиции. С этим ограничением названные русские походы нужно признать геополитическим аналогом походов Аттилы (в смысле движения организованных воинских сил из глубины Евразии вглубь Европы).

[2]) Ср. брошюру: И. Р. Наследие Чингисхана, Евразийское Книгоиздательство, 1925, стр. 9; также статью кн. Н. С. Трубецкого „О туранском элементе в русской культуре" в „Евразийском Временнике", кн. IV.

к ним стран, как „связной площади", как геополитического единства. Не нужно забывать, что и в смысле экономическом золотоордынская власть имела дело с (применительным к условиям того времени) использованием хозяйственных рессурсов *тех самых территорий*, которые в настоящее время являются поприщем экономической деятельности народов России-Евразии. К настоящему моменту нет возможности сомневаться, что это использование было многосторонним. Как выражается В. В. Бартольд в терминах старой географии, „доказано, что несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время существования монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией" (1926)... Пришедшие к процветанию (а отчасти возникшие) в течение XVIII—XIX в. в. русские города Причерноморья, а также среднего и нижнего Поволжья представляются, в широкой исторической перспективе, воспроизведением и возрождением располагавшихся в тех же местах культурно-городских центров золотоордынской эпохи (Сарай, золотоордынские центры в Крыму). В Поволжье „остатки домов, с облицовкой мрамором и изразцами, водопроводы, надгробия, куски серебряной утвари, парча, венецианское стекло выступают свидетелями о жизни татарских культурных средоточий XIII—XIV веков и... их отношений с другими народами Востока и Запада".[1]

---

[1]) Интересно, что Сарай (мы подразумеваем тот татарский город, развалины которого расположены около позднейшего Царева; остатки другого значительного поселения находятся у с. Селитреного, верст на 200 ниже по Ахтубе) принадлежит к числу исторических средоточий — вех, отмечающих основные „растительно-почвенные" рубежи Доуральской России; как Киев и Великие Болгары помещены на границе леса и степи (стр. 38), так Сарай расположен на рубеже между степью и пустыней, отмечает крайний, в направлении северо-запада, угол распространения внутри-континентальной пустыни. Подобное географическое расположение столицы Золотой Орды вполне об'яснимо: именно зона пустынь являлась основною линией сношений в пределах Великой Монгольской Державы, связывала непрерывной сухопутной, относительно удобной магистралью Хан-Балык (столицу Кубилая, нынешний Пекин), недалеко от восточной окраины пустыни, с низовьями Волги. Сарай и поместился в крайне-западном конце этой оси, и притом на берегу водной артерии (Ахтубы), связанной с Волгой. Волга, в сочетании с притоками, соединяла Сарай с болгарскими и русскими областями. Близость к месту, где Дон подходит к Волге (Волжско-Донской перешеек), давала Сараю удобные сообщения с юго-западом (Приазовскими, Причерноморскими и более южными землями); в сочетании с прочими упомянутыми обстоятельствами, близость эта делала Сарай важным узлом путей... В своем расположении на западной окраине евразийской пустыни, Сарай „симметричен" Хан-Балыку (помещенному на ее восточной окраине). И как из Хан-Балыка монгольская власть повелевала странами к востоку и юго-востоку от пределов пустыни, так из Сарая золотоордынская власть управляла землями к западу и северо-западу от этих пределов... Вполне понятно также,

Ряд золотоордынских царей и темников XIII—XIV столетия, в их качестве распорядителей судьбами евразийских низменностей-равнин, может и должен быть сопоставляем с образами русских императоров, императриц и полководцев XVIII—XIX в.в.[1] И если среди последних мы видим много значительных и одаренных фигур, то немало их и среди первых: назовем „властного и сурового правителя" Беркая, „победителя греков" темника Ногая (правителя Причерноморья: 1266—1299), „правосудного и расположенного к людям добра всякого вероисповедания", в то же время „властного и сильного" хана Тохту (1291—1313), великого Узбека (1313—1341), Джанибека (1342—1357), при котором была „большая льгота" русской земле, и пр. Нужно отдать должное дому Джучия и монгольской военной среде. Ряд администраторов и полководцев, выдвинувшихся в истории Золотой Орды в течение одного столетия (от середины XIII-го по середину XIV века: „великое столетие" Золотой Орды!), может поспорить с любым таким рядом в истории других народов и стран. В особенности, если мы вспомним, что Золотая Орда есть только часть того целого, в центре и других частях которого действовали и Чингис, и его полководцы, и последующие великие ханы XIII-го века, среди которых немало крупных фигур.[2] Для русского человека изучение истории этих людей полно глубокого интереса. В частности, деятели Золотой Орды соприкасались со многими геополитическими сочетаниями, которые и в настоящее время остаются в силе для России-Евразии (напр., отношение к балканским странам и Польше). Около них скрещивались рели-

---

почему важнейшие татарские средоточия расположены на Ахтубе (протоке, более восточном, чем Волга) и притом на восточном берегу: именно отсюда уводит к востоку непрерывное сухопутное пространство — являвшееся, согласно сказанному выше, основною линией сношений монгольской державы. Несколько видоизменяя термины, предложенные автором „Наследия Чингисхана", можно выразится так: Сарай расположен у западного предела имеющей широтное простирание внутренне-евразийской „системы пустынь"; расположен в том месте, где к пределам пустыни подходят две из числа важнейших водных артерий Евразии, протекающих, как все почти крупные реки Евразии, в меридиональном направлении; мы подразумеваем Волгу и Дон. Беря картину в ее более детальных чертах, можно заметить следующее: течение каждой из названных рек, сначала как бы стремящихся к слиянию, поворачивает здесь под прямым углом. Получается четыре отрезка водных путей, ведущих, почти с полною точностью, на четыре стороны света [вверх по Дону — на северо-запад, вверх по Волге — на северо-восток (до Жегулей), вниз по Волге — на юго-восток, вниз по Дону — на юго-запад].

[1]) Ведя переговоры с Персией (после русско-персидской войны начала XIX века), Ермолов (стр. 218) называл себя потомком Чингисхана. Такое происхождение увеличило почтение к нему со стороны персидского шаха.

[2]) Яркие образы некоторых из этих ханов, имеющих большое (хотя часто и „опосредственное") значение в русской истории, дает Вс. Иванов в книге „Мы" (1926). Роль цариц-регентш великой монгольской ставки (Туракина, 1241—1246, Огул-Гаймиш, 1248—1251) можно сопоставить с ролью царевны Софии и русских императриц XVIII века.

гиозные принципы (Православие, мусульманство, шаманизм), которые и сейчас действенны в евразийском мире...[1]

Работа Г. В. Вернадского, в отношении ряда периодов и вопросов, действительным образом преодолевает укоренившийся ложный шаблон русского историописания. „О России эпохи татарского ига пишут так, как будто никакого татарского ига и не было. Ошибочность такого приема исторического изложения очевидна. Нелепо было бы писать историю Рязанской губ., вне общей истории России. Но совершенно так же нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то же время провинцией большого государства. А между тем, русские историки поступали именно так". Г. В. Вернадский исправляет эту ошибку. Общие соображения о значении истории монголо-татарских держав в русской истории он облекает в плоть и кровь фактического материала. Рассматриваемую им в этом выпуске политическую, военную и дипломатическую историю России он очерчивает (для периода XIII—XV веков) в широкой рамке истории монголо-татарских держав этого времени. Нужно надеяться, что этот прием станет отныне неот'емлемым приобретением русской историографии...

Сила золотоордынской государственной традиции не была исчерпана в „великое столетие" Золотой Орды (от середины XIII-го по середину XIV-го века). Крупным фактом, на который в изложении Г. В. Вернадского имеются отчасти указания, отчасти намеки, является двукратное „возрождение" государ-

---

[1]) Небез'интересны сведения о жизни и быте золотоордынских столиц (пользуемся сводкой Ф. В. Баллода, Старый и Новый Сарай, 1923, внося некоторые свои замечания). Город у с. Селитреного (стр. 237) являлся, видимо, Старым Сараем (основан Батыем), город около Царева — Новым Сараем (построен Узбеком). Развалины первого занимают пространство не менее 36 кв. верст (на 12 верст вдоль Ахтубы, полосою в 3 версты шириной); развалины второго — не менее 48 кв. верст. Кроме того, верст на 70 (от Царева) простираются отдельные группы развалин, по гребню сырта, вдоль Ахтубы. Видимо, это были *мировые* города, в подлинном смысле слова. Замечательны гидротехнические и оросительные сооружения Нового Сарая. Город был пересечен каналами и орошен прудами (вода была проведена также в отдельные дома и мастерские). Одна из систем бассейнов располагалась по склону сырта. Падение воды использовалось заводами, устроенными около дамб (белый уголь татарской столицы!) [найдены остатки железных приводных колес в несколько пудов весом]. „Старый Сарай" (Селитреное) во времена Узбека являлся, по преимуществу, промышленным центром (развалины горнов, кирпичный завод, поташные печи, целые городки керамических мастерских). Однако, и в Новом Сарае открыты остатки монетного двора, ювелирных, придворных сапожных, портновских и др. мастерских. В торговом квартале обнаружены остатки товаров, происхождением со всех концов Икумены, в т. ч., напр., кофе (чем опровергается мнение, что кофе вошло в употребление только в XVII в.). В *деревянных* конструкциях встречаются *еловые* бревна (ближайшие еловые леса отстоят от Сараев на несколько сот верст). В обоих городах были районы, состоявшие сплошь (или почти исключительно) из *кирпичных* построек. „Технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордын-

ственно-политической традиции Золотой Орды. Первое из них можно назвать тохтамышо-едигеевым или тимуровым возрождением (конец XIV-го — начало XV-го в.), второе — менглигиреевым или крымско-османским (XV—XVIII в. в.) [см. ниже гл. 3-ью и 4-ую].

II. Русь и Литва

„Замятня великая" в Орде (конец 1350-х и 1360-е годы) есть факт, чрезвычайно значительный в геополитической истории Евразии. Именно в этот момент крайний юго-западный угол Евразии вышел из-под золотоордынской власти (процесс, который начался еще в конце 1330-х годов, когда Болеслав Тройденович захватил Галич): степи между Днепром и Днестром заняло Литовско-русское государство, между Днестром и Дунаем — Молдавия... Когда в 1362 г. Ольгерд разбил подольских татарских князей, остатки татар частью ушли в Крым и за Дунай (в Добруджу), частью подчинились Литве. С этого момента у Литовско-русского государства появились служилые татары, которым, на условиях несения военной службы — были уступлены земли в Причерноморье — так же, как на столетие позднее, на таких же условиях, Василием Васильевичем были даны татарскому царевичу Касиму земли на Оке (Мещерский городок). Это последнее событие оказалось „делающим эпоху" (см. периодизацию русской истории, предлагаемую Г. В. Вернадским, стр. 22). Касимовское царство многим способствовало переключению внутри-евразийских об'единительных тенденций

ского города; прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте". В окрестностях располагались дворцы, окруженные садами. В предместиях размещались шатры прикочевывавших к городу степняков. В Новом Сарае обнаружено немало христианских погребений. Там же — развалины, приурочиваемые к древней русской церкви. В Сарае существовал особый „русский квартал". Он располагался, повидимому, „вблизи от тех учреждений, куда надлежало обращаться по делам русских областей". — От себя (П. Н. С.) сделаем нижеследующее наблюдение. За последние века мы знаем *четыре* столицы, каждая из которых администрировала в свое время всё (или почти всё) пространство евразийских низменностей-равнин; это — два Сарая, Москва и Петербург. Все четыре города на географической карте располагаются *на одной прямой*, а именно по линии, соединяющей устье Волги с устьем Невы. Эта линия есть как бы „ось развертывания" почвенно-ботанических зон Доуральской России (основные почвенно-ботанические рубежи, границы пустынной, степной и лесной зоны, она пересекает *под прямым углом*). От XIII-го к XVIII-му веку административный центр евразийских низменностей-равнин перемещался по этой линии с юго-востока к северо-западу: каждая более поздняя столица расположена *на северо-запад* от более ранней: Новый Сарай — на северо-запад от Старого, Москва — на северо-запад от Нового Сарая, С.-Петербург — на северо-запад от Москвы. В XX веке процесс пошел в противоположном направлении (столица вернулась в Москву). Возможно, что процесс на этом не остановится. В широкой исторической перспективе представляется вероятным дальнейшее перемещение столицы на юг и восток (может быть, в среднее или нижнее Поволжье)...

с монголо-татарских владетелей на московского царя.[1] Появление же служилых татар в Литовском государстве не повлекло за собою крупных последствий; и та благоприятная для Литвы (и стоявшей за ней Польши) геополитическая конъюнктура, которая была создана в западном отрезке евразийских степей Ольгердом и Витовтом, — к XVI-му веку была ликвидирована выступлением новых татарских и турецких сил... Иначе говоря, Москва оказалась годным об'единительным центром в евразийской государственной системе. Литва—Польша таким центром не оказалась.[2] Здесь намечается граница двух исторических миров — одного, определяемого сложным сочетанием византийских и монгольских традиций, всё глубже перерабатываемых и всё полнее перекрываемых новым, из-под спуда бьющим началом русскости; другого — определяемого началом латинства (мира, в котором самые отрицания латинства соотносительны латинству и тем самым, зависимы от него). Это есть первое и приблизительное определение Евразии и Европы, как особых исторических миров.[3] Процесс русской истории может быть определен как процесс создания России-Евразии, как целостного месторазвития. (стр. 9—10.) Об'единительным узлом в этом процессе сделалась та историческая среда, где налегли друг на друга и сопряглись друг с другом слои духовно-культурного византийского и государственно-военного монгольского влияния. Это есть историческая среда верхне-волжской Руси XIII—XV веков, намечаемая именами князей от Александра Невского до Василия Васильевича (и далее), и владык — от митрополита Кирилла (духовного отца Александра) до митрополита Ионы (духовного отца Василия)... Здесь неизменно были сильны полученные от Византии культурные начала, и эта же среда сначала принуждена была пойти, а затем волею пошла, и плодотворно прошла татарскую школу... Месторазвитием этой среды было то — священное для каждого русского — междуречье между верхнею Волгой и Окой, междуречье, где и последующие века оставили

---

[1]) Кроме Касимовского царства, существовали и другие группы служилых татар в Московском государстве. Таковы каринские татары (под именем Карина известен ряд татарских селений, по р. Чепце, притоку Вятки, в позднейшей Вятской губ.). Московские государи утвердили, на условиях службы, за каринскими князьями земли по р. Чепце. Особенно большое значение имело Карино в эпоху существования независимого Казанского царства (земли каринских князей охватывали казанские владения с северо-востока — так же, как Касимовское царство охватывало их с запада). Последняя известная жалованная грамота каринцам относится к 1686 г. (т. е. ко времени, несколько более позднему, чем уничтожение Касимовского царства).

[2]) Совершенно исключительное значение в смысле ликвидации об'единительных (в отношении евразийского мира) попыток Литвы имела битва на Ворскле 1399 года (см. стр. 102).

[3]) Польша и собственно Литва, историческая жизнь которых определяется началом латинства, принадлежат, следовательно, не евразийскому, но *европейскому* историческому миру.

свои наиболее замечательные памятники, междуречье соборов, кремлей и монастырей, мощная антена русских энергий... Именно отсюда развертывалась нить собирания и византийского, и монгольского наследства (стр. 17). Здесь наиболее ярко выразилась „русскость". А из всех православных стран именно эта область оставалась, пока что, наиболее независимой от латинства, и ему недоступной, несмотря на постоянные попытки воинствующего латинства подчинить Москву своей власти. Бывали моменты, когда и в Иерусалиме и в Константинополе сидели латинские патриархи. Но никогда доселе латинский патриарх не сидел на Москве. Также, напр., в области зодческой эта среда отмечена наименьшей представленностью храмово-строительных типов, свойственных западу („базиличная схема"), и наибольшим своеобразием типов; в то время, как, напр., на Ближнем Востоке базиличная схема представлена значительным числом примеров. Здесь она является одной из исконных схем храмостроительства, что́ сближает зодчество Ближнего Востока с зодчеством Запада. Но это есть уже вопрос географии зодчества, и его мы оставляем в стороне... — Отклонения государственной литовской линии от подчинения целям латинства были только временными отклонениями. Основной урок, который русское сознание выводит из истории Литовской Руси, есть свидетельство о том, что русскость несовместима с латинством. Насколько, казалось, условия Литовской Руси XIII—XVв. в. были благоприятней для развития русской культуры, чем условия Московской Руси: отсутствие монгольского ига, преемственность развития государственно-правовых форм, возможность сношений с Западом.[1] И что же мы видим: вместо расцвета — постепенную потерю русской культурой наиболее ценных кадров культурного возглавления, захирение и захудание, завершающееся тем, что, напр., к концу XVII в. (а именно в 1697 г.) для больших территорий, занятых русским населением, „польский язык был признан языком государственным и русский был изгнан из оффициальных актов"...[2] Литовско-русская государственность неуклонно переходила

[1]) Преемственность развития выразилась, напр., особенно ярко в уставных грамотах, которые Витовт дал Полоцку, Смоленску и Витебску. Грамоты эти воспроизводят и утверждают, в упорядоченном виде, тот политический, социальный и правовой строй, который вырабатывался в названных землях в течение предшествовавших веков. Здесь сохраняется вече, в виде собрания „добрых и малых людей", являющегося верховным органом в делах местного управления. В то же время обеспечивается (выражаясь современным термином) „неприкосновенность личности", свобода передвижения и т. п. Ничто подобное не было возможно в то время в Московской Руси, при суровости тамошних государственно-политических условий.

[2]) В Галицкой Руси (бывшей под властью Польши с XIV века) именно в конце XVII-го и первом десятилетии XVIII-го века перешли из Православия в унию епископы Львовский, Перемышльский, Теребовльский, Ставропигиальное братство во Львове и пр. Иными словами, именно в конце XVII-го и начале XVIII-го века Православие в Галицкой Руси потерпело наиболее тяжелые потери.

в польско-литовскую, а затем и просто в польскую государственность (конституция 1791 г.).

Поразителен контраст между судьбами русской культуры, с одной стороны, в условиях монгольского и с другой стороны — литовско-польского владычества. В условиях первого был подготовлен культурный расцвет Московской Руси XV—XVI-го веков. В условиях второго, культура русского племени, попавшего под литовско-польскую власть, в конце концов почти исчезла с поверхности исторической жизни.

Русскость оказалась несовместимой с латинством, а латинство, в свою очередь, оказалось несовместимым с осуществлением об'единительной роли в пределах евразийского мира.[1] Этот исторический итог, выводимый из рассмотрения судеб литовского и польского государства, не препятствует признанию значительности той геополитической кон'юнктуры, при которой течение Днепра от истоков до устья было в руках единой литовской власти (Витовтова таможня на Днепре, в районе позднейшего Херсона), когда магистраль Днестра была в обладании той же власти,[2] когда литовские войска проникали в позднейшую северную Таврию и на Крымский полуостров (напр., в 1397 г.).

III. Русь и держава Тимура

Новое (после „замятни великой") усиление Орды сказалось в годы правления Мамая, и затем — в особенности, при Тохтамыше, а также в период правления Едигея и несколько позже. Было не только приостановлено распадение основного ядра золотоордынской державы (на которое указывало появление в 1360-х — 1370-х годах независимых владетелей в Мордовской и Болгарской земле), но также и северо-восточная Русь, сначала после Куликовской битвы, а затем после периода фактической независимости 1395—1411 гг., была снова приведена к подчинению. Однако, также и в этот период, несмотря на победу на Ворскле, Золотая Орда не вытеснила польско-литовского государства из западно-причерноморских степей. Вытеснение это произошло в период второго „возрождения" золото-

---

[1]) Вторичную попытку принять на себя эту роль, — столь же безуспешно, как и в XV-ом веке, — произвела, на этот раз, польская государственность в первой половине XVII века (агрессивная политика в годы московской смуты, колонизационная и организационная деятельность И. Вишневецкого в Полтавщине и пр.).

[2]) По Днестру сплавляли хлеб из Подолии. В 1415 г. несколько кораблей с хлебом из Гаджибея (позднейшей Одессы) спасли от голода Константинополь, окрестности которого были опустошены турками. В связи с этим указанием, интересно отметить устойчивость некоторых „геокультурных" и хозяйственно-географических кон'юнктур. В XIX в., уже при русской власти, Одесса была портовым городом польских (нередко литовско-русского корня) помещиков „юго-западного края".

ордынской государственной традиции, протекавшего в виде укрепления и расширения Крымского ханства... Первому же (только что упомянутому) „возрождению" золотоордынской традиции способствовало возникновение на Среднем Востоке новой мощной монголо-турецкой державы Тимура.

В геополитическом отношении, держава Тимура уже тем интересна для русских историков, что во всяком случае более половины (по пространству) подчинявшихся Тимуру земель вошло в состав позднейшей Российской Империи, а ныне входит в пределы СССР., в которых, в свою очередь, эти земли составляют значительную часть территории.

Затем:

I. именно ставленник Тимура (в период, когда он был его подручным) Тохтамыш вновь подчинил Москву золотоордынской власти, а через посредство Золотой Орды — власти Тимура (1380-е годы);

II. другой ставленник Тимура — сменивший Тохтамыша, Темир-Кутлуй (действовавший совместно с князем Едигеем) разгромил Витовта на Ворскле, чем помог делу защиты Москвы от литовского натиска и устранил литовскую „кандидатуру" на роль собирателя евразийских земель...

Вовлеченность Руси на периферию Тимуровой державы имеет большое систематическое значение. Вовлеченность эта, сочетаясь с другими историческими фактами, знаменует принадлежность Руси (восточных славян) к тому историческому миру, который именуем миром евразийским.

IV. Царства-наследники Золотой Орды

Процесс распадения Золотой Орды, остановленный во второй половине XIV века усильями Мамая, Тохтамыша и Едигея, возобновился около середины и во второй половине XV века. Одним из первых выделилось Казанское царство.[1] Его возникновение опиралось на ту традицию государственной самостоятельности, которая была присуща землям б. волжских болгар (области, вокруг места впадения Камы в Волгу). Существование Казанского царства (1445—1552) предварялось много-

[1]) Кроме этапов распадения, указанных Г. В. Вернадским (стр. 111 и 135, прим.), нужно упомянуть уход в 1465 г. из Джучиева в пределы Джагатаева улуса (а именно на р. Чу) части узбецкой орды, во главе с султанами-джучидами Гиреем и Джанибеком (ушедшие явились предками части позднейших киргизов „казаков"). — Ранее того, признаком распадения служило появление в 1430-х и 1440-х годах выходцев из Золотой Орды, действовавших за свой страх и риск в поволжских и поокских землях (Мустафа, Улу Махмет, стр. 108—109). В геополитическом смысле, арена деятельности этих выходцев довольно близко отвечает геополитическому поприщу таких русских выходцев, как Стенька Разин (XVII-ый век). Подобно Мустафе и Улу Махмету, Стенька двигался „с Низу".

вековым существованием царства волжских болгар (с X-го века — мусульман, в своей социальной верхушке), а также правлением Булат-Темира (хана Болгарской земли, после великой „замятни"). Этот ряд государственных образований (Болгарское царство — царство Булат-Темира — Казанское) представляет собою политическое знаменование определенного культурного факта. В областях, вокруг впадения Камы в Волгу, существовала и существует особая культура, которая с течением веков все более окрашивалась в цвета ислама. Эту культуру можно называть „средне-волжской". Изучение этой культуры составляет одну из существенных задач исторического исследования России — Евразии.[1] Наряду с православно-русской, именно средне-волжская культура представляла собою крупное явление в геополитическом круге Золотой Орды. Исторические известия XIII в. дают основание заключить о некоторой конкуренции между этими культурами в золотоордынской цар-

[1]) Приведем некоторые сведения, характеризующие эту культуру, следуя данным А. Ф. Лихачева и М. Худякова. Болгарская культура генетически связана с более ранней культурой „чудских" (повидимому, финских) народов. Народы эти были оседлыми, болгары же, при своем появлении в Среднем Поволжье, были кочевниками. Вслед за тем, и они стали оседлыми. Более поздняя монголо-татарская культура, в свою очередь, связана с культурой болгарской. Заметим от себя: эта последовательность культур („чудской" — болгарской — монголо-татарской) и образует культурно-исторический ряд, присущий волжско-камскому месторазвитию („средне-волжская культура"). Перед нами — один из ярких примеров того, что „культурные традиции оказываются как бы просшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся „культурно-устойчивыми", приобретают особый, специально им свойственный „культурный тип" („Россия — особый географический мир", 1927). Великая Болгария являлась крупным центром международной торговли. Она славилась своим кожевенным производством, и вывозила на Восток юфть, а также, повидимому, цветные сафьяны: на среднем Востоке „красный сафьян и по сие время известен под именем *булгари*". Вывозила также крупную рыбу и белужий клей (нужно отметить договор с русскими 1229 г., регулировавший условия рыболовства на Волге); сплавляла лес и т. п. (некоторые из этих экономических фактов остаются в силе до сего дня: напр., выделка кож, которою славится Казань, и сплав леса). В свою очередь ввозились в Великую Болгарию товары из самых отдаленных стран: много предметов, найденных в Болгарии, происходит из Китая, и вообще влияние китайской культуры на болгарскую, повидимому, было велико. В Великой Болгарии процветали: плотничество, кузнечное и медничное ремесло, ювелирное мастерство, производство предметов из кости, производство войлока, ковров, тканей и шапок, сапожное дело, столярное ремесло, изготовление лодок, веревок, снастей, щепного товара, гончарное производство и т. д. Есть основания думать, что болгарское зодчество, хотя и находившееся в общем круге мусульманского искусства, было отмечено „местными особенностями". То же относится к прикладному искусству. — До нас дошли имена болгарских ученых (Бурхан эддин Ибрагима и Якуба ибн эль Номана). Болгары снаряжали астрономические экспедиции. Сохранились известия о диспутах на религиозно-философские темы в болгарской среде. — Болгарское царство чеканило собственную монету: в X веке — с именами болгарских царей („мелик"), а в XIII-ом — с именем халифа Эн-Насир-Лидин-Аллаха. Монеты с именем этого халифа изготовлялись и в эпоху Джучидов „пока в Болгарии продолжали чеканить монету старого образца".

ской ставке.[1] Первоначально получила перевес средне-волжская культура. Не только позднейшее Казанское царство, но и самая Золотая Орда может быть рассматриваема, как находящаяся в магистралях средне-волжской культуры.[2] Это выразилось, между прочим, в принятии золотоордынскими царями ислама. Впрочем, ислам проникал в царскую ставку не только с севера (со средней Волги), но и с юга. Определенно с севера (из Казани) шел ислам к целому ряду народов среднего Востока в XVI—XIX веках (ногаи, башкиры, „казаки").

Основателем независимого *Сибирского* царства, охватившего северную часть зауральских владений Золотой Орды, явился ишимский хан Ибак (убийца хана Ахмата, см. стр. 122). История сибирских улусов Золотой Орды являет картину постепенного продвижения татарских поселений и татарских политических центров из пределов степи в пределы лесной зоны. В конце XV-го и в первые три четверти XVI-го века Сибирское царство в значительной мере входило в ту систему государственных образований, которая возникла в результате распадения Золотой Орды и в которой действовало и развивалось также и Московское государство. Также и в это время Уральский хребет не являлся существенным геополитическим рубежом, как не является он существенной географической границей.[3] Зауральские владетели оспаривали у Москвы влияние в Казанском царстве.[4] Уже в конце XVI-го века (в период борьбы царя Кучума с московскими воеводами) сибирский царевич Аблай (вместе с „казацким" ханом Ак-Назаром) ходил походом на только что основанный московскими воеводами в башкирских землях город Уфу...[5] В XVI-м веке история Сибирского царства выдвинула крупную фигуру Кучума. Сперва он был об'единителем распавшегося перед тем Сибирского царства (стр. 148, прим.). В позднейшие годы, в социальной среде зауральских татар, уже затронутой социальным распадом, он вел исключительную по упорству борьбу с распространением московской власти (1581—1598). Вытесненный из частей Сибирского царства, находившихся в пределах лесной зоны, он продолжал борьбу в степной (точнее — лесостепной) части своих владений. Окончательное поражение было нанесено ему на Оби, несколько выше позднейшего Ново-Николаевска (на во-

[1]) Наряду с обращением членов царского дома в ислам, происходили обращения в Православие (крещение митрополитом Кириллом царевича Петра в середине XIII века).

[2]) „Нельзя подметить ясно-определенной черты между памятниками булгарскими и монголо-татарскими" (А. Ф. Лихачев).

[3]) См.: П. Н. Савицкий, Географические особенности России, часть I-ая, 1927, стр. 120—121.

[4]) Казанский царь Махмет-Аминь, посаженный Иваном III, был вытеснен в 1496 г. из Казани шибанским (зауральским) владетелем Мамуком. Московское войско изгнало Мамука (указание Г. В. Вернадского).

[5]) Поход кончился неудачно для Аблая; его войска были разбиты уфимцами, и сам Аблай попал в плен.

сточной окраине Барабинской степи). Почти тысяча верст (по прямой) отделяет эти места от Искера, той столицы Кучума, которую брал Ермак (в окрестностях нынешнего Тобольска). От остяцких городков на нижней Оби до барабинских степей и Башкирии — таков геополитический размах Кучумова царства[1]...

Из числа „царств-наследников" Золотой Орды, наиболее значительной исторической судьбою отмечено Крымское ханство. Действительным создателем этого ханства являлся Менгли-Гирей (стр. 121 и сл.). В конце XV-го и в начале XVI-го в. в. Литовско-Польское государство было оттеснено от Черного моря.[2] Польско-литовский рубеж отодвинулся к южной границе позднейших Подольской и Киевской губ., т. е. к пределам лесостепи (луговой степи). Вся позднейшая Херсонская губ. была занята татарами. Нижний Днепр, так же, как и нижний Днестр, перешли под власть Крымской Орды. В 1560 году ногайцы (зависевшие от Крымского ханства) опустошили северную Бессарабию и утвердились в южной (в так наз. Буджаке, степях между нижним Днестром и Дунаем). Таким образом, и эта область из под власти Молдавии (стр. 69) снова перешла под владычество степняков. На востоке подвластные Крыму кочевья захватывали нижнее и среднее течение Донца. Почти всё (за исключением земель Запорожской Сечи) пространство *ковыльных* и *полынных* степей, лежащих между Доном и низовьями Дуная, оказалось в сфере влияния Крымского ханства.[3] Единственное обстоятельство, которым умалялось значение этих успехов: возникновение и укрепление Сечи Запорожской (середина XVI в.) нужно приписать самоначальной деятельности народных украинско-русских элементов, а не политике литовско-польской власти... Еще более крупным являлся тот факт, что своими набегами крымские ханы в течение XVI—XVIII в. в. держали в страхе окраины, а в XVI-ом веке — также и центральные области Польско-Литовского и Московского государства.[4] Еще в XVII в. крымцы хозяйни-

---

[1]) В XV—XVI в.в. башкирские земли нижеследующим образом распределялись между *„царствами — наследниками"* Золотой Орды: башкиры, жившие по рр. Белой и Ику, платили ясак царям казанским, башкиры, кочевавшие по р. Узеню (в позднейшей Самарской губ.) — царям астраханским, башкиры горного и лесного Урала — сибирскому царю.

[2]) В начальный период существования Крымского ханства (до воцарения Менгли-Гирея) Польско-Литовское государство пользовалось в Крыму влиянием, аналогичным позднейшему влиянию Москвы в Казанском царстве. Однако, в дальнейшем параллелизм перерождается в противоположность. Казань была завоевана Москвою, а Крымское ханство отбросило Польско-Литовское государство от Черного моря (стр. 67, прим.).

[3]) Влияние это проникало и в области, к востоку от Азовского моря: в степи между нижним Доном и Кубанью, в предгорные и горные страны северо-западного Кавказа.

[4]) Крымские татары в 1503—06 г. г. были, напр., под таким внутренне-литовским (белорусским) центром, как Новогрудок, а в 1571 г., как известно, были под Москвой; в 1577 г. разорили Волынь и Подолию (в пределах тогдашней Польши) и т. д. и т. п.

чали на Украине. В начале XVIII в. Слободскую Украину почти каждый год постигал татарский набег. В 1769 г. крымские татары, во главе с ханом Крым Гиреем, совершенно неожиданно появились пред стенами крепости св. Елисаветы (позднейший Елизаветград).[1] Встреченные с крепости пушечными выстрелами татары не решились на штурм, но опустошили окрестности. Татарами было уведено из Елисаветинской провинции более тысячи человек пленных, много скота, сожжено более тысячи домов и т. д. Это было последнее татарское нашествие в русской истории. — Нужно предостеречь от суждения по этому выступлению татар о более ранних русско-монгольских и русско-татарских отношениях. Власть золотоордынских царей была регулярною властью, руководствовавшейся весьма широкими религиозными и политическими принципами. Ее нельзя отождествлять и определять хищничеством позднейших татарских набегов... И однако, золотоордынская традиция сказывалась также и в Крымском ханстве (что и дает основание рассматривать усиление Крымского ханства в конце XV — начале XVI века, как второе „возрождение" золотоордынской государственной традиции). И не только в том отношении, что „крымский юрт" был основан выходцами из Золотой Орды, сохранившими об этом воспоминание, но и в смысле поддержания действительной традиции кочевого государства (в том числе — родового устройства).[2] В геополитическом смысле Крымское ханство, в значительной мере, восстановило юго-западную границу владений Золотой Орды.

Поучительно соотношение Крымского ханства и Турецкой (Османской) Империи. Принужденное признать над собой власть Османской Империи (стр. 121) Крымское ханство получило опору в существовании этой Империи. С турками крымских татар соединял религиозный момент (мусульманство) и момент племенной (общие турецко-татарские корни); различал признак „месторазвития". Турецкая Империя явилась наследницей Византии и усвоила себе „вокруг — цареградское" (в широком смысле) месторазвитие, т. е. северо-восточную (отчасти же — восточную и южную) часть Средиземноморья. Крымское ханство являлось наследником Золотой Орды и занимало юго-западную окраину Евразии. Именно началом „месторазвития" определяется „свое лицо" Крымского ханства в составе Турецкой Империи. Османская Империя удерживала элементы византийской культуры: Крымское ханство хранило степную (кочевую) традицию. Выражая логику месторазвития, Турция, в геополитическом отношении, установила то же соотношение с Крымским ханством, которое в свое время устанавливали греки

[1] Заложена в 1754 г. — Этот набег стоял в связи с об'явлением Турцией войны России (стр. 209).

[2] Военная техника крымских набегов, в некоторых отношениях, была близка к технике более ранних монголо-татарских походов.

в отношении скифов и генуэзцы — в отношении Золотой Орды: заняла побережья. Занятые турками пункты побережья являли геополитический аналог греческим и генуэзским колониям и факториям...

История Золотой Орды не только входит весьма существенной главою в историю Евразии, но входит также в историю России. Под пеленою Золотой Орды возрастало русское государство. Этого нельзя сказать про Крымское ханство. Крымское ханство было одним из важнейших *соперников* Московского государства (и даже Российской Империи) в собирании рассыпавшихся улусов бывшей Золотой Орды. Этим положением и определяется, главным образом, отношение истории Крымского ханства к русской истории и *систематическое место* этого ханства в общей рамке евразийской истории.[1]

I. Влияние крымской орды было основным, которое конкурировало с московским в делах Казанского царства (стр. 122, 126 и сл.).

II. Крымский хан (при помощи турецкого султана) пытался отобрать у Москвы Астрахань (1564 г.).

III. Он же являлся соперником русской власти на северном Кавказе, в кабардинских, черкесских и пр. делах (при Иване Грозном и позже).

IV. Крымское влияние неизменно сказывалось в башкирских восстаниях против русской власти в XVII и XVIII веках. Башкиры „пересылались" с Крымской Ордою. В начале XVIII века к Елабуге, а затем и к Казани подступала группа восставших под предводительством Акая, из рода крымских Гиреев.[2]

V. Защита Руси от степи и Запада

Крымские набеги в пределы Московского государства начались не сразу после образования Крымского ханства. Г. В. Вернадский очерчивает момент, когда московские государи, перестав подчиняться Золотой Орде, сумели добиться влияния в Казани и союза с Крымом (Иван III), когда могло казаться, что Доуралье (нынешняя Доуральская Россия), об'единенное перед тем Золотою Ордой, органически и без потрясений перейдет в рамки нового об'единения, организуемого Москвою. Это время (конец XV-го — начало XVI-го века) было вообще знаменательным временем в истории Москвы и Руси; оди-

[1]) В некоторые моменты „крымский царь" претендовал на *всё* наследство Золотой Орды, в том числе *на прямое господство* над Московскою Русью. В этом отношении характерны, между прочим, показания Генриха Штадена (немца-опричника при Иване Грозном, записки которого недавно изданы).

[2]) Как можно вывести из предыдущего (стр. 246), в XV—XVI веках, также зауральские (сибирские) владетели, своим вмешательством в казанские и башкирские дела, претендовали на роль собирателей улусов б. Золотой Орды и в этом качестве конкурировали с Москвою (боролись с нею в Башкирии и Казани).

наково в смысле политических и в смысле *культурных* достижений. В это время возникла теория Руси — Нового Израиля, имевшая исключительно большое значение в московском культурно-государственном мировоззрении XVI—XVII веков (стр. 149). Тогда же, созданием кремлевских соборов (Успенского, Благовещенского, Архангельского), было „резюмировано" всё предшествовавшее развитие русского храмоздательства (и внесен ряд новых мотивов). Этим, в свою очередь, было подготовлено возникновение (около 1530 г.) на московской почве своеобразного типа кирпично-каменных шатровых церквей (оригинальнейшего проявления русского архитектурного гения). Как раз в эти годы в заволжских лесах подвизался один из замечательнейших русских подвижников — Нил Сорский.

К концу XV века с ясностью выступили основные черты геополитического положения Москвы, существенные для хода ее истории. Значительную часть нынешней Доуральской России занимает „треугольник" смешанных лесов (где произрастают т. наз. „широколиственные" породы: дуб, липа, клен и пр.), с вершиною на востоке (на Волге между Н. Новгородом и Казанью) и основанием на западе (приблизительно по линии: устье Невы — Киев). Из числа лесных местностей, именно область смешанных лесов наиболее пригодна для распашки. Москва расположена на „оси" этого треугольника. К западу от Москвы, область смешанных лесов расширяется. Область эта, по природе своей, наиболее близка (из числа русских земель) к европейским условиям. Она и есть путь от Москвы на запад и с запада к Москве. От Москвы же на северо-восток и от нее же — на юго-восток лежат области, по природе своей, существенно „вне-европейские". — В ботанико-географическом расположении Москвы явственно выступают черты ее положения в „междуречье" (стр. 241). Угол, образуемый Волгой и Окой, перед их слиянием у Нижнего Новгорода, отвечает приблизительно восточной вершине треугольника смешанных лесов; взятый в культуру, треугольник этот есть „лесо-полевая" область. За Волгой залегает тайга, область хвойных лесов, с представленностью сибирских пород; за Окой — залегает лесостепь; в ней дубравы чередуются с „перелесками"; дальше к югу — „дикое поле". На северо-востоке — заволжские старцы. Там же издавна — промыслы и пути (к Студеному морю и за Камень). На юго-востоке — татары. Скоро, однако, „дикое поле" станет превращаться в возделанные поля... Так, между путями с запада, тайгой и татарами возрастала Москва — в характерном ботанико-географическом узле Доуральской России.[1] Опасность Москве грозила то с запада, то с юго-востока. Упором, на котором держалась Москва в моменты опасности, являлся северо-восток.

[1]) О положении Москвы относительно водных путей см. стр. 85.

Когда опасность принуждала великого князя покинуть Москву, он уходил собирать войска именно в этом направлении...

Опасность с юга (от крымских татар) стала явственна с начала XVI века. Разрыв Москвы с Крымом произошел в 1510-х годах (стр. 126), а еще в 1509 году вел. кн. Василий Иванович поставил деревянный город в Туле (на подступах к Москве с юга). В 1525 г. Коломна была взята и разграблена крымским ханом Махмет-Гиреем, и вслед за тем в Коломне был сооружен „очень крепкий каменный город". В 1530 г. был поставлен каменный город в Туле, в 1531 г. — в Зарайске, в 1556 г.—в Серпухове. Это строительство кремлей явным образом сопряжено с повторностью татарских набегов. Таким образом, создалась „связная линия" кремлей по Оке, остатки которой являются доныне одним из примечательных памятников древне-русского фортификационного искусства (еще в 1508 году был укреплен каменной стеною Нижний Новгород). — „Связные линии" укреплений, которые воздвигаются с целью не пропустить противника за определенную черту, нужно отличать от „опорных пунктов", т. е. изолированных укрепленных мест, призванных служить убежищем в моменты опасности. Приокская линия кремлей, вместе с линией древних каменных крепостей по северо-западной и западной границе (Старая Ладога, также Новгород, Копорье, Ивангород на Нарове, Псков, также Порхов, Остров, Смоленск, Можайск, также Дмитров),[1] исчерпывают группу древне-русских крепостей, собранных в более или менее „связные" линии.[2] Помимо них, — как вехами, обставлены кремлями две основных артерии, по которым шло распространение русской власти соответственно на юго-восток и восток. Мы подразумеваем артерию Волги, с Казанским и Астраханским кремлем, и артерию Туры и Тобола, с кремлями Верхотурья и Тобольска.[3] Так изобразимо в виде системы расположение каменных кремлей, этих важнейших укрепленных пунктов Московского государства.[4] Деревянные „города" и остроги были разбросаны по всей территории государства. Ни один из них не сохранился до настоящего времени (остатки Якутского острога в Зауралье разобраны в революционные годы). В моменты напряженной опасности, когда неприятель проникал вглубь страны или возникала гражданская война, — в качестве укрепленных пунктов („городов") выступали монастыри.[5]

---

[1]) Непосредственно к западу от Москвы наибольшее значение имели укрепления Смоленска.

[2]) Московский кремль, вместе с прилегающими к нему укреплениями Москвы, находился как бы на стыке западной и южной линии укреплений. Он в равной степени обращен и против запада, и против юга.

[3]) Верхотурский кремль разобран в середине XIX века.

[4]) Отсутствием укреплений со стороны *севера* предлагал воспользоваться Генрих Штаден (стр. 249), в своем, представленном „римско"-германскому императору плане завоевания Московского государства со стороны Ледовитого Океана.

[5]) Укрепления некоторых монастырей создавались в том же порядке,

Кроме общеизвестной защиты Троицко-Сергиевской Лавры в Смутное время,—в качестве примеров, можно назвать защиту Тихвинского Большого монастыря от шведов в 1613 г., защиту Макарьевского Желтоводского монастыря (на Волге, к востоку от Нижнего) в 1670 г. от разиновского атамана Максима Осипова, защиту Далматова монастыря (в Зауралье, на р. Исети) в 1774 г. от пугачевцев и пр. — В допетровской царской России, из числа образований, существовавших в пределах государства, монастыри являлись, пожалуй, наиболее автономными (в отношении царской власти). Монастыри вели защиту в те моменты и в тех местах, где царской власти не существовало (случаи Троицко-Сергиевской Лавры в Смутное время, Макарьевского монастыря в 1670 г.); монастырь мог отстаивать себя силой оружия, в случае, если монастырские старцы не были согласны с решением высшей церковной и государственной власти (защита Соловецкого монастыря в 1668—1676 г. г.) . . . На пространстве волжско-окского междуречья, а также к северу от него [а отчасти и к югу, в т. ч. в левобережной Украине] можно назвать десятки монастырей, стены которых, относящиеся, по преимуществу, к XVII-му веку, являются весьма внушительными сооружениями . . .[1] В меньшем числе также XVI-ый век, с одной стороны, и XVIII-ый, с другой, оставили образцы подобных сооружений . . .

VI. Проникновение России в степь и пустыню

Разителен контраст между постоянной укрепленностью западной русской границы и перемежающимся существованием (и несуществованием) других укрепленных линий. Западная русская граница то продвигалась к западу, то отходила к востоку, но в любом своем положении оставалась укрепленною. В этом отношении особенно поучительна история укреплений Псковской земли, которой в течение четырех столетий (от XIII-го по XVII-ое) приходилось выносить на своих плечах дело защиты от натиска с запада. Непрерывный исторический ряд ведет в городе Пскове от Довмон-

---

в каком создавались пограничные кремли. Здесь, в особенности, нужно упомянуть стены Соловецкого монастыря (воздвигнуты в 1584 г. по плану инока Трифона) на северо-западной окраине и стены Печорского монастыря (к западу от Пскова) на западной границе. Оба укрепленных пункта неоднократно видали противника пред своими стенами. Целыми системами монастырей—опорных пунктов были окаймлены укрепления таких городов, как Москва, Можайск, Коломна . . .

[1]) Не случайно, нужно думать, то обстоятельство, что XVII-ое столетие, век „великих государей" — патриархов Филарета и Никона был веком сооружения фундаментальных монастырско-крепостных оград: массивных стен Кирилло-Белоозерского монастыря (1633—1666), ограды Прилуцкого монастыря (около Вологды), стен Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале и других величественных памятников монастырского стенострoительства.

товой стены XIII в. (ядро псковских укреплений) к стенам „Большого города", построенным в XV в., к земляным укреплениям, которые воздвигал у Пскова царь Петр в начале XVIII-го века.[1] В этом же ряду помещаются другие (отчасти упомянутые выше) кремли и древние крепости западного и северо-западного рубежа; находятся в этом ряду и прочие укрепления, которые сооружал Петр,[2] и Дрисский укрепленный лагерь, в котором одно время полагали защищаться от Наполеона, и те крепости, которые строились на западной границе при Николае I (Бобруйск, Киев, крепости Царства Польского и пр.), и те, которые воздвигались в конце XIX-го — начале XX века...[3] Восточным аналогом постоянной укрепленности западно-русского рубежа является Великая китайская стена, на границе внутреннего Китая с Монголией (стена эта построена задолго до появления Руси на исторической сцене). На пространстве же между Великой китайской стеной и западной русской границей укрепленные линии то существовали, то не существовали вовсе. В Доуралье их не было до времен Владимира Св.; каждое из государств — соперников этого времени (Русь и хазары) могло надеяться на полное одоление, и едва ли нуждалось в оборонительных линиях.[4] После появления печенегов „Владимир должен был строить целую систему укреплений, насыпать валы, рубить города" (стр. 49). С этого времени начинается эпоха „противостепных" (для защиты от печенегов, а затем от половцев) укрепленных линий. История их в особенности тесно связана с историей Переяславского княжества[5] (в 1089 г. Переяславль был обнесен каменной стеною). По типу эти укрепленные линии должны были напоминать позднейшую (московскую) „засечную черту" XVI-го—XVII-го века. Проходя, подобно последней, по лесостепи (в пределах которой находилось Переяславское княжество), укрепленные линии X—XIII веков опирались, в опре-

---

[1]) В Северной войне, как известно, нападающей стороною являлся Петр.

[2]) Так, в 1700 г. в устье Сев. Двины была воздвигнута Новодвинская крепость (в 1701 г. эта крепость подверглась нападению шведов); после Нарвской битвы укреплялась Москва; в 1703 г. была, как известно, заложена позднейшая Петропавловская крепость в С.-Петербурге.

[3]) Период между Ништадским миром и третьим разделом Польши был временем относительно малой укрепленности западной границы. Военная слабость тогдашней Польши — позволяла уделять меньшее внимание укреплению польской границы. Серьезней, в качестве военного противника, была в то время Швеция. Это отражалось, между прочим, на состоянии „финляндских крепостей" (Суворов, как известно из его биографии, был послан для производства инспекции этих крепостей). Положение изменилось, когда нашими соседями стали Австрия и Пруссия. Положение это привело к возникновению сплошной „огненной стены" от Балтийского моря до Черного, той стены, которую знаем из истории войны 1914—1917 г. г.

[4]) Отметим, однако, оборонительные мероприятия хазар, направленные против печенегов (стр. 39). Этими усильями хазар предварялись аналогичные мероприятия русских князей (см. ниже).

[5]) На юго-восток от Киева.

деленной части своего протяжения, на лесные массивы. Так, лесной массив по р. Трубежу прикрывал Переяславль с севера. Укрепленные линии Переяславского княжества относились к типу „укрепленных линий в пределах лесостепи" (см. ниже). Первая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий закончилась в XIII веке. В 1239 г. был разрушен Батыем (и на несколько веков сошел с исторической сцены) Переяславль. В 1260 г., по приказу Беркая, баскак Бурундай принудил Даниила Галицкого срыть укрепления галицких городов.[1] Монгольская власть стерла укрепленные линии на пространстве от западной русской границы до Великой китайской стены, и самую китайскую стену сделала ненужной, т. к. подчинила своей власти также и внутренний Китай.[2] Это положение оставалось в силе более века. Великая китайская стена снова получила реальное значение, после изгнания монголов из Китая в 1368 году. В Доуралье иных укрепленных линий, кроме линии западной границы (главным образом, в новгородских и псковских пределах), не существовало и в XV веке. Мы указывали в предыдущем на геополитическое своеобразие того момента русской истории (княжение Ивана III), когда Московская Русь уже освободилась от татарского (золотоордынского) ига, но еще не должна была защищаться от татарских (крымских) набегов. Это была как бы „передышка" между двумя нелегкими эпохами русской истории (татарского ига и крымских набегов).[3] Мы говорили также о приступе к постройке укреплений в княжение Василия Ивановича. В это время начиналась вторая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий (в качестве первой принимаем время X—XIII веков). Эта эпоха распадается на несколько периодов.

I. Период укрепленных линий в пределах лесостепи (XVI—XVII век). Сюда относится „засечная черта" XVI века (стр. 144—145), Белгородская, Тамбовская и Симбирская черта XVII века. „Закамская" черта того же времени, [шедшая от с. Белый Яр (на Волге, против Сингилея) к г. Мензелинску (на р. Ике)]; Сызранская черта 1684 г. — от р. Суры к селу Усолье (на Волге, в Жигулевских горах); черта, проведенная в самом конце XVII в. от основанного тогда же г. Петровска (позднейшей Саратов. губ.) к г. Воронежу (входившему в состав Белгородской черты) и т. д. Все эти „черты" проходили по лесным местностям, перемежавшимся с „переполяньями".[4] Поляны укреплялись

---

[1]) Видимо, направленные против степи (стр. 82).

[2]) Приблизительно одновременно со срытием галицких крепостей, князь Довмонт укрепил каменною стеною Псков, для защиты от немцев (1266 г.). Этим сопоставлением характеризуется отличительное для эпохи *уничтожение внутри-евразийских линий*, при *дальнейшей укрепленности западно-русского рубежа* (см. ниже).

[3]) „Эпоха крымских набегов": 1512—1769.

[4]) Современные построению описания укрепленных черт являются цен-

особенно тщательно, здесь ставились сторожи, сооружались „тарасные валы", помещались „надолбы". Сызранская и Петровская черты (конец XVII века) проходили по южной окраине лесостепи.

И в этот период (XVI—XVII вв.) московская власть располагала отдельными „опорными пунктами", находившимися в более *южных* пределах, чем пределы лесостепи. Эти опорные пункты располагались на значительных водных артериях. Как известно, с середины XVI века Москве принадлежала Астрахань, находящаяся в пределах пустыни (т. е. южнее не только луговой, но также ковыльной и полынной степи). Для Поволжья и Подонья можно назвать несколько подобных примеров.[1] Размещение укрепленных пунктов на водных артериях „предваряет" общую эволюцию. Сюда относится построение Царевборисова (конец XVI века), в пределах ковыльной степи, недалеко от места впадения р. Оскола в Донец. Царевборисов опирался на артерию Оскола (по которому с севера сплавлялись снаряжение и припасы)... В смутное время Царевборисов пришел в запустение.

II. Период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи. Засеки теряют значение (лесов нет). Основным является устройство укреплений, форпостов, пикетов и „маяков" на недалеком друг от друга расстоянии... Энергичное строительство укрепленных линий в пределах ковыльных и полынных степей Доуралья начинается в 1730-х годах (при Анне Ивановне). Это строительство предваряется устройством в 1720 г. *Иртышской* линии в Зауралье (вдоль течения Иртыша, между Усть-Каменогорском и Омском). Иртышская линия выходит из пределов лесостепи и проникает в более южные степи.[2] Устройство Иртышской линии представляет собою характерный случай „предварения эволюции" укрепленными линиями вдоль водных путей. Сооруженные на несколько десятилетий позднее, вдали от крупных водных артерий, западно-сибирские укрепленные ли-

---

нейшим ботанико-географическим материалом (эти описания дают точное представление о распространении лесов и открытых пространств в рассматриваемую эпоху).

[1]) Так, напр., еще в 1589 г. был построен Царицын (на Волге), в пределах ковыльно-полынной степи. В 1620-х — 1630-х годах строятся Черный Яр (на Волге) и Красный Яр (на Ахтубе) — в пределах пустыни. В тех местах нижнего Поволжья, где возможно степное земледелие, жители городов еще при Петре I „ничего сеять в полях и степях не смели", за опасением внезапных набегов кочевников.

[2]) Иртышская линия была усилена в 1745-ом и затем снова в 1764 году. — Ранее устройства Иртышской линии, — в Донском бассейне значение важного укрепленного центра на южной окраине сплошного русского заселения перешло от Воронежа (который играл эту роль в конце XVII-го века), — расположенного в *лесостепи*, к „крепости на Осереде" 1708 года (у места впадения р. Осереда в Дон), в пределах *степи ковыльной*. В данном случае, переход от XVII-го к XVIII-му веку весьма близко отвечает рубежу между периодами строительства укреплений: 1) в лесостепи и 2) в степи ковыльной.

нии 1737 и 1752 гг. проходили всё еще в пределах лесостепи. Обе, пересекая водоразделы, тянулись от Иртыша к Тоболу. Линия 1737 г. окаймляла северные пределы ишимских степей; линия 1752 г. (т. н. „горькая") пролегала по прямой, (совпадавшей приблизительно с 55° сев. широты) от Омска на Иртыше к станице Звериноголовской на Тоболе. — В Доуралье при Анне Ивановне и позднее были сооружены нижеследующие укрепленные линии, углублявшиеся в ковыльную (а отчасти и в полынную) степь: 1) Украинская линия (стр. 208), 2) линия от Царицына (на Волге) к Дону (1731 г.; устроена одновременно с основанием особого Волжского казачьего войска; это последнее расформировано после Пугачевского бунта), 3) грандиозная система укрепленных линий, центрировавшихся на Оренбург, сооруженная в 1734—44 гг. начальниками Уральского края Кирилловым, Татищевым и Неплюевым (стр. 221). Еще в 1732 г. была проложена „Новая Закамская линия" (взамен старой Закамской, к юго-востоку от последней), шедшая от Самары на Алексеевск (на р. Самаре) к Красноярской крепости, Сергиевску (на р. Соке) и далее к Новошешминску (на старой Закамской черте, к западу от Мензелинска). Линия эта пролегала отчасти в пределах луговой степи (лесостепи), отчасти же по границе между луговой и ковыльной степью. В Самаре она связывалась с „Оренбургской" системой укрепленных линий, пересекавшей, по большей части, ковыльную и полынную степь. По нижнему Яику „нижнеяицкая дистанция" проникала в пределы *пустыни*. Здесь мы опять встречаемся с „предварением эволюции", которое связано с тем, что укрепленная линия проложена вдоль водной артерии. В местах удаленных от значительных водных путей даже 4) линия кордонов, сооруженная в 1787 г. ген.-поручиком Чертковым от г. Камышина (на Волге) к р. Уралу (Яику), с крепостью в урочище Узенях (позднейший Новоузенск), проходила *по рубежу* пустыни, не углубляясь в нее. Кордоны на этой линии содержались до 1830-х годов. 5) Еще в 1837 г., пред началом большого „казацкого" (киргизского) восстания 1840-х годов, в Зауралье сооружались пикеты между Кокчетавом и Акмолинском, в пределах всё той же ковыльно-полынной степи.[1]

III. наконец, в 1840-х г. г., вместе с подавлением киргизского („казацкого") восстания, руководимого султаном Кенесары (убит в 1847 г.), наступил третий период, *период укрепленных линий в пределах пустыни*. В течение 1841—47 г. г. в Казакстане русскою властью было построено немало укрепленных пунктов. Некоторые из этих пунктов, вместе с подходившими к ним линиями пикетов, находились уже в пределах пустыни (напр.,

[1]) Перед тем обширные территории в гористой части Киргизского края („Казакстана") были заняты учрежденным в 1808 г. сибирским казачьим „линейным" войском. В 1820-х годах были основаны позднейшие Акмолинск, Баян-Аул, Кокчетав, Каркаралинск (все в пределах ковыльно-полынной степи).

основанный в 1845 г. Иргиз, первоначально „Уральское укрепление"). В 1847 г. русские вышли в низовья Сыр-Дарьи (постройка Раимского укрепленья). После взятия ряда кокандских крепостей, в 1850-х годах была устроена „Сыр-Дарьинская линия". В то же время русские проникли в Семиречье и выдвинули свои укрепленья к подножиям Тянь-Шаня. Попытка „сомкнуть" Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую линии (стр. 223) привела к завоеванию Туркестана (1860-е—1880-е годы). И вместо „смычки" двух укрепленных линий, — получилось исчезновение всяких вообще укрепленных линий на всем пространстве от западной границы до китайской и от Ледовитого океана до предгорий Гиндукуша. То, что́ осуществили монголы в XIII в. (и чего, в частности, добился Беркай, заставив Даниила Галицкого срыть укрепления) — уничтожение укрепленных линий на всём пространстве евразийских пустынь и степей и в прилегающих к ним странах, это вновь, после многовекового перерыва, осуществила императорская русская власть к концу XIX-го века. Таким образом, в течение последнего тысячелетия, укрепленность западной русской границы является признаком постоянным. На пространстве же между западной границей и китайской стеной существование и несуществование укрепленных линий сменяют друг друга в перемежающейся ритмике: I. до времен Владимира Святого укрепленных линий не существует, II. время от конца X-го по XIII-ый век есть эпоха существования противостепных укрепленных линий, III. время от XIII-го по начало XVI-го века есть эпоха отсутствия таких линий (монгольское владычество), IV. с начала XVI-го века по конец XIX-го продолжается новая эпоха строительства укрепленных линий, V. она сменяется исчезновением этих линий в конце XIX-го века.[1] Наши наблюдения можно выразить в иных терминах. Постоянно укрепленные: западная граница и китайская стена — означают собою границы исторического мира (Евразии). Укрепленные линии, то появляющиеся, то исчезающие, должны быть определены, как внутри-евразийские линии.[2] Разъединение сменяется здесь об'единительным процессом (исчезновением укрепленных линий).[3] История этих линий — одно из

---

[1]) Укрепленные линии снова появились в годы гражданской войны (напр., Перекопские укрепления). Это явление оказалось преходящим.

[2]) Эпохам *несуществования* внутри-евразийских укрепленных линий отвечает, с большим или меньшим приближением, состояние *таможенного единства Евразии*. Эпохам *существования* этих линий соответствует *таможенная раздробленность*. Предваряя последующие работы, хотим отметить, что рассматриваемые в этих страницах факторы имеют значение и в *экономической* жизни.

[3]) Евразийскому миру свойствен особый тип оборонительных компаний („скифская война") [ср. „Евразийский Временник", кн.V, стр. 76]. В этом смысле история похода на Украину Карла XII, так же, как история 1812 года, пожалуй, и некоторые события 1918—20 гг. (немцы в Ростове и поляки в Киеве) предваряются историей похода Кира персидского на масагетов,

выражений периодической ритмики государствообразующего процесса Евразии (стр. 16).[1]

В частности, в течение русской истории мы замечаем две обособленных эпохи существования противостепных укрепленных линий: X—XIII в. в. и века XVI-ый—XIX-ый. Примечательно, насколько различны финалы этих эпох. Первая заканчивается уничтожением укрепленных линий, в силу покорения Руси степняками. Вторая завершается исчезновением этих линий, в силу подчинения степняков России. Видимо, Россия XVI—XIX-го веков существенно отлична от Руси X—XIII века. Одно из важнейших отличий заключается в том, что Россия XVI—XIX веков есть Русь, прошедшая татарскую школу...[2]

Конкретные наблюдения над историей русских укрепленных линий в XVI—XIX вв. вкратце могут быть сведены к нижеследующей схеме:

I. *XVI—XVII век:* период укрепленных линий в пределах *лесостепи*
II. *XVIII-ый—первая половина XIX-го в.:* " " " " *ковыльной и полынной степи пустыни*[3]
III. *середина XIX-го в.:* " " " " *пустыни*[3]

Приведенная схема обнимает историю укрепленных линий в пределах евразийских низменностей - равнин и невысоких горных стран, отделяющих эти равнины друг от друга (Урал и горная страна восточного „Казакстана"). Особую группу составляют русские укрепленные линии, охватывающие горные местности на периферии Евразии. Целью устройства таких линий являлось „замирение" гор. Строительство это получило особое развитие в XVIII-ом и первой половине XIX-го века, когда русское расширение подошло вплотную к крупным горным мас-

---

Дария Гистаспа на скифов, персидского царя (Сасанида) Фируза на гунов Эфталитов и Витовта на татар (1399 г.)...

[1]) Приведенному наблюдению *не* противоречит *подвижность* западной русской границы. Не бывает „абсолютных" и неподвижных границ.

[2]) На основании всего изложенного в предыдущих страницах, отношение Руси — России к истории монголо-татарских держав можно свести к нижеследующим моментам:

I. в течение двух веков значительная часть русского племени находится *под властью* Золотоордынской державы;

II. в следующие века русское государство представляет собою *одно из царств — наследников Золотой Орды* и принадлежит, по преимуществу, к той системе государств, которая образовалась в результате распадения Золотоордынской державы;

III. к XIX-му веку Россия воспроизводит и восстанавливает (в геополитическом смысле) Золотоордынскую державу XIII—XIV веков (а отчасти и Великую Монгольскую Державу этого времени). Так, принадлежность к золотоордынской геополитической системе и сопряженность с нею красной нитью проходит в русской истории последних столетий. В этом смысле, значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения империи Карла Великого в истории европейской.

[3]) При рассмотрении этой схемы нужно иметь в виду указанные выше случаи „запаздывания" и „предварения" эволюции.

сивам Кавказа и Алтая.[2] Аналогом кавказских „линий" XVIII—XIX веков является укрепленная линия в предгорьях Алтая, тянувшаяся от Усть Каменогорска на Иртыше (где она смыкалась с Иртышской линией) до г. Кузнецка на р. Томи. Эта линия была заложена в 1759 г. и перестроена в 1764 г. Линии этого рода исчезли в третьей четверти XIX-го века, вместе с „замирением" Кавказа (Алтай был „замирен" значительно ранее)...

VII. Единство Евразии

Евразия, как географический мир, как бы „предсоздана" для образования единого государства. Но только в конкретном историческом процессе реализуется это единство.

К концу XIX века завершился (в основных чертах) процесс создания России — Евразии, как геополитического единства. Чисто географической стороне процесса имеются прообразы в прошлом (см. выше). Была бы несостоятельной попытка свести *культурное* содержание процесса к каким бы то ни было известным в истории образцам. В культурном смысле, геополитическое единство Евразии обосновывается и единственно

---

[2]) История кавказских укрепленных линий, обнимающая период более столетия, отличается немалым своеобразием и сложностью. Горный Кавказ можно сравнивать с крепостью; кавказские укрепленные линии—с рядами окопов, всё теснее схватывавших осажденную крепость. Если на евразийских низменностях-равнинах русские укрепленные линии продвигались от пределов лесной зоны в глубину степи и пустыни, то на Кавказе (в частности, на северном Кавказе) направление было обратным: из пустыни и степи — к пределам лесной (предгорной и горной) зоны. Опорные пункты терских и гребенских казаков, в первые два века их пребывания на северо-восточном Кавказе, располагались, по преимуществу, в пределах пустыни (на Каспии), а также полынной и ковыльной степи по нижнему Тереку и нижней Сундже [есть, впрочем, указания о *временном* нахождении некоторых казачьих селений (в XVII в.) в пределах чеченских лесистых предгорий]. В пустынно-степных местах находились первые крепости, построенные русским правительством (Св. Крест на Сулаке, 1722, Кизляр на Тереке, 1735). Построение Моздока в кабардинских пределах (1763) означало первый шаг вглубь страны. Линия укреплений между Моздоком и поселениями гребенских казаков (у места впадения Сунджи в Терек) была первою (на Кавказе) русскою укрепленною „линией", в точном смысле этого слова (1770). Вслед за тем (1777) была устроена Азовско-моздокская „военная линия" — соединявшая рядом укреплений средний Терек (через Ставрополь) с нижним Доном [тем самым, ногайцы, подданные крымского хана, незадолго перед тем пришедшие в приазовские степи из Бессарабии, были изолированы от своих восточных соседей; после присоединения Крыма, ногайцы были частью истреблены, частью переселены в более западные степи]. Моздокская линия (по среднему Тереку) проходила в пределах полынной и ковыльной степи; Азовско-моздокская (за исключением небольшого отрезка „островной" Ставропольской лесостепи) пролегала по степи ковыльной. Обе линии помещаются в рамках предложенной выше схемы: XVIII век — период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи. Но это только исходный пункт. Линия укреплений, сооруженная Суворовым по нижнему течению р. Кубани (от места впадения р. Лабы до устья), проходила *по границе между ковыльной степью (с севера) и луговой степью или лесостепью (с юга)*. В конце

может быть обосновано в принципах и формах, применительных к условиям *этого* времени. В последние годы Россия — Евразия вступила в полосу „мутации" (существенного изменения ряда признаков и свойств). Все исторические ценности и все принятые взгляды подвергаются пересмотру и переоценке. Одни отпадают, другие получают новообоснование. Нарождается новое. „Мутация" еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя (в преобразованном и обновленном виде) многое „старое". „Мутация" не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиции. Она только видоизменяет ее. И потому, как было в прошлом, так остается и в настоящем: ключ к пониманию современности, в значительной степени, лежит — *в познании историческом*. Этим определяется жизненный интерес изучения как внешней рамки, так и внутренних движущих сил исторического процесса России — Евразии.

П. Савицкий

6 IX 1927

XVIII-го — начале XIX-го в., все части северо-кавказской укрепленной линии, на всём протяжении от Черного моря до Каспийского, постепенно были перенесены в область *этого* ботанико-географического рубежа. Линия, устроенная Гудовичем в 1790-х годах, от позднейшей станицы Усть-Лабинской до Баталпашинска пролегала вдоль течения Кубани. Между тем, при продвижении с севера на юг, именно здесь — *южнее Кубани* — начинают попадаться „степные леса"... Приблизительно совпадала с границей между ковыльной степью и лесостепью, а отчасти и углублялась в лесостепь укрепленная линия на рубежах Кабарды и Чечни, сооруженная Ермоловым (1818—1822) вдоль Терека (ниже Владикавказа), Сунджи (г. Грозный) и далее на восток к крепости „Внезапной" (на р. Акташ). Это была вторая линия на подступах к Чечне (первой была Моздокская линия, по среднему Тереку). Быть может, никогда в русской истории организация „укрепленной черты" не получала столь определенной и законченной формы, как именно в названных кавказских линиях. Третьей „параллелью" на подступах к Чечне являлась линия фортов: Воздвиженское — Ачхой (1844—1846), *отвечавшая границе между лесостепной и лесной* (горной и предгорной) *зоною Чечни*. В этих местах была выстроена и еще одна „линия", пролегавшая, однако, не *вдоль* ботанико-географических рубежей, как названные черты, но *поперек* ботанических границ. Эта линия укреплений углублялась в пределы чеченской лесной области, пересекала ее (в ее географическом простирании) под прямым углом и достигала пределов высокогорной области. Мы говорим о линии укреплений, построенных ген. Евдокимовым в 1858 г., вдоль течения р. Аргуни. Сооружением этой линии было завершено покорение Чечни. Нужно отметить приемы „лесной войны", которыми пользовались чеченцы. Грандиозные буки служили импровизованными башнями — фортами (в чеченских лесах буки достигают высоты в 40 саж. и 5 саж. в обхвате). Широко применялись засеки (ср. рассказы о неудаче экспедиций Граббе, Воронцова и др. в 1840-х годах). — С юга восточно-кавказская горная страна (владения Шамиля) окаймлялась (с 1844 г.) „Лезгинской линией". Эта линия простиралась на 200 верст к северо-западу от г. Нухи (в Закавказье), вдоль южного подножья главного хребта. Ботанико-географически, это — область кахетинских лесов. Перед линией (за хребтом) — безлесные „горно-степные" пространства внутреннего Дагестана. В тылу — возвышенные степи южной Кахетии...

СОДЕРЖАНИЕ

Стран.

Предисловие 3

Введение . . . . . 5—23

§ 1. Русский народ и его место в истории (5). § 2. Евразия, как географическая основа развития русского народа (7). § 3. Евразия, как месторазвитие (9). § 4. История России и история Евразии (12). § 5. Создание Евразийского государства (13). § 6. Монголы и Византия в русской истории (17). § 7. Внутренний строй Евразийского государства (17). § 8. Евразийское самосознание (19). § 9. Духовная основа истории русского народа (20). § 10. Деление русской истории на периоды (20).

Первый период. Попытки об'единения леса и степи (до 972 г.)

Глава I. Западная Евразия до распадения гуннского царства (до конца V в.) . . . . 24—29

§ 11. Роль кочевых народов в истории (24). § 12. Скифы и сарматы (25). § 13. Готы и гунны (27). § 14. Финны (28). § 15. Славяне (28).

Глава II. Восточные славяне в эпоху аварской и хазарской империй (VI—IX в.в.) . . 29—34

§ 16. Восточные (или русские) славяне (29). § 17. Авары (30). § 18. Хазары (31). § 19. Расселение восточных славян (33).

Глава III. Варяго-русское государство IX—X в.в. . . . . 34—42

§ 20. Варяги (34). § 21. Олег (36). § 22. Камские болгары (38). § 23. Игорь и Ольга (39). § 24. Святослав (40).

Второй период. Борьба леса и степи (972—1238)

Предварительные замечания . . . . . 43—47

§ 25. Пространство, занимаемое русским народом с конца X века по время монгольского нашествия (43). § 26. Церковная и государственная организации русских земель (44). § 27. Сожители и соседи русского народа (45).

Глава IV. Владимир и Ярослав . . . . . 48—54

§ 28. Владимир Святой (48). § 29. Крещение Руси (50). § 30. Ярослав Мудрый (52). § 31. Внутренняя деятельность Ярослава (53).

Глава V. От смерти Ярослава до нашествия монголов (1054—1238) . . . . . 54—66

§ 32. Сыновья и внуки Ярослава (54). § 33. Днепровская Русь в XII—XIII в.в. (57). § 34. Господин Великий Новгород (58). § 35. Владимиро-Суздальское княжество (60). § 36. Галицко-Волынская Земля (62). § 37. Междукняжеские отношения и внешние опасности первой трети XIII в. (63).

Стран.

Третий период. Победа степи над лесом (1238—1452)

Предварительные замечания . . . . . 67—70

§ 38. Русский народ и пространство, им занимаемое в XIII—XV в. в. (67). § 39. Церковная и государственная организация (68). § 40. Сожители и соседи русского народа (69).

Глава VI. Монгольское завоевание . . . . . 71—76

§ 41. Образование монгольской империи (71). § 42. Битва при Калке (73). § 43. Батыев поход 1237—38 г. г. (73). § 44. Батыев поход 1240—1242 гг. (75). § 45. Итоги монгольских завоеваний к середине XIII в. (76).

Глава VII. Монгольское иго (1238—1359) . . . 77—92

§ 46. Русь от смерти Вел. Хана Угедея до смерти Вел. Хана Мёнке (77). § 47. Русь при золотоордынском царе Беркае (81). § 48. Русь во времена темника Ногая (83). § 49. Время единовластия Тохты в Золотой Орде (85). § 50. Время царствования Узбека в Золотой Орде (86). § 51. Литва при Гедимине (89). § 52. Русь от смерти Узбека до „великой замятни" в Орде (90).

Глава VIII. Падение монгольской власти (1359—1452) . . . . . 92—111

§ 53. Дмитрий Донской и Куликово Поле (92). § 54. Тохтамыш и Тимур (96). § 55. Династическая уния Польши и Литвы (100). § 56. Витовт и битва на Ворскле (101). § 57. Витовт после битвы на Ворскле (102). § 58. Москва и Литва в 1430-х и 1440-х г. г. (105). § 59. Конец татарского ига (108).

Четвертый период. Победа леса над степью (1452—1696)

Предварительные замечания . . . . . 112—117

§ 60. Пространство, занимаемое русским народом (112). § 61. Церковная и государственная организация (113). § 62. Сожители и соседи русского народа (115). § 63. Международное положение Москвы (116).

Глава IX. Москва и Литва во вторую половину XV-го и первую треть XVI-го века (1452—1533) . . . . . 117—129

§ 64. Великий князь Иван III (117). § 65. София Палеолог (119). § 66. Отношение московского государства с мусульманским миром от Ахматова нашествия 1472 г. до конца княжения Ивана III (121). § 67. Северно-русская политика Ивана III во вторую половину его княжения (123). § 68. Борьба Москвы с Литвою во вторую половину княжения Ивана III (124). § 69. Время вел. ки. Василия Ивановича (125). § 70. Сношения Ивана III и Василия Ивановича с православным миром (128).

Глава X. Москва и Литва в XVI в. (1533—1605) 129—153

§ 71. Детство и отрочество Ивана Грозного (129). § 72. Венчание на царство Ивана Грозного (130). § 73. Взятие Казани и Астрахани (132). § 74. Казаки (136). § 75. Опричнина (137). § 76. Люблинская уния (139). § 77. Ливонская

Стран.

война и конец царствования Ивана Грозного (142). § 78. Засечная черта (144). § 79. Прикрепление крестьян (145). § 80. Царь Федор Иванович (146). § 81. Учреждение патриаршества в России (148). § 82. Берестейская уния (150). § 83. Борис Годунов (152).

Глава XI. Смута и восстановление государственного порядка на Москве (1605—1645) 153—167

§ 84. Смута: первый самозванец (153). § 85. Смута: Василий Шуйский и второй Лжедмитрий (154). § 86. Смута: поляки в Москве (157). § 87. Нижегородское ополчение (158). § 88. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова (159). § 89. Патриарх Филарет и организация порядка после смуты (160). § 90. Внешняя политика Москвы в первой половине XVII в. (162). § 91. Юго-Западная Русь в первой половине XVII в. (165).

Глава XII. Царство всея Великия и Малыя и Белыя России (1645—1696 г.) . . . . . 167—183

§ 92. Богдан Хмельницкий и присоединение Малой России (167). § 93. Царь Алексей Михайлович (169). § 94. Внешняя политика ц. Алексея Михайловича до 1667 г. (170). § 95. Патриарх Никон (173). § 96. Падение патриарха Никона и раскол старообрядчества (176). § 97. Бунт Стеньки Разина (178). § 98. Внешняя политика России в последнюю треть XVIII в. (1667—1696) (179). § 99. Греческое и западное культурное влияние во второй половине XVII в. (182).

Пятый период. Об'единение леса и степи (1696—1917)

Глава XIII. Петр Великий . . . . . 184—194

§ 100. Внешняя политика Петра от взятия Азова до Гангудской победы (184). § 101. Петр Великий и его программа (188). § 102. Армия в политике Петра (191). § 103. Внешняя политика Петра после Гангуда (192).

Глава XIV. Российская Империя XVIII—XX в. в. Черты внутреннего строя и политического быта . . . . . 195—203

§ 104. Отношение императорской власти к религии и церкви (195). § 105. Императорская власть. — Дворянство и крестьянский вопрос (198).

Глава XV. Российская Империя XVIII—XX в. в. Черты внешней политики и территориального расширения . . . . . 203—231

§ 106. Общий характер русской внешней политики XVIII—XX в. в. (203). § 107. Западная Русь. — Польский вопрос (205). § 108. Черноморье. — Турецкие войны XVIII в. (208). § 109. Черноморье. — Адриатическая политика Павла I и Александра I (211). § 110. Россия, Турция и Балканы в XIX в. (213). § 111. Персия и Кавказ (218). § 112. Средний Восток. Киргизский край в XVIII в. (219). § 113. Средний Восток. — Киргизский край и Туркестан XIX в. (222). § 114. Сибирь, Дальний Восток

Стран.

и Русская Америка (225). § 115. Единство русского народа. — Заключительные замечания (229). § 116. Русский народ и Россия-Евразия (230).

Библиографические указания . . . . . 232—233

Приложение: Геополитические заметки по русской истории *П. Н. Савицкого* . . . . . 234—260

I. Джучиев улус и Россия (234). II. Русь и Литва (240). III. Русь и держава Тимура (243). IV. Царства — наследники Золотой Орды (244). V. Защита Руси от степи и Запада (249). VI. Проникновение России в степь и пустыню (252). VII. Единство Евразии (259).

О пользовании приложенными картами

При чтении первых двух глав этой книги (стр. 24—34) удобней всего иметь пред глазами карту „Икумены в VII—IX вв." При чтении последующих глав (до двенадцатой включительно) помощь может оказать карта „Монгольских Империй XIII—XV вв." Карта „распространения Русского государства в XVIII—XIX вв." посвящена геополитической стороне истории этих столетий (глава XV-ая). В некоторых случаях эта карта может оказаться полезной также при чтении предшествующих глав. Этой же картой, а также картой „Монгольских Империй" можно пользоваться при ознакомлении с „Геополитическими заметками по русской истории" П. Н. Савицкого. Только *детальное* ознакомление с содержанием стр. 251—257 требует более подробной карты (характера карт „Большого Атласа").

КАТАЛОГ КНИГ
Евразийского Книгоиздательства

ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО, основанное в 1923 г. — обслуживает евразийское движение.

Движение это целиком определено задачами и проблемами новой России, а также осознанием современного кризиса европейской культуры. Ставя перед собой историософскую проблему России и Европы, евразийство видит в России особый культурный — евразийский мир, мир раскрывающейся православной культуры, (равно отличной от европейской и азиатских), центральное и руководящее значение которой евразийство видит в будущей уже начавшейся исторической эпохе.

Исходя из факта — из той России, которая выходит из революции, евразийство выделяет и раскрывает те стороны русской современности, которые обращены в будущее и развитию их хочет всемерно содействовать. Во имя новой России-Евразии, новой русской культуры и мощи и новой руководящей идеологии, евразийство ведет решительную борьбу и с коммунизмом и с дореволюционными идеалами реставраторов, сочетая в себе традиции подлинно исторического русского охранения с подвижностью и практичностью современного политического действия. Органические основы культуры и государственности, разложение Европы, евразийско-русский культурный мир, Церковь и государство, смысл русской революции, преодоление революции, будущее устройство России — вот основной круг интересов и проблем евразийства.

Долл.

ИСХОД К ВОСТОКУ. Предчувствия и Свершения. Утверждение Евразийцев (распродано)

НА ПУТЯХ. Утверждение Евразийцев. Книга Вторая. Содержание: П. Савицкий — „Два Мира"; А. Карташев — „Реформа, реформация и исполнение Церкви"; П. Сувчинский — „Вечный Устой", „Знамение былого" (О Лескове); „Типы творчества" (памяти Блока); кн. Н. С. Трубецкой — „Религии Индии и Христианство"; Г. В. Флоровский — „О патриотизме праведном и греховном"; кн. Н. С. Трубецкой — „Русская Проблема"; П. М. Бицилли — „Восток и Запад в истории старого света"; П. Савицкий — „Степь и Оседлость". Изд. 1922 года. 356 стр. 1.25

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Книга Третья. Содержание: П. Савицкий — „Подданство идеи"; кн. Н. С. Трубецкой — „У дверей (Реакция? Революция?)"; П. Сувчинский — „К преодолению революции"; Н. Арсеньев — „Живые камни"; М. Шахматов — „Подвиг власти"; П. Сувчинский — „Инобытие русской религиозности"; кн. Н. Трубецкой — „Вавилонская башня и смешение языков"; П. Савицкий — „Производительные силы России"; Я. Садовский — „Оппонентам евразийства". Изд. 1923 г. 174 стр. 0.70

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Книга Четвертая. Содержание: П. Савицкий — „Евразийство"; П. Сувчинский — „Идеи и методы"; кн. Н. Трубецкой — „Мы и другие"; Л. Карсавин — „Уроки отреченной веры"; В. Ильин — „Столб злобы богопротивной"; В. Сеземан — „Сократ и проблема самопознания"; М. Шахматов — „Государство правды"; В. Ильин — „К взаимоотношению права и нравственности"; Г. Вернадский — „Два подвига Св. Александра Невского"; Кн. Д. Святополк-Мирский — „О Московской литературе

150 K

Долл.

и протопопе Аввакуме"; кн. Н. Трубецкой — „О туранском элементе в русской культуре"; Я. Садовский — „Из дневника Евразийца"; П. Савицкий — „Хозяин и хозяйство". Изд. 1925 г. 445 стр. . . . 1.25

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Книга Пятая. Содержание: Вступление; П. П. Сувчинский. — „К познанию современности"; Л. П. Карсавин. — „Феноменология революции"; В. Н. Никитин. — „Иран, Туран и Россия"; С. Г. Пушкарев. — „Россия и Европа в их историческом прошлом"; Г. В. Вернадский. — „Монгольское иго в русской истории"; кн. Н. С. Трубецкой. — „К украинской проблеме"; Л. П. Карсавин. — „Основы политики"; Н. Н. Алексеев. — „Советский федерализм"; С. Л. Франк. — „Собственность и социализм"; П. Н. Савицкий. — „К вопросу о государственном и частном начале промышленности." Изд. 1927 г. 308 стр. (Нов. орфограф.) 1.25

Кн. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ — ЕВРОПА и ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Изд. 1920 г. (Распродано).

РОССИЯ и ЛАТИНСТВО. Сборник статей. Содержание: П. Савицкий — „Россия и Латинство"; П. Сувчинский — „Страсти и Опасность"; П. Бицилли — „Католичество и Римская Церковь"; Г. Вернадский — „Соединение Церквей в исторической действительности"; кн. Н. Трубецкой — „Соблазны Единения"; А. Карташев — „Пути единения"; Г. Флоровский — „Два Завета"; В. Ильин — „К проблеме литургики в Православии и Католицизме". Изд. 1923 г. 219 стр. . . 0.50

А. С. ХОМЯКОВ. О церкви. (С примечаниями и предисловием Л. П. Карсавина). Изд. 1926 г. 89 стр. 0.45

С. Л. ФРАНК. Религия и Наука. Изд. 1925 г. 24 стр. (Нов. орфограф.) 0.25

И. Р. — Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Изд. 1925 г. 60 стр. (Нов. орфограф.) 0.45

Л. П. КАРСАВИН. О сомнении, науке и вере. Три беседы. Изд. 1925 г. 32 стр. (Нов. орфограф.) 0.25

С. Л. ФРАНК. — Основы Марксизма. Изд. 1926 года. 50 стр. (Нов. орфограф.) 0.25

КОМПЛЕКТОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ. Изд. 1926 г. 78 стран. . . 0.45

ЕВРАЗИЙСТВО (Опыт систематического изложения). Изд. 1926 г. 74 стр. (Нов. орфограф.). 0.30

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА. Выпуск VI. Изд. 1926 года. 50 стр. . . 0.25

— Выпуск VII. Изд. 1927 г. 64 стр. (Нов. орфограф.) 0.25

— Выпуск VIII. Изд. 1927 г. 86 стр. (Нов. орфограф.) 0.25

П. САВИЦКИЙ. — Россия — особый географический мир. Изд. 1927 г. 68 стр. (Нов. орфограф.) 0.35

Н. Н. АЛЕКСЕЕВ. — На путях к будущей России. Изд. 1927 г. 78 стр. (Нов. орфограф.) 0.45

Кн. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ — К проблеме русского самопознания (Собрание статей). Изд. 1927 г. 94 стр. + таблица. (Нов. орфограф.) . 0.45

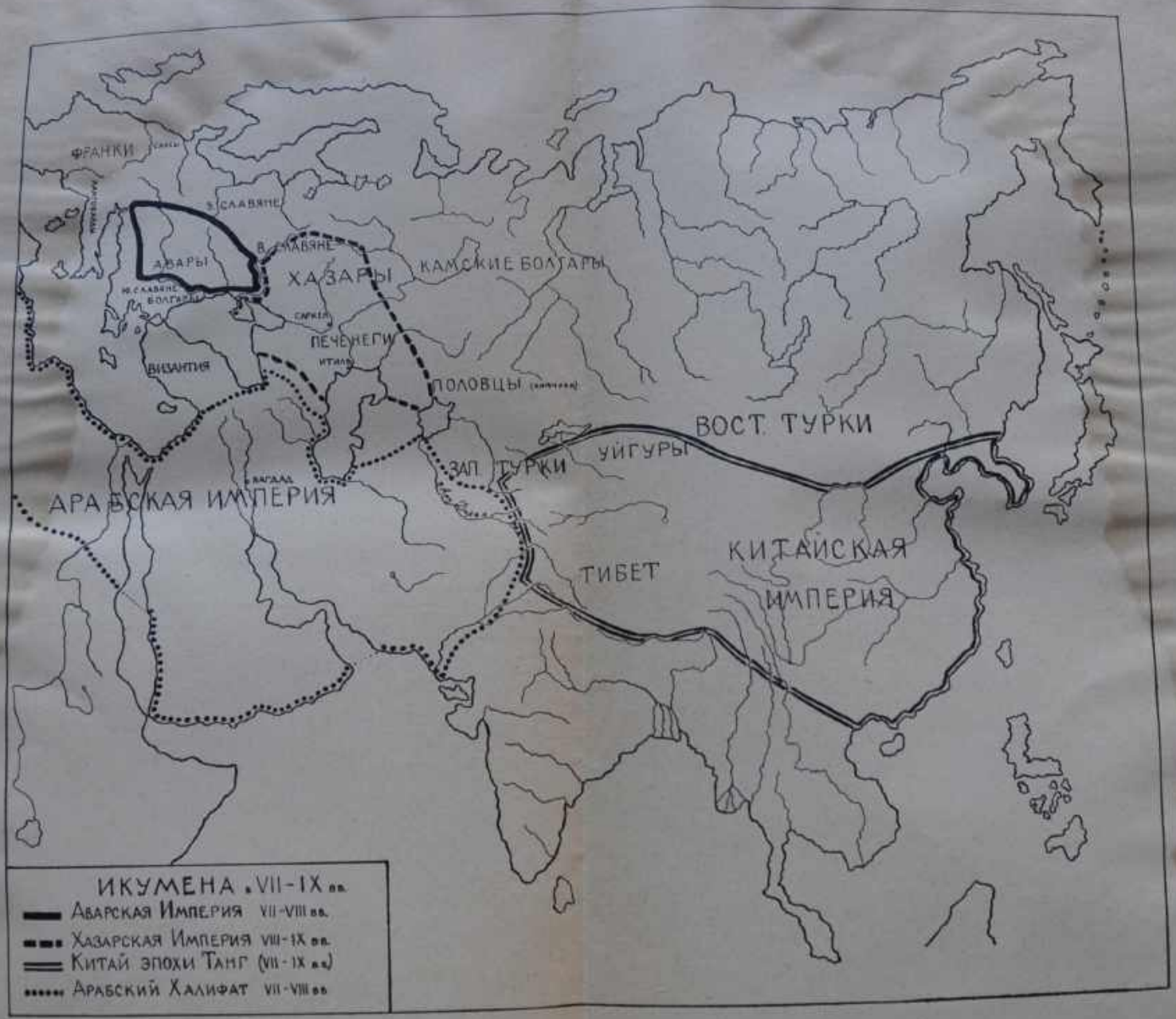
Л. П. КАРСАВИН. — Церковь, личность и государство. Изд. 1927 г. 30 стр. (Нов. орфограф.) 0.10

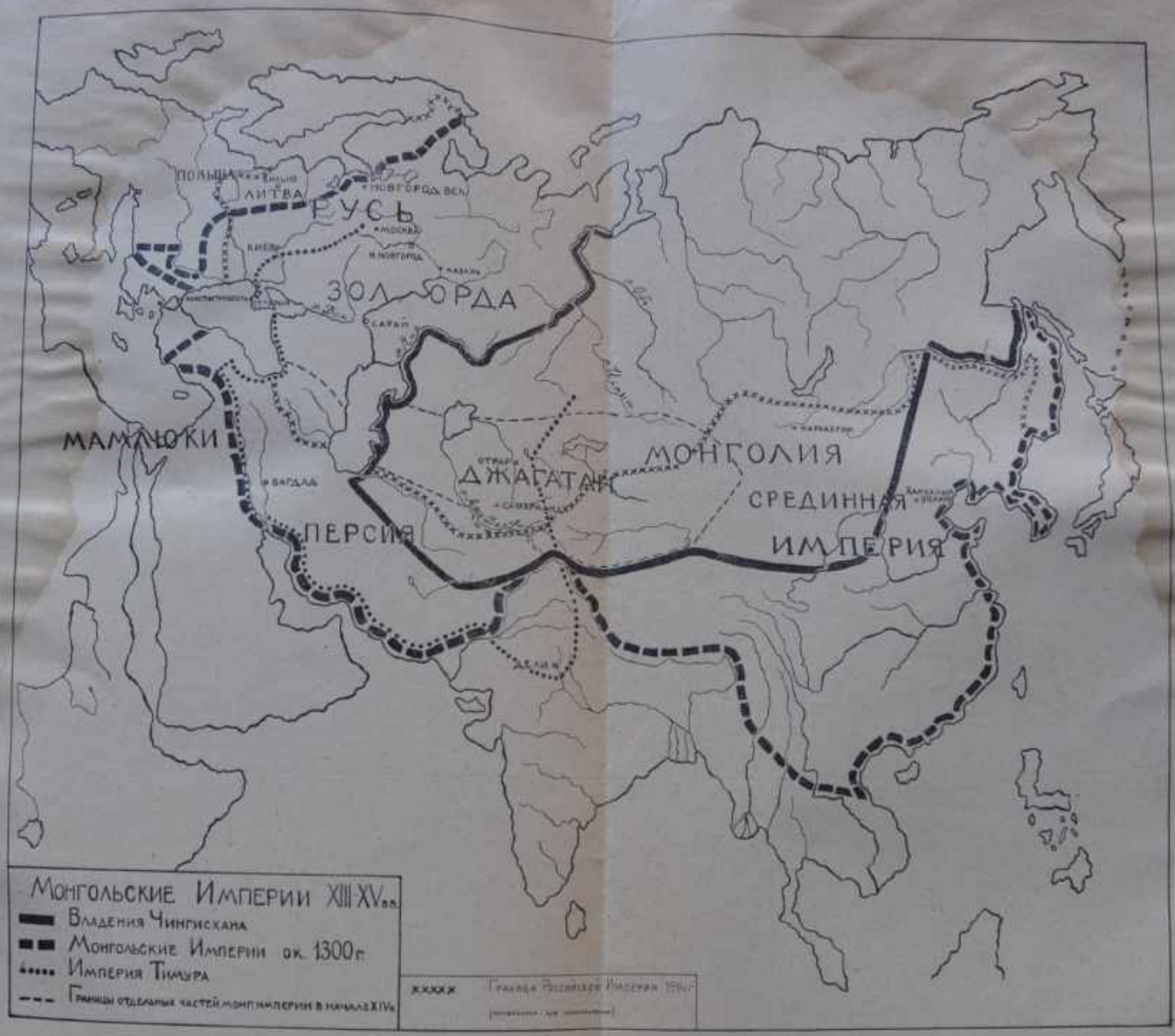
П. Н. САВИЦКИЙ. — Географические особенности России, часть I-я: Растительность и почвы. Изд. 1927 г. 177 стр. + карта + таблицы (Нов. орфограф.) 1.50

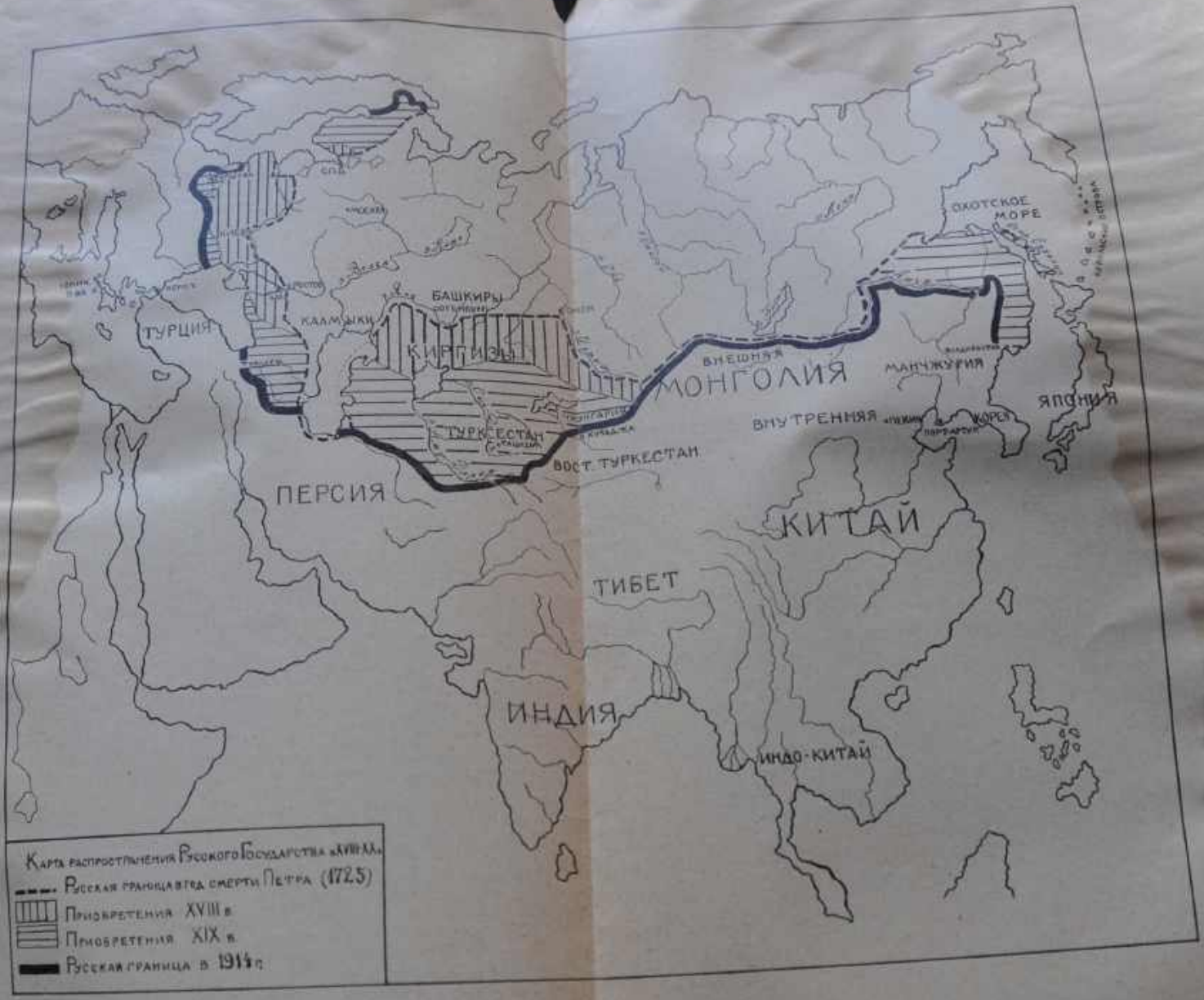
Книгопродавцам — обычная скидка.

Требования и заказы направлять по адресу:

Edition „Eurasie", 10, rue Paul Bert, Clamart, Seine, France.

ФРАНКИ
З. СЛАВЯНЕ
В. СЛАВЯНЕ
АВАРЫ
ЮЖ. СЛАВЯНЕ БОЛГАРИИ
ХАЗАРЫ
КАМСКИЕ БОЛГАРЫ
СЕВЕР
ПЕЧЕНЕГИ
ИТИЛЬ
ВИЗАНТИЯ
ПОЛОВЦЫ
ВОСТ. ТУРКИ
УЙГУРЫ
ЗАП. ТУРКИ
БАГДАД
АРАБСКАЯ ИМПЕРИЯ
ТИБЕТ
КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ИКУМЕНА VII-IX вв.
Аварская Империя VII-VIII вв.
Хазарская Империя VIII-IX вв.
Китай эпохи Танг (VII-IX вв.)
Арабский Халифат VII-VIII вв.

ЛИТВА
РУСЬ
ЗОЛОТАЯ ОРДА
МАМЛЮКИ
ДЖАГАТАЙ
МОНГОЛИЯ
СРЕДИННАЯ ИМПЕРИЯ
ПЕРСИЯ
Монгольские Империи XIII-XV вв.
Владения Чингисхана
Монгольские Империи ок. 1300 г.
Империя Тимура
Границы отдельных частей монг. империи в начале XIV в.
Граница Российской Империи 1914 г.

ОХОТСКОЕ МОРЕ
БАШКИРЫ
КАЛМЫКИ
ТУРЦИЯ
КИРГИЗЫ
ВНЕШНЯЯ МОНГОЛИЯ
МАНЧЖУРИЯ
ЯПОНИЯ
ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ
КОРЕЯ
ТУРКЕСТАН
ВОСТ. ТУРКЕСТАН
ПЕРСИЯ
КИТАЙ
ТИБЕТ
ИНДИЯ
ИНДО-КИТАЙ
Карта распространения Русского Государства в XVIII-XX вв.
Русская граница в год смерти Петра (1725)
Приобретения XVIII в.
Приобретения XIX в.
Русская граница в 1914 г.